

**A LITVÁN NAGYFEJEDelemsÉG
ÉS A MAI KÖZÉP- ÉS KELET-EURÓPA NYELVEI:
ANALÓGIÁK ÉS FOLYTONOSSÁG**

**ЯЗЫКИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ
И СТРАНАХ СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
АНАЛОГИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ**

**МОВЫ Ў ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ
І КРАІНАХ СУЧАСНАЙ ЦЭНТРАЛЬНАЙ І ЎСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ:
АНАЛОГІІ І ПЕРАЕМНАСЦЬ**

**JĘZYKI W WIELKIM KSIĘSTWIE LITEWSKIM
I WE WSPÓŁCZESNYCH PAŃSTWACH ŚRODKOWEJ I WSCHODNIEJ EUROPY:
ANALOGIE I DZIEDZICTWO**



**BUDAPEST
1998**

A LITVÁN NAGYFEJEDelemség ÉS A MAI KÖZÉP- ÉS KELET-EURÓPA NYELVEI: ANALÓGIÁK ÉS FOLYTONOSSÁG

ЯЗЫКИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ
И СТРАНАХ СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
АНАЛОГИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

МОВЫ ў Вялікім княстве Літоўскім
і краінах сучаснай цэнтральнай і ўсходняй Еўропы: аналогіі і
пераемнасць

JĘZYKI W WIELKIM KSIĘSTWIE LITEWSKIM
I WE WSPÓŁCZESNYCH PAŃSTWACH ŚRODKOWEJ I WSCHODNIEJ EUROPY:
ANALOGIE I DZIEDZICTWO



Az 1998. május 25—26-i konferencia anyaga

Материалы конференции 25—26 мая 1998 г.

Szerkesztették:

LACZHÁZI ARANKA, SZMOLINKA ESZTER,
ZOLTÁN ANDRÁS

Редакторы:

А. ЛАЦХАЗИ, Э. СМОЛИНКА,
А. ЗОЛТАН

BUDAPEST
1998



Készült az ELTE BTK Keleti Szláv és Balti Filológiai Tanszékén

Сборник подготовлен на кафедре восточнославянской и балтийской филологии
Будапештского университета

H—1052 Budapest, Piarista köz 1.
☎/fax: (36-1) 2-66-89-81;
☎ (36-1) 2-670-966/5106; 5383; 5022
E-mail: eastslav@isis.elte.hu

ISBN 963 463 205 X

A konferencia megrendezését a Soros Alapítvány támogatta

A kiadvány az
FKFP 0565/1997
"Köztes-Európa" nyelvi struktúrája
(A keleti szláv és a balti nyelvek múltja és jelene)
c. kutatási program keretében készült

Felelős kiadó:
Dr. Zoltán András

Előszó

Az Eötvös Loránd Tudományegyetem Egyetemi Tanácsának 1994. december 12-i ülésén hozott határozata értelmében a Bölcsészettudományi Kar Orosz Filológiai Tanszékének neve 1995. január 1-től *Keleti Szláv és Balti Filológiai Tanszék*re változott.¹ A névváltoztatást maga a tanszék kezdeményezte, mivel a régi név már régóta nem fedte teljes egészében a tartalmat.

Az orosz mellett már 1960-ban megindult az ukrán nyelv oktatása, 1961 óta pedig a tanszéken folyik az ukrán nyelv és irodalom (kezdetben "C", a jelenlegi terminológiában "B" felvételi minor) szak oktatása is. A legutóbbi évekig ez volt az egyetlen hely Magyarországon, ahol ukrán filológiából diplomát lehetett szerezni. (Ma már folyik ukrán szakos képzés a szegedi József Attila Tudományegyetemen és a nyíregyházi Bessenyei György Tanárképző is.)² Az ukrán stúdiumok iránti korábban elég lanya érdeklődés Ukrajna függetlenné válása (1991) óta jelentős mértékben megnőtt: míg korábban gyakran előfordult, hogy jelentkezők hiányában néha több egymást követő tanévben sem indult új évfolyam, addig az utóbbi években folyamatos volt a jelentkezés (4—8 fő évente). Úgy tapasztaljuk, hogy az érdeklődés növekedése egybevág a társadalmi igénnyel, hiszen a Szovjetunió felbomlása után az 50 milliós Ukrajna "lépett elő" a legnagyobb szomszédunkká, az államközi érintkezés eszközeként pedig természetes módon előtérbe került az ukrán nyelv. 1991-től kezdve működik főállású ukrán lektor tanszékünkön.

Az orosztól és az ukrántól eltérően a harmadik keleti szláv nyelv, a fehérorosz (belorusz) nyelv oktatásában nem támaszkodhattunk hagyományokra. E téren az első lépést tettük meg azzal, hogy 1994-ben — a magyar felsőoktatás történetében először — fehérorosz lektort alkalmaztunk.

A három keleti szláv nyelv és irodalom egy tanszéken való oktatását a közeli nyelvrokonságon kívül teljes mértékben indokolja e népek több hosszú időszakot átölelő közös története és ebből fakadóan a nyelvi és kulturális kölcsönhatások bonyolult szövevénye. A balti (a litván, a lett és a csak nyelvemlékekből ismert óporosz) nyelvek genetikai szempontból az összes szláv nyelvhez kötődnek, mégpedig a többi indoeurópai nyelvnél sokkal szorosabban, tehát a balti filológia helye tulajdonképpen egy általános szlavisztikai tanszék mellett lenne.³ A balti nyelvek oktatásának azonban a magyar felsőoktatásban nem volt előzménye, e téren is mindent előről kellett kezdeni, amikor 1991-ben lehetőség nyílt litván anyanyelvi lektort meghívni a Vilnusi Egyetemről. A másik élő balti nyelv, a lett oktatásának a bevezetésére az adott alkalmat, hogy elsőként a szombathelyi Berzsényi Dániel Tanárképző Főiskola hívott meg lett anyanyelvi lektort, aki 1993—1996 között tanszékünkön is oktatott lett nyelvet és vezetett doktori kurzusokat is. Az első, még "közös" lektorunk, Daina NĪTINA, aki egyébként a Rigai Egyetem professzornője, a Lett Tudományos Akadémia levelező tagja, igen széleskörű szakirodalmi munkásságot folytatott Magyarországon, amelynek eredményei most kezdenek nyomtatásban megjelenni.⁴ 1997-től kezdve önálló lett lektor működik tanszékünkön.

A térség nyelveinek oktatását kellett megszervezni (illetve az ukrán esetében megerősíteni) először ahhoz, hogy megkezdődhessen e meglehetősen elhanyagolt terület tudományos "birtokbavétele" is. Ukrainisztikai kutatások a tanszéken korábban is folytak, a nyelvészet terén elsősorban Baleczky Emil (1919—1981) munkáit kell kiemelni,⁵ az alborutenisztika inkább csak segédtudományként volt jelen az orosz szókincs korai nyugati jövevényszavainak vizsgálatában,⁶

¹ Vö. ZOLTÁN András, Kelet-Európa jobb megismeréséért: ELTE Tájékoztató. Budapest, 1995. február, 37–39.

² Vö. UDVARI István, A nyíregyházi ukrainisztika eredményei, feladatai 1996—97-ben: Hungaro-Ruthenica I. Szerk. KOCSIS Mihály. Szeged, 1998, 47—49.

³ Ez a kérdés a Szláv és Balti Filológiai Intézet megalakításával hamarosan megoldódik, vö. Bölcsész Hírek. Az ELTE Bölcsészettudományi Karának kiadványa. 1998. május, 12.

⁴ Vö. DAINA NĪTINA, Könyv a lett nyelvről (= Folia Baltica 1.). Berzsényi Dániel Tanárképző Főiskola. Savariae, 1998; DAINA NĪTINA — LACZHAZI Aranka, Latviešu valoda 20 stundās — Lett nyelvkönyv. Osiris, Budapest, 1998 (megjelenés előtt).

⁵ Vö. Bibliographie der Arbeiten von Emil Baleczky: Studia Slavica Hung. 28 (1982) 407—408; A magyarországi szláv nyelvtudomány bibliográfiája 1985-ig — Библиография венгерской языковедческой славистики до 1985 г. Szerkesztette NYOMÁRKAY István vezetésével a szerkesztő bizottság: GREGOR Ferenc, HOLLÓS Attila, ZOLTÁN András. ELTE, Budapest, 1990, ?? 11, 311—330.

⁶ Vö. ZOLTÁN András, Fejezetek az orosz szókincs történetéből – ?? ?????? ?????? ??????. Tankönyvkiadó, Budapest, 1987.

baltisztikai kutatások a tanszéken egyáltalán nem folytak. Mára azonban kialakult a tanszék körül egy olyan fiatal kutatói kör, amelynek tagjai a térség több nyelvének biztos ismeretében a baltisztikát, az alborutenisztikát vagy az ukrainisztikát választották kutatási témájukul, s kezdeti eredményeikről tudományos publikációkban⁷ és nemzetközi konferenciákon elhangzott előadásokban adtak számot itthon és külföldön.⁸ E sorok szerzőjének saját kutatásaiban is egyre nagyobb szerepet kapott a Litván Nagyfejedelemség ófehérorosz nyelvű írásbelisége.⁹

Első szerény konferenciánkat 1996. áprilisában fehérorosz témáknak szenteltük,¹⁰ majd társrendezői voltunk a "Kelet-Európa Báthory István korában" című nemzetközi konferenciának (Grodno, 1996. december 12—14)¹¹.

Ez a konferencia is arról győzött meg bennünket, hogy az ún. "Köztes-Európa" nyelvei és kulturái csak egymással és a szomszédos nyelvekkel összefüggésben vizsgálhatók eredményesen. A szláv és a balti nyelveket a genetikai rokonságon túl a nyelvi és kulturális kölcsönhatások is összefűzik egymással. A keleti szláv nyelvterületen a XI—XIV. században a délszláv eredetű egyházi szláv volt gyakorlatilag az egyetlen irodalmi (bár nem az egyetlen írott) nyelv; ez az állapot (az egyházi szláv—keleti szláv diglosszia) a nagyorosz területen a XV—XVII. században is fennmaradt, noha a természeténél fogva konzervatívabb irodalmi nyelv és a beszélt nyelv közötti szakadék az idők során egyre mélyült. A Litván Nagyfejedelemség, majd a Lengyel—Litván Állam keleti szláv lakosságának irodalmi nyelvi viszonyai a XV. századtól kezdve jelentős mértékben eltértek a nagyorosztól: itt az egyházi szláv az ortodox egyház szakrális nyelveként őrződött csak meg (és mint ilyen vált már korán a filológiai kutatás tárgyává, vö. pl. Smotrickij egyházi szláv nyelvtanát és Berynda egyházi szláv—nyugatorosz szótárát), a közigazgatás hivatalos nyelve az óukrán—óbelorusz jellegű ún. nyugatorosz lett, amely a XVI. századtól kezdve a szépirodalomba, sőt a hitvitázó irodalom révén az egyházi nyelvbe is benyomult, lényegében világi irodalmi nyelvvé vált. Ugyanakkor azonban a nyugatorosz mellett a Litván Nagyfejedelemségben egyre nagyobb tért

⁷ Vö. pl. К. ДУФАЛА [DUFALA Krisztina], Об одной белорусско-польской рукописи, написанной арабским письмом: *Studia Russica* XVI. ELTE, Budapest, 1997, 215—223; А. ЛАЦХАЗИ [LACZHÁZI Aranka], Аспектуальность в литовском языке — в сопоставлении с русским: *uo.*, 224—230; Э. СМОЛИНКА [SZMOLINKA Eszter], Пра Якуба Коласа і яго творы на Вугоршчыне: *uo.*, 320—325; В. МАРОЗ, Э. СМОЛИНКА, Аспекты тэрмінатворчасці ? сучаснай беларускай філалогіі: *uo.*, 202—205.

⁸ Vö. pl. К. ДУФАЛА, 3 рэлігійнай фразеалогіі беларускіх татар (на матэрыяле двух кітабаў: *Hungaro-Alboruthenica* 1996, Budapest, 1996, 32—34; Uő, Над гаспадарамі гаспадар (семантыка-спалучальныя сувязі адзінкі БОГ ў мове аднаго беларускага тэксту, пісанга арабскім пісьмом): *Frazeologia a religia, Tezu referatow miedzynarodowego sympozjum naukowego*. Opole. 1996, 78—81; А. ЛАЦХАЗИ, Erweiterung der Lexik der litauischen Kanzleisprache: "Second Conference on Baltic Studies in Europe", Vilnius, 1997. augusztus 20—22; Uő, Заметки к выражению аспектуальных значений в литовском языке: "Круглый стол — Балтийская филология". Szentpétervár, 1998. március 10—12; Э. СМОЛИНКА, Пра лёгкі хлеб і лёгкую руку (фразеалогія з кампанентам *лёгкі ў моўным кантэксце*): "Hungaro-Alboruthenica 1996", Budapest, 1996, 34—38, Uő, Чалавек і чалавечая ў апазіцыі "бог-чорт" (семантычнае разыходжанне і збліжэнне ўстойлівых адзінак мовы): *Frazeologia a religia, Tezu referatow miedzynarodowego sympozjum naukowego*. Opole, 1996, 82—84; Uő, Да семантычнай характарыстыкі фразем: Беларуска-руск-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства, Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Ч. 3. Віцебск, 1997, 526—527.

⁹ Vö. А. ZOLTÁN, Z wegiersko-polsko-białoruskich związków kulturalnych ("Athila" M. Oláha w przekładzie polskim i białoruskim): *Acta Polono-Ruthenica* I (Olsztyn 1996), 427—435; Uő, Oláh Miklós *Athilájának* lengyel és fehérorosz fordításáról: *Hungaro-Slavica* 1997. *Studia in honorem Stephani Nyomárkay*. ELTE, Budapest, 1997, 354—357; Uő, «Батура — сабачча натура» (*Hungarica* ? «Гісторыі беларускай літаратуры» М. Гарэцкага): *Гарэцкія чытанні*. Матэрыялы дакладаў і паведамленняў першых міжнародных чытанняў (г. Мінск, 23—24 красавіка 1996 г.). Мінск, 1997, 117—121.

¹⁰ A konferencia tézisei megjelentek: *Hungaro-Alboruthenica* 1996. Матэрыялы канферэнцыі 19 сакавіка 1996 года — Az 1996. április 19-i konferencia anyaga. Рэдактары: Мікалай АЛЯХНОВІЧ і Андраш ЗОЛТАН. Szerkesztették: Mikalaj ALJANOVICS és ZOLTÁN András. ELTE, Budapest, 1996. Ismertetése: Генадзь ЦЫХУН: Кантакты і дыялогі, ?нфармацыйна-аналітычны бюлетэнь. Мінск 1996, ? 11—12, 30—31.

¹¹ Ennek anyaga pénzügyi nehézségek miatt sajnos még nem jelent meg, ezért felsorolom a tanszékünk részéről ott elhangzott előadásokat: Сергей Филиппов [FILIPPOV Szergej], Стефан Баторий глазами венгров; Дагмара КОКИНА [Dagmāra KOKINA], Историческая личность в латышской литературе: Стефан Баторий; Аранка ЛАЦХАЗИ [LACZHÁZI Aranka], Отражение венгерско-литовских культурно-исторических контактов в литовской лексике; Валянціна МАРОЗ, Беларускія летапісы пра Венгрыню і венгра?; Вайда НАШЛЕНАЙТЕ [NAŠLENAITE Vaida], Просвещение в Литве в эпоху Стефана Батория; Эстэр СМОЛИНКА [SZMOLINKA Eszter], Слова, фразема, прыказка як сродак вобразнай характарыстыкі асобы; Андраш ЗОЛТАН [ZOLTÁN András], Венгерско-белорусские литературные и языковые контакты во время Стефана Батория.

hódított a lengyel irodalmi nyelv használata is, amely a XVII. század végére a nyugatoroszt a közigazgatásban is felváltotta. A Litván Nagyfejedelemség etnikai összetétele (legnagyobb kiterjedése idején a litvánok és a keleti szlávok aránya kb. 1 : 10 volt) nem kedvezett a litván irodalmi nyelv szélesebb körű használatának, itt az irodalmi nyelv fejlődés csak a reformáció korában indult meg, és a XVI—XVII. században nem is lépett túl a vallási irodalom határán. Hasonlóan alakult a lett irodalmi nyelv kezdete is azzal a különbséggel, hogy a lett területeken történelmi okokból (balti német kolonizáció) az irodalom és a közigazgatás nyelve a német volt.

A Litván Nagyfejedelemség a XVIII. században eltűnt ugyan Európa politikai térképéről, de a múltbeli nyelvi és kulturális kölcsönhatás nyomai nem törlődtek ki sem a területén létrejött modern nemzeti irodalmi nyelvekből (ukrán, fehérorosz, litván), sem azokból a nyelvekből, amelyek intenzív kontaktusban álltak a múltban e terület nyelveivel (lengyel, orosz, lett).

Mindezek a tények arra ösztönöztek bennünket, hogy egy nemzetközi konferencia keretében felmérjük a soknemzetiségű Litván Nagyfejedelemség nyelvi örökségét a térség mai nyelveiben. Egy ilyen tudományos rendezvény jól illeszkedik munkacsoportunknak 1997-ben a Felsőoktatási Kutatási és Fejlesztési Pályázaton támogatást nyert *"Köztes-Európa" nyelvi struktúrája (A keleti szláv és a balti nyelvek múltja és jelene)* című kutatási programjába (FKFP 0565/1997). E pályázat keretében azonban nagyobb nemzetközi konferencia szervezésére nem nyílt mód, így e kutatási programhoz az 1998. május 25—26-án tanszékünkön megrendezett *A Litván Nagyfejedelemség és a mai Közép- és Kelet-Európa nyelvei: analógiák és folytonosság* című konferencia elsősorban szellemileg kapcsolódik. Nagy segítséget jelentett a Soros Alapítvány (East East Program) támogatása, amely lehetővé tette, hogy ilyen szép számban fogadhassunk vendégeket a térség országaiból.

Jelen kiadványunk alapvetően a konferencián elhangzott előadások téziseit tartalmazza. Eltérések persze vannak, mert amint az lenni szokott, a konferencia résztvevőinek névsora nem teljesen azonos e kis füzet szerzőivel: egyesek küldtek anyagot, de személyesen nem tudtak eljönni, vagy fordítva: itt voltak és emlékezetes előadást tartottak, de valamilyen okból az írásos összefoglalás nem készült el. Az egyes írások terjedelme is elég változatos, a néhány soros emlékeztetőtől a szinte kidolgozott tanulmányig terjed. A szerzői szövegeket változatlanul közöljük, mégpedig a szerzők vezetéknevének az egyszerű latin ábécé sorrendjében (az esetleges diakritikus jelek figyelmen kívül hagyásával). Az újragépelésből eredő nyomdahibákért a felelősség a szerkesztőket terheli.

A konferencia szervezői nevében ezúton is szeretnék köszönetet mondani elsősorban mindazoknak a külföldi és hazai kollégáknak, akik konferenciánkat előadásukkal és/vagy jelenlétükkel megtisztelték. Külön köszönet illeti két ifjú kollégánőmet, Laczházi Arankát és Szmolinka Esztert, akik a konferencia megszervezésében és e kis kötet sajtó alá rendezésében önzetlenül segítettek, valamint Imecs Zoltánné tanszéki előadót, aki a rendezvény lebonyolításában nyújtott pótolhatatlan segítséget.

Zoltán András

Предисловие

На основе решения Сената Университета им. Лоранда Этвеша от 12 декабря 1994 года Кафедра русской филологии Факультета гуманитарных наук с 1 января 1995 года переименована в Кафедру восточнославянской и балтийской филологии.¹² Изменение названия инициировала сама кафедра, так как оно уже давно не отражало действительность.

На кафедре наряду с русским уже в 1960 году началось преподавание украинского языка, а с 1961 года велась подготовка студентов по украинской филологии. До недавнего времени наш университет был единственным местом в Венгрии, где можно было получить диплом по украинской филологии. (В настоящее время преподавание украинского языка и литературы ведется уже и в городе Сегеде в Университете им. Аттилы Йожефа, а также в Педагогическом институте им. Дьёрдя Бешшенеи в городе Ниредьхазе)¹³. С 1991 года, с момента провозглашения свободной Украины интерес к украинистике в Венгрии значительно возрос: ранее далеко не каждый год начинали учебу студенты на украинском отделении, в то время как сегодня на украинском отделении на каждом курсе учится от 4 до 8 студентов. Опыт показывает, что рост интереса к украинистике объясняется новой ситуацией, связанной с распадом бывшего СССР, в результате которой Украина "стала" нашим самым большим соседом, а украинский язык — важным средством межгосударственного общения. На нашей кафедре с 1991 года работает постоянный лектор.

В преподавании третьего восточнославянского языка — белорусского — мы, к сожалению, опираться на традиции не можем. Первые шаги в области разрешения проблемы преподавания белорусского языка в высшем образовании Венгрии были предприняты в 1994 году, когда на нашей кафедре начал свою преподавательскую деятельность первый лектор из Беларуси.

Преподавание языков и литератур трех восточнославянских языков на одной кафедре кроме их языковой близости обусловлено многими и длительными общими историческими периодами развития, а также исходящими из этого сложными культурными и языковыми взаимосвязями. Балтийские языки (литовский, латышский и известный лишь на основе письменных памятников древнепрussкий) с генетической точки зрения более тесно связаны со всеми славянскими языками, чем с остальными индоевропейскими. Таким образом, соответствующим местом преподавания балтийской филологии была бы кафедра общей славистики.¹⁴ Однако преподавание балтийской филологии в вузах Венгрии также не имело традиций. Возможность начать эту деятельность открылась в 1991 году, когда в наш университет был приглашен лектор из Вильнюсского университета. Для введения преподавания второго живого балтийского языка — латышского — возможность открылась, когда в

¹² Ср.: ZOLTÁN András, Kelet-Európa jobb megismeréséért: ELTE Tájékoztató. Budapest, 1995. február, 37–39.

¹³ См.: UDVARI István, A nyíregyházi ukrainisztika eredményei, feladatai 1996—97-ben: Hungaro-Ruthenica I. Szerk. KOCSIS Mihály. Szeged, 1998, 47—49.

¹⁴ Данный вопрос вскоре будет решен в результате образования Института славянской и балтийской филологии. См.: Bölcsész Hírek. Az ELTE Bölcsészettudományi Karának kiadványa. 1998. május, 12.

Педагогическую высшую школу им. Даниеля Бержени в городе Сомбатхейе был приглашен лектор из Латвии, который преподавал латышский язык и на нашей кафедре, в том числе и на докторских курсах между 1993 и 1996 годом. Первый наш "общий" лектор Дайна Нитина, профессор рижского университета, член-корреспондент Латвийской Академии наук, во время своего пребывания в Венгрии интенсивно занималась исследовательской деятельностью, результаты которой сейчас уже появляются в печати.¹⁵ Начиная с 1997 года и наша кафедра пригласила из Латвии лектора.

Сначала было необходимо организовать (вернее в случае украинского интенсифицировать) преподавание языков региона для того, чтобы началась научная "обработка" этой ранее забытой области. Исследования в области украинистики уже и раньше велись на кафедре: в области языкознания следует обратить внимание в первую очередь на работы Эмиля Балецкого (1919—1981)¹⁶, а в области украинской литературы Веры Шер (1922—1997)¹⁷. Белорусистика присутствовала лишь в качестве вспомогательной науки в исследованиях русской лексики, заимствованной из западноевропейских языков до XVIII столетия¹⁸. Исследования в области баллистики на кафедре вообще не проводились.

На сегодняшний день на кафедре образовался круг молодых исследователей, владеющих восточнославянскими и балтийскими языками на высоком уровне, которые занимаются исследовательской деятельностью в области баллистики, белорусистики и украинистики. О результатах работы свидетельствуют их научные публикации¹⁹, а также

¹⁵ См.: Daina NĪTIŅA, Könyv a lett nyelvről (= Folia Baltica 1.). Berzsenyi Dániel Tanárképző Főiskola. Savariae, 1998; Daina NĪTIŅA — LACZHÁZI Aranka, Latviešu valoda 20 stundās — Lett nyelvkönyv. Osiris, Budapest, 1998. (В печати.)

¹⁶ См.: Bibliographie der Arbeiten von Emil Baleczky: Studia Slavica Hung. 28 (1982) 407—408; A magyarországi szláv nyelvtudomány bibliográfiája 1985-ig — Библиография венгерской языковедческой славистики до 1985 г. Szerkesztette NYOMÁRKAY István vezetésével a szerkesztő bizottság: GREGOR Ferenc, HOLLÓS Attila, ZOLTÁN András. ELTE, Budapest, 1990, ?? 11, 311—330.

¹⁷ См.: Вера ШЕР (SCHER Vera), Шевченко и его венгерские переводчики. In: Studia Slavica Hung. XIV, 1968, 353—361; ОНА ЖЕ, Шевченко в Венгрии. In: Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio philologica. T. VIII. 1968, 139—150; ОНА ЖЕ, Украинская литература в Венгрии. In: Studia Slavica Hung. XV?, 1970, 41—52; ОНА ЖЕ, Стихия лиризма в романах М. Стельмаха и проблемы перевода. In: Studia Slavica Hung. XV???, 1980, 371—380.

¹⁸ ZOLTÁN András, Fejezetek az orosz szókincs történetéből — ?? ??????? ??????? ???????. Tankönyvkiadó, Budapest, 1987.

¹⁹ К. ДУФАЛА [DUFALA Krisztina], Об одной белорусско-польской рукописи, написанной арабским письмом: Studia Russica XVI. ELTE, Budapest, 1997, 215—223; А. ЛАЦХАЗИ [LACZHÁZI Aranka], Аспектуальность в литовском языке — в сопоставлении с русским: там же, 224—230; Э. СМОЛИНКА [SZMOLINKA Eszter], Пра Якуба Коласа і яго творы на Вугоршчыне: там же, 320—325; В. МАРОЗ, Э. СМОЛИНКА, Аспекты тэрмінатворчасці ? сучаснай беларускай філалогіі: там же, 202—205. 11, 311—330.

доклады и сообщения, сделанные на отечественных и международных конференциях²⁰. В исследовательской работе автора данного предисловия также все более и более важную роль стала играть старо-белорусская письменность Великого княжества Литовского²¹.

Свою первую скромную конференцию в 1996 году мы посвятили белорусской тематике²², а с 12—14 декабря 1996 года в Гродно были соорганизаторами международной конференции "Стефан Баторий и Восточная Европа в его эпоху"²³.

¹⁹ См.: Вера ШЕР (SCHER Vera), Шевченко и его венгерские переводчики. In: *Studia Slavica Hung.* XIV, 1968, 353—361; ОНА ЖЕ, Шевченко в Венгрии. In: *Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio philologica.* T. VIII. 1968, 139—150; ОНА ЖЕ, Украинская литература в Венгрии. In: *Studia Slavica Hung.* XV?, 1970, 41—52; ОНА ЖЕ, Стихия лиризма в романах М. Стельмаха и проблемы перевода. In: *Studia Slavica Hung.* XV???, 1980, 371—380.

¹⁹ ZOLTÁN András, *Fejezetek az orosz szókincs történetéből – ?? ?????? ?????? ??????*. Tankönyvkiadó, Budapest, 1987.

¹⁹ К. ДУФАЛА [DUFALA Krisztina], Об одной белорусско-польской рукописи, написанной арабским письмом: *Studia Russica XVI.* ELTE, Budapest, 1997, 215—223; А. ЛАЦХАЗИ

²⁰ Ср., напр., К. ДУФАЛА, 3 рэлігійнай фразеалогіі беларускіх татар (на матэрыяле двух кітабаў: *Hungaro-Alboruthenica* 1996, Budapest, 1996, 32—34; UŐ, Над гаспадарамі гаспадар (семантыка-спалучальныя сувязі адзінкі БОГ ў мове аднаго беларускага тэксту, пісанага арабскім пісьмом): *Frazeologia a religia, Tezy referatów międzynarodowego sympozjum naukowego.* Opole. 1996, 78—81; А. LACZHÁZI, Erweiterung der Lexik der litauischen Kanzleisprache: "Second Conference on Baltic Studies in Europe", Vilnius, 20—22 августа 1997 г.; ОНА ЖЕ, Заметки к выражению аспектуальных значений в литовском языке: "Круглый стол — Балтийская филология". Szentpétervár, 10—12 марта 1998 г.; Э. СМОЛІНКА, Пра лёгкі хлеб і лёгкую руку (фразеалогія з кампанентам *лёгкі* ў моўным кантэксте): "Hungaro-Alboruthenica 1996", Budapest, 1996, 34—38, ОНА ЖЕ, Чалавек і чалавечы ў апазіцыі "бог-чорт" (семантычнае разыходжанне і збліжэнне ўстойлівых адзінак мовы): *Frazeologia a religia, Tezy referatów międzynarodowego sympozjum naukowego.* Opole, 1996, 82—84; UŐ, Да семантычнай характарыстыкі фразем: Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства, Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Ч. 3. Віцебск, 1997, 526—527.

²¹ См.: А. ZOLTÁN, Z węgiersko-polsko-białoruskich związków kulturalnych ("Athila" M. Oláha w przekładzie polskim i białoruskim): *Acta Polono-Ruthenica I* (Olsztyn 1996), 427—435; ОН ЖЕ, Oláh Miklós *Athilájának lengyel és fehér orosz fordításáról*: *Hungaro-Slavica* 1997. *Studia in honorem Stephani Nyomárkay.* ELTE, Budapest, 1997, 354—357; ОН ЖЕ, «Батура – сабачча натура» (*Hungarica* ? «Гісторыі беларускай літаратуры» М. Гарэцкага): Гарэцкія чытанні. Матэрыялы дакладаў і паведамленняў першых міжнародных чытанняў (г. Мінск, 23—24 красавіка 1996 г.). Мінск, 1997, 117—121.

²² Тезісы конференцыі см.: *Hungaro-Alboruthenica* 1996. Матэрыялы канферэнцыі 19 сакавіка 1996 года – *Az 1996. április 19-i konferencia anyaga.* Рэдактары: Мікалай Аляхновіч і Андраш Золтан. Szerkesztették: Mikalaj ALJAHNOVICS és ZOLTÁN András. ELTE, Budapest, 1996. См. такжэ рэцензію: Генадзь Цыхун: Кантакты і дыялогі, ?нфармацыйна-аналітычны бюлетэнь. Мінск 1996, ? 11—12, 30—31.

²³ Матэрыялы даннай конференцыі, к сожеланию, еще не вышли в свет из-за финансовых трудностей. Поэтому ниже дается перечисление докладов, прозвучавших со стороны нашей кафедры: Сергей Филиппов [FILIPPOV Szergej], Стефан Баторий глазами венгров; Дагмара Кокина [Dagmāra KOKINA], Историческая личность в латышской литературе: Стефан Баторий; Аранка Лацхази [LACZHÁZI Aranka], Отражение венгерско-литовских культурно-исторических контактов в литовской лексике; Валянціна Мароз, Беларускія летапісы пра Венгрыю і венгра?; Вайда НАШЛЕНАЙТЕ

Данная конференция лишней раз доказала нам, что языки и культура т. н. "Промежуточной Европы" с успехом может быть исследована лишь в сопоставлении с языками и культурой соседних стран. Славянские и балтийские языки помимо генетического родства связывают еще и языковые и культурные контакты и взаимовлияния. На восточнославянской языковой территории в XI—XIV вв. церковнославянский язык южнославянского происхождения был единственным литературным (но не единственным письменным) языком; эта ситуация (диглоссия церковнославянского и восточнославянского языков) сохранилась на великорусской территории до XV—XVII столетия, хотя разрыв между разговорным языком и по природе своей более консервативным литературным языком с течением времени все больше и больше увеличивался. С XV века языковая ситуация славянского населения Великого княжества Литовского, и позже Польско-Литовского государства в значительной мере отличается от языковой ситуации Московской Руси. Здесь церковнославянский язык сохранился лишь как сакральный язык православной церкви (и как таковой уже очень рано стал предметом филологического исследования, см. напр. грамматику церковнославянского языка М. Смотрицкого и церковнославяно-западнорусский словарь Павлы Беринды), официальным административным языком стал т. н. западнорусский (староукраинско-старобелорусский) язык, который начиная с XVI столетия проник и в художественную литературу, более того посредством полемической литературы — в церковный язык, превратившись таким образом практически языком светской литературы. В Великом княжестве Литовском все в большей и большей мере распространялся польский литературный язык, который к концу XVII столетия заменил западнорусский язык даже в сфере администрации. Этнический состав Великого княжества Литовского (когда территория княжества достигла наибольшего размера, соотношение литовцев и восточных славян было 1 : 10) не способствовал более широкому распространению литовского литературного языка. У литовцев развитие литературного языка началось лишь в эпоху Реформации, и в XVI—XVII столетии не выходило за рамки церковной литературы. Начало развития латышского литературного языка происходило почти таким же образом с той лишь разницей, что на латышской земле языком литературы и администрации по историческим причинам (немецкая колонизация в Прибалтике) стал немецкий.

В XVIII столетии Великое княжество Литовское исчезло с карты Европы. Однако следы языкового и культурного его влияния сохранились

[NAŠLENAITĒ Vaida], Просвещение в Литве в эпоху Стефана Батория; Эстэр СМОЛІНКА [SZMOLINKA Eszter], Слова, фразема, прыказка як сродак вобразнай характа-рыстыкі асобы; Андраш ЗОЛТАН [ZOLTÁN András], Венгерско-белорусские литературные и языковые контакты во время Стефана Батория.

как в современных литературных языках стран, расположенных на бывшей территории Княжества (украинский, белорусский, литовский), так и в языках, имевших в прошлом интенсивные контакты с ним (польский, русский, латышский).

Все это побудило нас к тому, чтобы в рамках международной конференции рассмотреть факты языкового наследия многонационального Великого княжества Литовского в языках региона.

В результате 25—26 мая 1998 года на кафедре была проведена международная конференция *Языки в Великом Княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: аналогии и преемственность*, в организации которой большой помощью была поддержка Фонда, в результате которой мы имели возможность пригласить большое количество специалистов из разных стран.

В данном издании печатаются в основном тезисы докладов, прозвучавших на конференции. Хотя, как это обычно случается, список участников конференции не полностью совпадает со списком имен данного издания, так как кто-то не смог приехать, но текст своего доклада передал нам; но были и такие участники, которые прочли прекрасные доклады, но в письменной форме их в наше распоряжение не предоставили. Объем отдельных выступлений также отличен, начиная от краткого резюме в несколько строк вплоть до целой научной работы. Авторские тексты приводятся без изменений в латинском алфавитном порядке фамилий авторов (без учета диакритических знаков).

От имени организаторов конференции хочу выразить свою признательность всем своим отечественным и иностранным коллегам, которые оказали нам честь своим участием или присутствием на конференции. Особая благодарность полагается двум молодым коллегам Аранке Лацхази и Эстер Смолинка за бескорыстную помощь, оказанную в подготовке конференции и подготовке к печати данного издания, а также лаборантке Еве Имеч, чья помощь была неоценимой.

Андраш ЗОЛТАН

Алексей АНДРОНОВ
(Санкт-Петербург)

От синтаксической конструкции к аналитической форме (аналитические формы наклонений и времен в балтийских и других языках)

Большинство описаний спряжения глагола в балтийских языках параллельно системе простых (лит. *vientisinės*, лтш. *vienkāršās*) форм наклонений и времен включает систему сложных (аналитических; лит. *sudėtinės*, лтш. *saliktās*) форм, образуемых сочетанием вспомогательного глагола 'быть' в форме соответствующего наклонения или времени и действительного причастия прошедшего времени: *ateina — yra atėjęs; atnāk — ir atnācis*. Некоторые ученые предлагают рассматривать подобные сочетания глагола 'быть' с действительным причастием прошедшего времени как синтаксическую конструкцию, в которой глагол 'быть' выступает в роли связки, а причастие в роли именной части составного именного сказуемого.

С точки зрения истории языка, морфологические аналитические формы восходят к синтаксическим конструкциям и являются результатом их грамматикализации. Процесс грамматикализации сопровождается определенными сдвигами в обоих компонентах сочетания. В рассматриваемом случае глагол-связка лишается лексического значения, а причастие теряет черты, сближающие его с прилагательным; с другой стороны, усиливается сама связь между компонентами сочетания. Для установления статуса рассматриваемых сочетаний в конкретном языке необходимо выявить признаки, позволяющие определить степень грамматикализации (возможность опущения и перестановки компонентов сочетания, правила трансформации при отрицании, наличие полной парадигмы, функциональное соотношение простых и сложных форм, закрепление одного из возможных глаголов-связок в качестве вспомогательного, согласование причастия, употребление в усилительной конструкции прилагательного или наречия, необходимость согласования времен и т.п.).

В разных индоевропейских языках представлена разная степень грамматикализации аналогичных сочетаний личной формы глагола с причастием: она возрастает в направлении "с востока на запад" и балтийские языки в этом отношении занимают промежуточное положение между (восточно)славянскими языками²⁴ с одной стороны и романскими

²⁴ Имеются в виду сочетания типа *он (был, будет) уставший*, ср. диал. *он приехавши*. На самом деле восточнославянские языки в своем развитии прошли стадию аналитических времен, для образования которых использовалось причастие прошедшего времени на *-л-* (ср. др.-рус. перфект *есмь пришесть*). Эти формы живы в западно- и южнославянских языках, — в

и германскими языками с другой, причем латышский язык, по-видимому, далее продвинулся на этом пути, чем литовский.

Albert BARTOSZEWICZ, Anna STAROŚCIAK
(Olsztyn — Poznań)

Zagadnienia polsko-wschodniosłowiańskiej konwergencji leksykalnej i słowotwórczej

Funkcjonowanie i ewolucja każdego żywego języka przebiega w określonych warunkach geospołecznych i kulturowych, będąc rezultatem bezpośredniego połączenia ludzkich mechanizmów poznawania, sposobów interpretacji i kształtowania świata zewnętrznego, zarówno materialnego jak i duchownego. Z tym bezpośrednio się łączą aktywne procesy – zwłaszcza ostatnio – upodobniania się kontaktujących ze sobą języków na skalę światową pod dyktando języka angielskiego.

Analogie, podobieństwa i tożsamości językowe kształtują się w wyniku działania powszechnie uznawanych czterech podstawowych czynników: genetycznych, typologicznych (zazwyczaj strukturalnych), zapożyczenia czy kontaktów językowych oraz podobnej ewolucji językowej. Coraz bardziej nasilające się procesy zbliżania języków – mimo barier etnosocjokulturowych – są niczym innym jak konwergencją, polegającą na zjawiskach zbliżenia lub zbieżności dwu lub kilku wartości lingwistycznych.

Podobieństwa i tożsamości międzyjęzykowe w obrębie języków blisko spokrewnionych, jak np. języki wschodniosłowiańskie, i języków rodzimych, wywodzących się ze wspólnego prajęzyka, jak np. języki słowiańskie z prasłowiańskiego czy romańskie z łacińskiego, są odziedziczone lub nabyte w trakcie własnej ewolucji łącznie z kontaktami międzyjęzykowymi. I te drugie są właśnie konwergentnymi.

W największym stopniu konwergencja realizuje się w słownictwie określanym jako internacjonalnym (dokładniej: interlingwalnym), w tym szczególnie ważną rolę spełniają interlingwalizmy tzw. sztuczne, czyli wyrazy urobione z wykorzystaniem morfemów głównie grecko-łacińskiego pochodzenia. Uważa się, że w językach rosyjskim, angielskim, niemieckim i francuskim ponad 10% słownictwa ma charakter interlingwalny, a w słownictwie nowszym i najnowszym ten udział jest znacznie większy.

Interlingwalizacja leksykalna i morfemowa języków wschodniosłowiańskich i polskiego to niewątpliwie aktualny i bardzo złożony problem w czasach dzisiejszych, kiedy następuje w Europie – zwłaszcza w państwach

восточнославянских языках причастие на -л- без вспомогательного глагола образует форму прошедшего времени.

postkomunistycznych – gwałtowna i zazwyczaj niekontrolowana amerykanizacja wszystkich dziedzin życia społecznego.

Процесы конwergенцыйне dotyczą też innych poziomów struktury języka, co potwierdzają liczne przejawy operowania językiem w różnych sytuacjach. Bezpośrednio łączą się one z odpowiednim widzeniem świata, w danym wypadku Europejczyka w aspekcie pewnych stereotypów.

Konwergенcja jest procesem uniwersalnym obok dywergencji. Процесы te realizują się w granicach ponadjęzykowej kategorii ograniczoności/nieograniczoności odnoszącej się do wszystkiego, co obserwuje, poznaje i czyni człowiek.

Альберт БАРТОШЕВИЧ (Albert BARTOSZEWICZ)
(Ольштын)

Еще к вопросу о балтизмах в современных славянских языках

Продолжающаяся и в настоящее время – особенно на международных конгрессах славистов – дискуссия на тему балто-славянской общности, которую многие ученые относят ко II тысячелетию до нашей эры, нашла свое отражение в уже довольно богатой научной литературе, в частности в многочисленных разноязычных статьях. За важнейший и фактографически наиболее богатый труд в этой области следует в дальнейшем считать "Словарь балтизмов в славянских языках" Ю. А. Лаучюте (Изд. "Наука". Ленинградское отделение. Ленинград 1982), в котором автор использовала в качестве источников 300 работ. Но этот словарь регистрирует в основном диалектный материал. Мало или почти ничего не упоминается о функционировании и участии балтизмов в современных литературных славянских языках.

Факт наличия балтизмов в славянских языках очевиден. Так, балтизм *янтарь* (ср.: лит. *giñtaras*, латыш. *dziñtars*, др. прус. *gentar*, *gentows*) выступает во всех современных славянских языках, а *лайдак* (ср.: лит. *laidokas*, латыш. *laidaks*) – в белорусском, польском, русском, словенском, украинском и чешском. Естественно и то, что наибольшее количество слов балтийского происхождения выступает в белорусском языке, а потом в польском. Это подтверждают данные современных толковых словарей: в белорусском их свыше 100, а в польском – около 50. В других славянских языках балтизмов значительно меньше, особенно в южнославянских.

Современная славянская лексикографическая практика как-то уменьшает роль балтизмов в славянских языках и даже их обходит, что находит свое подтверждение в использовании соответствующих этимологических помет в словарях. Так, например, в новейшем толковом словаре польского языка лишь слово *jantar* помечено как литовское, а в так называемом МАС II русского языка в списке условных сокращений

не упоминается о пометах, относящихся к словам балтийского, древнепрусского и литовского происхождения.

*Андрій БОРУЦЬКИЙ
(Дніпропетровськ)*

Запозичення українською мовою лексем за часів Великого князівства Литовського та Речі Посполитої

Запозичення іншомовних лексичних одиниць (поряд зі словотвором власними мовними засобами) відігравали значну роль у процесі розвитку словникового складу давньоукраїнської мови. Потреба українців у них визначалася як потребою номінації нових реалій та понять, що постійно виникали під впливом знайомства з громадсько-політичним, господарсько-економічним та науково-культурним життям інших народів, так і для заміни багатьох назв, які ставали непотрібними через суспільний прогрес.

Взагалі цей процес є природним в історії кожної мови. Лексичні запозичення викликані потребами суспільства і залежать від інтенсивності соціальних, економічних та культурних зрушень. Вони викликані внутрішніми потребами мовного розвитку і є проявом прагненням збагачення засобів вираження.

Запозичені лексеми доповнювали майже всі семантичні шари давньоукраїнської мови. Всебічне лінгвістичне дослідження їх має велике значення для розуміння загальних процесів формування давньоукраїнської лексичної системи.

Тривалий час в українському мовознавстві цій проблемі не приділялося належної уваги; основною перешкодою на шляху досліджень був тенденційний підхід до запозичень як до негативного процесу, що начебто сприяє засмічуванню мови непотрібними лексичними елементами.

За кількісними показниками найбільшу питому вагу в українському словнику XV-XVII ст. складають лексичні запозичення, що потрапляли із західних слов'янських та неслов'янських мов – польської, німецької, латинської, чеської та інш. Проникненню іншомовних лексем із заходу сприяло вже саме географічне становище України; українські землі входили до складу Великого князівства Литовського, яке безпосередньо межувало із західними країнами, що також створювало умови для проникнення іншомовної лексики (переважно німецької та польської).

Інтенсивний вплив польської мови розпочався вже у XIV ст. коли зміцнився політичний та військовий союз Великого князівства Литовського та Польщі. Особливо інтенсивно польська та європейська лексика потрапляла до давньоукраїнської мови у 2-ій пол. XVI ст., після Люблінської унії 1569 р., внаслідок якої українські землі, як і все Князівство Литовське, опинилися у складі Речі Посполитої.

Активному проникненню громадсько-політичних термінів західного походження до давньоукраїнського словника сприяли як вплив

на них насиченої латинізмами та західноєвропейськими польської офіційної мови, так і безпосередні контакти українців з поляками, чехами та інш. Природно, що широко представлені у цій групі лексеми польського походження: *коморник?* < пол. *komornik*, *конюший* < *koniusz*, *пани* (*паня*, *панья*, *панья*) < *pani*, *пан?* < *pan*, *подвойский* < *podwoiski*, *справца* < *sprawca* та інш. Активно давньоукраїнська мова використовувала лексеми латинського походження: *администратор?* < лат. *admimistrator*, *аент?* < *agens*, *-tis*, *кастелян?* < *castellanus*. Також великим є у цій групі німецький шар: *бурмистр?* < нім. *Bürgermeister*, *канцлер?* < *Kanzler*, *шляхта* < *Slahte*. Поповнювалася громадсько-політична термінологія і лексемами з інших європейських мов, наприклад з чеської та угорської: *мещанин?* < чес. *myesczenyn*, *об?ватель* < *obyvatel*, *оршак?* < угор. *ország*, *виз?т?* (*визим?*) < фр. *visite*, *пашопрт* < *passeport*.

Оскільки юридична структура та судово-виконавча справа у Великому князівстві Литовському формувалася за польським зразком, зовсім природно, що для позначення судових понять, аналогічних польським, використовували готові лексичні засоби. Таким чином на давньоукраїнський ґрунт потрапило багато слів західноєвропейського походження, особливо латинізмів: *апеляц?я* (*апеляция*) < *apellatio*, *арешт?* (*арест?*) < *arrestum*, *юрисдикция* < *iurisdictio* та німецьких лексем: *прокуратура* < *Prokuratur*, *проба* < *Probe*.

Через те, що давньоукраїнська канцелярська лексика, як і подібна термінологія багатьох європейських народів формувалася під впливом латині, у цій групі спостерігаємо багато латинізмів, що потрапляли за польським посередництвом оскільки поляки вже мали досвід її використання: *документ?* < пол. *document* < лат. *documentum*, *екземпляр?* < *egzemplarz* < *exemplar*, *реєстр?* (*регєстр?*) < *regestr* (*rejestr*) < *register* (*registrum*) та інш.

Поповнення соціально-економічної лексики давньоукраїнської мови відбувалося за рахунок запозичень, що стали наслідком зміцнення економічних та торговельних контактів. Оскільки найтісніші економічні зв'язки підтримувалися протягом XV-XVII ст. з Польщею, то природно, що основа частина цих запозичень ішла з польської мови, де вона була досконалішою, бо ввібрала в себе спеціальні терміни з латинської, німецької та романських мов: *арендовати* < *arendowac* < *arendare*, *патронат?* < *patronat* < *patronatus*, *борк?* < *borg* < *Borg*, *кошт?* < *koszt* < *Koste*.

Підсумовуючи все вищезгадане, слід сказати, що серед усіх запозичень лексем давньоукраїнською мовою в XV-XVII ст. найбільше слів, які потрапили з польської мови. На другому місці у кількісному відношенні виступають лексеми латинського походження, третьому – німецького, запозичені переважно через польське посередництво.

Вся ця лексика, відповідаючи потребам давньоукраїнської мови, збагатила лексичну систему та разом із власнеукраїнськими словами виконувала активні комунікативні функції.

Giovanna BROGI BERCOFF
(Milano)

О программе изучения языков в иезуитской коллегии в Вильнюсе и о языковой ситуации в Великом княжестве Литовском

Несмотря на то, что латынь всегда была наиболее употребительным и известным языком в школьных учреждениях Великого княжества Литовского, изучение других языков не было чуждым в Виленской Академии. Вследствие сильного нажима со стороны населения, программа обучения (*Ratio studiorum*) иезуитской коллегии предусматривала преподавание не только классических языков и еврейского языка, но и народных языков: польского и других. По крайней мере до половины XVII века ученики изучали не только рутенский, но и немецкий, литовский, латышский и эстонский языки. Несмотря на то, что римские главные генералы Ордена Иисуса рекомендовали строго придерживаться классической латыни, правители литовской провинции (среди них, напр., итальянец Лоренцо Маджджо) поддерживали преподавание народных языков. Это отвечало, в первую очередь, потребностям конфессиональной полемики с протестантами и православными (прежде всего в том, что касается немецкого и рутенского языков) и потребностям евангелизации населения балтийских областей. С другой стороны это свидетельствует о многоэтничном и многоязычном характере преподавания (и преподавателей) иезуитских школ, что в свою очередь отражало многоэтничный и многоязычный характер Великого княжества Литовского (и вообще Речи Посполитой).

Интересно заметить, что в Великом княжестве Литовском социальное давление, направленное на утверждение литовского языка и литовского самосознания выражалось также в деятельности иезуитов: они, например, просили у Генерала Аквавивы в Риме разрешения на отдельное преподавание истории (т.е. преподавание специалистом–профессором в области истории, а не в рамках класса риторики и поэтики, как это делалось обычно) и одновременно на возможность продолжения обучения в Коллегии также для таких невыдающихся учеников, которые в классах риторики получали только посредственные оценки ('*mediocritas*'). Знаменательно, что римский Генерал ответил отрицательно на первую просьбу (хорошее знание народной истории никак не представлялось нужным или даже желательным римским начальникам!), но уступил просьбе разрешить продолжение обучения в Коллегии при условии, что ученики – хотя и не выдающиеся – владеют литовским языком и будут склонны преподавать на литовском языке.

Здесь нет места остановиться на функционировании разных языков в Литве и других областях Речи Посполитой (я имею в виду прежде всего Украину), однако кажется абсолютно ясным, что многоязычие было распространенным явлением, которое различным образом интенсивно

проявлялось на разных уровнях культуры. Оно накладывало четкий отпечаток на всю литературную деятельность того региона.

Среди более характерных представителей этого многоязычия надо вспомнить таких писателей как Лазарь Баранович, Симеон Полоцкий, Стефан Яворский, Дмитрий Туптало и другие их единомышленники. Они все (кроме Дмитрия Ростовского) выучились в иезуитских коллегиях Польши и Великого княжества Литовского или в Киевской Коллегии (которая, как известно, базировалась на дидактической программе иезуитов). Эти писатели (а также и другие, о которых здесь нет возможности говорить) актуализировали в различных сочинениях свою способность пользоваться разными языками для достижения разных литературных целей. Мне пришлось недавно анализировать некоторые сочинения, написанные этими авторами на различных языках или на т. н. смешанном наречии. Не буду повторять здесь мои наблюдения. Мне хочется только подчеркнуть, что эти писатели, когда они уехали в Россию, пользовались разными языками или смешанным наречием только в эпистолографии, точнее, в письмах к друзьям (своего рода: *epistulae ad familiares*): в Москве Стефан Яворский написал по-латыни только знаменитую прощальную "Элегию" к своим книгам. В России многоязычия не было, и смешанное наречие или употребление разных языков было возможным только в очень узкой сфере рутенских выходцев. В Московской Академии – как можно полагать – изучение латынского и греческого не привело к активному использованию этих языков вне узкой среды самой Академии. Это обстоятельство побуждает нас подчеркнуть разницу между языковой ситуацией в Великом княжестве Литовском, на Украине и в Польше в сравнении с языковой ситуацией в России. Нет сомнения, что влияние польского на русский было сильное и продолжалось несколько веков. Это, однако, не значит, что существовал параллелизм на уровне языкового функционирования. По нашему мнению, невозможно, как это делал Б. А. Успенский, отождествлять языковую ситуацию в Рутении и в России под знаком двуязычия (как будто уже существующего в Рутении и только что зарождающегося в России).

В Рутении функционировали разные литературные языки: латынь, польский, (более или менее гибридный) церковнославянский и (более или менее славянизированный) "рутенский" (т. н. проста мова). Они пользовались неравным, но общепризнанным статусом. Латынь и польский, конечно, функционировали как литературные языки, имеющие универсальную употребительность и равное достоинство (*dignitas*). Церковнославянский также имел подчеркнутый характер литературного языка, но отличался некоторыми особыми функциями и сакральностью. Дискутировать о статусе простой мовы здесь нет возможности, о других же языках мы уже писали. Несмотря на дифференцированный статус и неодинаковую употребительность языков – ясно одно: в Рутении было возможно говорить и писать (в разных жанрах) на разных языках, и этот факт был "нормальным".

Совсем другим было положеное в России. Церковнославянский (более или менее гибридный), приказной язык и просторечие функционировали на разных уровнях, но не представляли собой никакого литературного языка в современном понимании этого определения, а все вместе они не представляли собой многоязычия. В Московской России не было многоэтничного населения, как например, в Речи Посполитой или в Рутении. Ни польский, ни другой иностранный язык не функционировали там как активные литературные языки. Более того, в России не было ни социальной дифференциации, ни конфессиональной полемики, которые способствовали бы многоязычию, как это случилось в Речи Посполитой. Поскольку не было социальных и культурных предпосылок для широкого распространения такого многоязычия, как это было в Польско-Литовском государстве. В России религиозные диспуты шли между Церковью и еретиками: все это делалось по-церковнославянски, ни в каком другом языке не было нужды. Итак, нам кажется, что проблемы соотношения разных языков и языковой ситуации в восточнославянском ареале нуждаются в тщательном пересмотре, с подробным анализом лингвистических, социальных и литературных данных, а также анализом функционирования различных языковых пластов в разных текстах и разных коммуникативных ситуациях.

*Ірына Леанідаўна БУРАК
(Мінск)*

Функцыі паратаксічных злучнікаў у сучасных усходнеславянскіх мовах

Для паратаксічных злучнікаў у сучасных усходнеславянскіх мовах уласцівы як агульныя, так і прыватныя функцыі. Агульнай дваадзінай функцыяй з'яўляецца забеспячэнне сувязі і паказчыка адносін паміж рознымі сінтаксічнымі адзінкамі.

Безумоўна, злучнікавая сувязь і пароджанья ёю адносіны могуць рэалізавацца па-рознаму, у адпаведнасці з чым выдзяляецца некалькі прыватных функцый гэтых злучнікаў. Самай істотнай з'яўляецца канструктыўная функцыя, сутнась якой складае ўласціvas'ь злучнікаў аб'ядноўваць кампаненты рознага характару, рознага ўзроўню і рознай ступені складанасці, уласціvas'ь утвараць з адных адзінак другія. Роля злучніка выяўляецца ў тым, што ён аказваецца граматычным цэнтрам, канструктыўнай асновай новай сінтаксічнай адзінкі. Асабліва рэльефна рэалізуецца канструктыўная функцыя паратаксічных злучнікаў пры арганізацыі аднародных радоў кампанентаў у структуры ўскладненага і складаназлучнага сказаў: Шумят и пле?ут волны (Горький); Была нялёгкая работа, але была яна ў ахвоту (Бялевіч). Злучнікі актыўна ўдзельнічаюць у афармленні структурнай і сэнсавай цэласнасці сказа, характарызуюць усе пабудаваныя з іх дапамогай канструкцыі (а не

асобныя іх кампаненты) і выступаюць у якасці адпаведнага паказчыка выражаных адносін. Паўда, яны не называюць гэтых адносін, але заўсёды сігналізуюць аб іх характары. З канструктыўнай цесна звязана тэкстаўтваральная функцыя, якая рэалізуецца ў тых выпадках, калі злучнікі аб'ядноўваюць самастойныя сказы або іх аналагі ў тэксце: Шел снег. И довольно долго (Пришвин); Тепло, затишно, привітно. А от не засну, хоч убий (Тютюнник). Забяспечваючы цэласнасць і звязнасць паасобных адзінак на працягу ўсяго тэксту, злучнікі завастраюць увагу на "паслядоўным, лагічным развіцці ўнутрытэкставага зместу, служаць раскрыццю сэнсавай структуры тэксту" (А. Сіманян).

Ад канструктыўнай і тэкстаўтваральнай функцый істотна адрозніваюцца ўставачна-каменціравальная і пачынальна-афектыўная функцыі, якія зрэдку выконваюцца некаторымі паратаксічнымі злучнікамі. Уставачна-каменціравальная функцыя рэалізуецца пры ўключэнні ў сказ устаўных канструкцый, якія звязаны з ім па сэнсу і каменціруюць яго змест: Вярхом на кані – і так кожны дзень – гарцуе цівун сярод стомленых жней (Бядуля). Пачынальна-афектыўную функцыю злучнікі выконваюць тады, калі яны размяшчаюцца ў пачатку самастойных сказаў, якіх няма да чаго далучаць у тэксце, напрыклад: А дождж ішоў (Быкаў). Безумоўна, характар такіх канструкцый сведчыць аб тым, што ў даным выпадку злучнікі выконваюць не столькі сваю ўласную функцыю, колькі функцыю адпаведных часціц.

Акрамя таго, паратаксічныя злучнікі могуць выконваць камунікатыўную і эмацыянальна-экспрэсіўную функцыі, паколькі з дапамогай гэтых злучнікаў устанаўляюцца розныя сэнсавыя і эмацыянальна-экспрэсіўныя сувязі паміж асобнымі кампанентамі маўленчай плыні, ажыццяўляецца лагічнае члянэнне маўленчых адрэзкаў, перадаюцца і ўспрымаюцца значэнне цэлага і адносін да яго асобных частак. Злучнікі з'яўляюцца сродкам выдзялення і акцэнтавання рэмы, павышэння эмацыянальнасці і ўзмацнення экспрэсіўнасці выказвання, рэалізаванага ў сказе. Не выпадкова злучнікавыя канструкцыі актыўна выкарыстоўваюцца ў якасці розных стылістычных фігур (зеўгма, градацыя, антытэза, полісіндэтон і інш.) для адлюстравання адпаведных з'яў аб'ектыўнай рэчаіснасці. Вялікія магчымасці выбару той ці іншай фігуры, звязаныя з разнастайнасцю злучнікавых спалучэнняў, рэалізуюцца ва ўмовах канкрэтнага кантэксту і вызначаюцца яго семантыка-сінтаксічнымі і функцыянальна-стылістычнымі асаблівасцямі.

Krisztina DUFALA
(*Budapest*)

**Kilka uwag o właściwościach językowych kitabు Jakuba Chasieniewicza
(ok. 1840 r.)**

Zabytki piśmiennictwa Tatarów litewskich, obecnych na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego już od XIV wieku, są niezbędnym i bardzo ciekawym źródłem do badań nad historią języka białoruskiego oraz polszczyzny kresowej. Kitab J. Chasieniewicza, którego badaniem mam okazję się zajmować, jest jednym z takich zabytków. Kitaby (ar. "księga") — to rękopisy, zawierające legendy o życiu i działalności Mohameda i innych proroków, opis głównych obowiązków oraz obrzędów religijnych muzułmanów, a także opowiadania o charakterze dydaktycznym (pouczające). Sposób fonetyczny, którym się posługiwano w większości wypadków do zapisywania tekstów za pomocą alfabetu arabskiego, dobrze oddaje charakterystyczne cechy językowe, białoruskie i polskie. Ze względu na złożoność językową (dwujęzyczność, ponieważ fragmenty arabskie i turkojęzyczne o dużej ilości, zawarte w kitabie nie wchodzą do kręgu niniejszych rozważań), wydaje się niezbędnym równoległe badanie polonizmów i białorutenizmów, gdyż w tekście zabytku występują one w ścisłym związku ze sobą. Chodzi tutaj o mieszanie się komponentów obu języków, nierzadko nawet w obrębie pojedynczych zdań. (np.: *tamu anh'helu pan bug jest pomocn'ik'em; tegoż czasu pan bug rozkazał prines'c' p'en'c' m'is a każda m'isa za os'm'inas'c'e tis'encej s'v'atov v'enksa*). Celem mojego wykładu jest zaprezentowanie na poszczególnych przykładach obu stron językowych. Chciałabym również przytoczyć parę przykładów, które są odzwierciedleniem kilku zjawisk polskich z zakresu fonetyki, słowotwórstwa, fleksji oraz frazeologii.

Святлана Івана?на ФАЦЕЕВА
(Мінск)

Вывучэнне сімвала ? лінгвістычным аспекце

1. Праблема месца і ролі сімвалаў у пазнанні, як і ўвогуле праблема сімвалізацыі, цікавіла вучоных яшчэ са старажытнасці. Аднак доўгі час паняцце сімвала не мела дакладнага навуковага тэрміналагічнага азначэння, і таму рознымі даследчыкамі разумелася неаднолькава. Аналіз сутнасці і зместу сімвала ў той ці іншай галіне пазнання або рэчаіснасці дазваляе вызначыць вынікі яго функцыянавання ў розных сферах дзейнасці чалавека. У залежнасці ад гэтага навукоўцамі вылучаюцца і вывучаюцца наступныя тыпы сімвалаў: навуковыя, філасофскія, мастацкія, міфалагічныя, рэлігійныя, ідэалагічныя, знешне-тэхнічныя, знешне-эмацыйныя (Лосеў). Значную навуковую вартасць маюць шматлікія даследаванні праблемы сімвала ў галіне філасофіі, семіётыкі, псіхалогіі, міфаэтыкі і фалькларыстыкі (Лотман, Увараў, Лосеў, Барт, Голан, Тайлар, Тапароў, Успенскі, Юнг, Патабня, Афанасьеў і інш.).

2. Сутнасць сімвала як лінгвістычнай з'явы і вывучэнне яго сродкамі лінгвістыкі — гэта недастаткова даследаваны аспект у сучаснай навуцы. У шэрагу прац навукоўцы разглядаюць сімвал у межах семантыкі

або лінгвістычнай стылістыкі (Аруцюнава, Бутырын, Весялоўскі, Вінаградаў, Патабня і інш.).

Вывучаючы фальклорныя сімвалы ў лінгвістычным аспекце, неабходна ўлічваць не толькі семантычнае значэнне, стылістычную функцыю і вобразнасць сімвала, але і суадноснасць яго з міфапаэтычнай сістэмай, архетыпнасць і ўключэнне яго ў шырокі этнакультурны кантэкст. Такім чынам, лінгвістычнае даследаванне традыцыйнай народнай сімволікі абавязкова павінна ўлічваць і пазамоўныя (эстралінгвістычныя) фактары.

3. Сімвал – гэта троп, моўны сродак мастацкай вобразнасці. У аснову сімвала пакладзены канкрэтны вобраз, які выходзіць за межы свайго прамога значэння і, дасягаючы шырокага абагульнення за кошт пашырэння сваёй семантыкі, выражае новы змест.

4. Сімвал – гэта і слова з пэўнай семантыкай. Слова-сімвалы, як і звычайныя самастойныя словы, складаюцца са знешняга элемента (паслядоўнасць гукаў або графічных знакаў), што звязаны ў свядомасці з прадметам рэчаіснасці (дэнататам) і з паняцця пра гэты прадмет (сігніфіката). Аднак у словах-сімвалах уяўленне аб прадмеце апасродкаванае і мае імпліцытнае значэнне. Напрыклад, у песенных радках "Белая бярозачка распусціла веццейка, распусціла веццейка а з гары ды да долу, паддала холаду ды свайму атожыллю" слова-сімвал *бяроза* ў нашай свядомасці звязваецца з прадметам рэчаіснасці 'лісцеве дрэва з белай карой' і апасродкавана суадносіцца з вобразам нявесты. Такім чынам, сігніфікатыўны і дэнататыўны кампаненты (абстрактнае і канкрэтнае) у словах-сімвалах знаходзяцца ў цеснай узаемасувязі і не супрацьпастаўляюцца адно аднаму. Гэта дазваляе вылучыць такую адметную рысу сімвала, як яго матываванасць і, адпаведна, далучанасць да іншых семіятычных з'яў матываванасці – метафары і метаніміі.

5. Сімвалы, як і словы, могуць мець не адно, а некалькі значэнняў, г. зн. ім уласціва з'ява полісеміі. Напрыклад, у вясельных песнях *дуб* мае такую семантыку: 1. Малады, жаніх. 2. Месца, дзе спраўляецца вяселле, пачэснае месца.

Семантычная сувязь паміж семамі аднаго і таго ж сімвала заснавана на выяўленні ў іх агульных семантычных элементаў. Канкрэтная кантэкстуальная семантыка кожнага сімвала вызначаецца толькі ў кантэксце. Нярэдка кантэкст і мікракантэкст поўнасьцю не раскрываюць семантыку сімвала, паколькі гэтая моўная адзінка звычайна выступае як канструктыўны кампанент больш значнага ўрыўку тэксту, як вобразны мастацкі сродак мовы. У такім выпадку значэнне сімвала абумоўленае і зразумелае толькі ў макракантэксце, дзе шырока выкарыстоўваецца сінтаксічны паралелізм. Кожная наступная сінтаксічная адзінка будзе на ўзор папярэдняй: мае аднолькавы склад членаў сказа і аналагічны парадак слоў, што дазваляе дакладна акрэсліць семантыку сімвала: "Разжалілася каліна, у лесе стоячы, на ўсе дрэвы гледзючы: – На ўсіх дрэвах зелен ліст, на мне, каліне, няма. – Чакай, каліна, пятровак, будуць на табе кветачкі, яшчэ й чырвоненькія ягадкі.

Разжалілася Надзечка, у свайго баценькі жывучы, на ўсіх дзяўчат гледзючы: – На ўсіх дзяўчатах вяночкі, на мне, маладой, няма. – Чакай, Надзечка, нядзелі, прыедзе Коле?ка на кане, пр?вязе вяночак ён табе".

6. У залежнасці ад значэння ўсе словы-сімвалы аб'ядноўваюцца ў асобныя прадметна-тэматычныя групы, у межах якіх вылуча?цца гіпонімы і гіперонімы. У беларускай вясельнай паэзіі вылучаюцца групы традыцыйных народных сімвалаў, суадносных з назвамі расліннага і жывёльнага свету, астранамічных аб'ектаў, з'яў прыроды, прадметаў матэрыяльнай культуры народа і інш.

7. Вялікая эмацыянальна-сэнсавая насычанасць слоў-сімвалаў вызначае іх шырокае выкарыстанне ў вясельных песнях, дзе яны выконваюць самыя разнастайныя стылістычныя функцыі: вобразнае выражэнне, характарыстыку аб'екта ці суб'екта, эмацыянальна-экспрэсіўную функцыю.

8. Такім чынам, сімвал – своеасаблівая моўная адзінка, што з'яўляецца сродкам стварэння вобразнасці, мае канкрэтнае лексічнае значэнне, рэалізуецца ў вербальнай форме і выконвае шэраг стылістычных функцый.

Иштван ФЕРИНЦ (FERINCZ István)
(*Ceget*)

Отражение идейной полемики (старомосковских) традиционалистов и (латинствующих) новаторов в письменности 17 века

В докладе делается попытка представить сложный процесс европеизации и обмирщения русской культуры в 17 веке и начале 18 века. В своем докладе автор намерен взглянуть на этот переход в плане столкновения и смены культурных ценностей при анализе типичных умонастроений людей 17 и начала 18 столетий. С одной стороны отчаяние традиционалистов, а с другой – самодавольная радость западников характеризуют реальное соотношение сил в культуре переходного периода. Смысл главного спора между ними состоял в столкновении различных духовных ценностей. Спор шел об исторической и духовной правоте. Одна сторона настаивала на ничтожестве, а другая – на величии, на "правде" старины. Тут произошло столкновение принципиально различных, не сопрягаемых культур: "мужичьей" культуры Древней Руси и ученой культуры барокко. Для традиционалистов письменность, музыка, пластические искусства составляли понятие "веры", все измерялось и оценивалось в отношении к богу. Поэтому новую, секуляризованную культуру они осуждали как ересь и вероотступничество, и называли "новой верой". Строго говоря мы должны рассуждать о столкновении "веры" и "культуры". В связи с этим рассматриваются такие ценности, как книга и писатель, отношение человека и книги у традиционалистов и у "новых учителей". Для

традиционалистов книга – духовный наставник, а для "новых учителей" – ученый собеседник. Древнерусский писатель имел лишь косвенное отношение к "учительным людям". Учителем была книга, а не автор книги. Традиционалисты поняли, что цель новаторов – замена ценностей, замена веры культурой, замена обрядового текста поэзией.

В результате устанавливается идейно-стилистический контраст между русским литературным языком, реформирующимся на основе западноевропейских традиций и на основе украинско-латинско-польского просвещения, и между старомосковским церковнославянским языком. В этом процессе так называемая Югозападная Русь становится во второй половине 17 в. посредницей между Московской Русью и Западной Европы, и русский литературный язык подвергается сильному влиянию украинского литературного языка. Примеры, отражающие идейно-языковую полемику, будут приведены в докладе.

Sándor FÖLDVÁRI
(Budapest–Debrecen)

Наклонение «modus obliquus» в балтийском языковом союзе

Косвенное наклонение, так называемое «*modus obliquus*» характерно для эстонского и ливского языков, а в остальных прибалтийско-финских языках нет особого наклонения для выражения пересказанного действия (IKOLA, 1953.) С другой стороны, в латышских и литовских языках косвенным образом воспринятое действие выражается специальным наклонением, так называемым «*modus relativus*» (AMBRAZAS, Vytautas 1970. АМБРАЗАС, 1990.), а в прусском языке подобного особого наклонения нет. Нельзя не принимать мнение академика Витаутаса Амбразаса: «КН [косвенное наклонение] находится в одном ряду с другими синтаксическими изоглоссами, объединяющими восточнобалтийские и прибалтийско-финские языки (напр., сращение постпозиций с формами локатива, номинатив с инфинитивом), которые лучше всего объясняются на основе концепта «языкового союза» (там же).

Основоположник ареальной лингвистики Роман Якобсон считал, что от норвежского языка через прибалтийско-финские языки вплоть до кашубского языка расположен широкий языковый союз. Спустя несколько десятилетий Дьюла Дэчи разделил этот ареал на три группы: «варяжская группа» от названия Чудского озера Рокитно – населенный пункт в Восточной Польше. (ЯКОБСОН, 1931. ЯКОБСОН, 1931. DÉCSY, 1973.)

Развитие ареальной лингвистики показывает, что изучение морфо-синтаксических изоглосс дает все и все точнее определять языковые союзы, их территории, границы, общие характерные черты. (КЛААС, 1988.) Пока Якобсон и Трубецкой (пражская лингвистическая школа!!)

изучали преимущественно фонологические изоглоссы, DÉCSY, 1973, HAARMANN, 1976 и другие авторы второй половины века обращают больше внимания на морфосинтактические изоглоссы. Т. Штольц выпустил монографию о прибалтийском языковом союзе, в которой преобладающая доля посвящена уже синтактическим изоглоссам (STOLZ, 1977).

Автор доклада обращает внимание на то, что уже в эпоху Якобсона вышли труды из-под пера эстонских языковедов, в которых наблюдались морфосинтактические сходства языков прибалтийского ареала, напр. ARUMAA, 1935.

Автор доклада того мнения — и это же в докладе излагается —, что «*modus obliquus*» является ареальной изоглоссой, если принимаем слова чешского языковеда Скалички (Skalička) об определении ареального сходства: два или больше языков представляют собой языковый союз, если одно и то же значение передается в них *подобными* языковыми средствами.

АМБРАЗАС, Витаутас: *Сравнительный синтакс причастий балтийских языков*. Vilnius: Mokslas, ISBN 5–420–00338–4

КЛААС, Бирутэ Миколасовна, 1988. *Сходные черты синтаксиса эстонского и литовского языков и их происхождение: Дисс. на соиск. уч. степени кандидата фил. наук*. Tartu, 1988. (Tartu University Library Diss. Tart. 467116)

ЯКОБСОН, Роман 1931. К характеристике евроазиатского языкового союза. = JAKOBSON, 1971, 144-201.

АМБРАЗАС, Vytautas 1970. *Dėl lietuvių kalbos netiesioginės nuosakos (modus relativus)*. In *Donum Balticum: To Professor Christian S. Stang on the occasion of his seventieth birthday 15 March 1970*. Edited by Velta RŪKE–DRAVIŅA. Stockholm: Almqvist & Wiksell.

ARUMAA, P[eeter] 1935. *Eesti-liivi ja läti ühisest fraseoloogiast ning süntaksist*. *Eesti Keel: Akadeemilise Emakeele Seltsi Ajakiri*, 14, 124-136.

DÉCSY, Gyula 1973. *Die linguistische Struktur Europas: Vergangenheit – Gegenwart – Zukunft*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz

HAARMANN, Harald, 1976. *Aspekte der Arealtypologie: Die Problematik der europäischen Sprachbünde*. Tübingen: Gunter Narr. (Tübinger Beiträge zur Linguistik, 72.)

IKOLA, Osmo, 1953. *Viron ja liivin modus obliquusen historia*. Helsinki: Suomen Kirjallisuuden Seura (Suomi 106, 4.)

JAKOBSON, Roman, 1931. *Über die phonologischen Sprachbünde*. = JAKOBSON, 1971, 137-143.

JAKOBSON, Roman, 1971. *Selected Writings. Vol. 1. Phonological Studies*. 's-Gravenhage: Mouton.

STOLZ, Thomas, 1977. *Sprachbund im Baltikum? Estnisch und Lettisch im Zentrum einer sprachlichen Konvergenzlandschaft*. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer (BORETZKY, Norbert — EUNIGER, Werner — STOLZ, Thomas [Eds.], Bohum-Essener Beiträge zur Sprachwandelforschung, 13.)

Bożena FRANKOWSKA-KOZAK
(Szczecin)

Z badań nad zoonimią Ziemi Gorzowskiej

Przedmiotem rozważań w referacie są czynniki motywacyjne oraz mechanizmy derywacyjne zoonimów na terenie Ziemi Gorzowskiej. Materiał zoonimiczny zebrany został w latach 1996—1997 przy pomocy "Kwestionariusza do badania zoonimii ludowej w Polsce na tle słowiańskim" autorstwa S. Warchoła.

Respondentami byli przedstawiciele czterech grup wiekowych (I grupa – osoby powyżej 60 lat, II grupa – osoby od 40—60 lat, III – osoby od 20—40 lat, IV – osoby poniżej 20 lat) i różnych grup dialektalnych.

Tworzenie nazewnictwa jest uwarunkowane świadomością kulturową, tradycją, modą. Na badanym terenie nazwy własne zwierząt domowych i hodowlanych są bardzo zróżnicowane. Występują nazwy zwierząt tworzone współcześnie pod wpływem środków masowego przekazu, np.: **Napi** (pies), **Tina** (kot).

Mamy również do czynienia z przeniesieniem tradycji zoonimicznej, np.: **Niedziocha** (krowa), **Wiśniula** (krowa).

Nadawanie tzw. zoonimów tradycyjnych (derywowanych i nacechowanych ekspresywnie) występuje u przedstawicieli najstarszych mieszkańców, którzy przybyli na teren Ziemi Gorzowskiej w latach 1945-1956 z kresów wschodnich (byłych woj.: lwowskiego, tarnopilskiego, wileńskiego) i z centralnej Polski.

Podstawą w procesie nazewniczym były inne nazwy własne oraz wyrazy pospolite. Materiał onimiczny ze względu na kryterium semantyczne podzielono na dwie grupy: 1. nazwy zwierząt utworzone od apelatywów, np.: **Psota** (pies), **Smucia** (kot); 2. nazwy zwierząt, których podstawą są inne nazwy własne (antroponimy, toponimy, chrematonimy, hidronimy, etnonimy, oronimy), np.: **Rambo** (pies), **Azja** (pies), **Kora** (kot), **Dosia** (świnka morska).

Ewa GOLACHOWSKA
(Warszawa)

Z badań nad polszczyzną Podlasia Mowa ludności ze wsi włosciańskich i szlacheckich

I. Podlasie: położenie geograficzne i historia osadnictwa, geneza nazwy.

Podlasie położone jest nad środkowym Bugiem i górną Narwią. W przeszłości ziemie te znajdowały się pod panowaniem państwa polskiego i Wielkiego Księstwa Litewskiego. Tutaj przecinały się drogi osadników przybywających z różnych kierunków. Przybywała tu z zachodu ludność mazowiecka, od wschodu i od południa Rusini. Ziemie podlaskie do dziś zamieszkuje ludność mówiąca różnymi językami i różnego wyznania.

Nazwa Podlasie powstała na przełomie XV i XVI w. oznacza ziemie położone w sąsiedztwie Lachów. Dokumentuje punkt widzenia ludności Wielkiego Księstwa Litewskiego i potwierdza przejściowy charakter tych ziem.

II. Stan badań dialektologicznych dotyczących północno-wschodniej Polski.

W wielu publikacjach wspomina się o Podlasiu jako o językowym i etnograficznym przedłużeniu Mazowsza. Jest to zgodne z prawdą, ale Podlasie to obszar niezmiernie zróżnicowany pod względem języka i kultury, dlatego potrzebne są gruntowne badania dialektologiczne na tym obszarze, które dałyby odpowiedź na pytanie jakie cechy łączą ten obszar z Mazowszem, a co jest specyficznego, charakterystycznego tylko dla tego regionu. Istniejące opracowania dotyczą: gwar Mazowsza, województwa łomżyńskiego, siedleckiego, wrywkowo opracowano szczyzną Białostoczczyzny. Gwary wschodniosłowiańskie Podlasia są tematem licznych badań min. opracowywany jest Atlas Gwar Wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny i Atlas Gwar wschodniosłowiańskich Pobuża. Brakuje polskich tekstów gwarowych i ich omówień z rozległej części Podlasia.

III. Specyfika osadnictwa polskiego na Podlasiu.

Ziemie Podlasia stanowiące pogranicza zamieszkiwała głównie przybyła z Mazowsza drobna szlachta. Pełniła ona funkcje obronne, za co przysługiwał jej ziemia i przywileje polityczne. Pod koniec XIV wieku książę Janusz mazowiecki osadził tu setki rodzin drobnego rycerstwa z Zachodniego Mazowsza nadając im po 10 włók ziemi. Majątki te szybko ulegały rozdrobnieniu poprzez podział pomiędzy liczne potomstwo. Skutkiem dynamicznego rozwoju tej grupy społecznej było też powstawanie osobnych wiosek o dwuczłonowej nazwie np. Koce-Borowe, Koce-Schaby, Koce-Basie tworzących okolicę szlachecką.

Z biegiem czasu drobna szlachta coraz bardziej ubożała, bowiem będący właścicielami ziemi i nie ograniczani w swych prawach ojcowie

rodzin dzielili swą ziemię pomiędzy potomków doprowadzając do powstania malutkich gospodarstw nie będących w stanie wyżywić rodziny.

Postępujące ubóstwo nie zmieniło pozycji społecznej szlachty i jej przekonania o własnej wartości. Żyjące obok siebie od wieków społeczności szlachecka i włościańska nie utrzymywały kontaktów towarzyskich, nie zawierały między sobą związków małżeńskich. Różniły się strojem, obyczajami, językiem.

IV. Współczesna sytuacja językowa we wsiach szlacheckich i włościańskich na Podlasiu.

Badacze od dawna zwracali uwagę na odrębność gwar włościańskich i szlacheckich Mazowsza i Podlasia. H. Zduńska pisała, że wsie szlacheckie tworzą niekiedy niemazurzące wyspy np. wieś Mężenin w powiecie zambrowskim. Informatorka z tej wsi powiedziała „*zyto, capka, muvą tylko vuościjanie*”²⁵.

Rozpoczęte przeze mnie badania obejmują wsie powiatu siemiatyckiego, dawną ziemię drohicka. Na ich podstawie można powiedzieć, że dzisiejsza sytuacja językowa uległa pewnej zmianie. W dalszym ciągu kontakty pomiędzy ludnością pochodzenia szlacheckiego i ludnością włościańską są bardzo ograniczone, ale coraz bardziej daje się zaobserwować wpływ języka ogólnopolskiego na gwary tego regionu. Dotyczy to przede wszystkim wsi włościańskich, które jak się wydaje szybciej wyzbywają się gwary. Nie stwierdzono istotnych różnic w mowie sąsiadujących wsi włościańskiej i szlacheckiej, różna jest tylko ilość pojawiających się elementów gwarowych. Trzeba tu zaznaczyć, że gwara ludowa ma w środowisku wiejskim niski prestiż. Stopień nasycenia języka elementami gwarowymi zależy od wieku i wykształcenia informatora (z reguły więcej cech gwarowych odnaleźć można w języku mężczyzn). Wydaje się, że we wsiach szlacheckich gwara jest lepiej zachowana co wynikać może z wyższego prestiżu tego języka i braku kompleksów jego użytkowników.

V. Stan gwary we wsiach Łempice i Czaje na Podlasiu.

Można już stwierdzić, że na tym terenie gwara jest stosunkowo dobrze zachowana. Ograniczę się do przykładów z zakresu fonetyki. Powszechne są tu następujące cechy 1) *ó* pochylone *późni* 2) wymowa zwężonego *é* *zaléwali* 3) labializacja nagłosowego *o* *uocet* 4) mazurzenie *poset* i związane z nim formy hiperpoprawne *u naš* 5) asynchroniczna

²⁵ H. Zduńska, *Studia nad fonetyką gwar mazowieckich. Konsonantyzm*. Wrocław 1965. s. 55.

wymowa spółgłosek palatalnych *mńau* 6) miękkie *k, g* przed *e* *butelk'e* 7)
fonetyka międzywyrazowa ubezdźwięczniająca *kruf mńau*.

Ніна Васілеўна ГАЎРОШ
(М?нск)

Аўтарскае вобразнае значэнне ў мастацкім тэксце

Кожны майстар мастацкага слова выпрацоўвае свой непаўторны стыль, сваю мову, сваю вобразную сістэму. Індывідуальна-аўтарскае бачанне свету, паэтычную ацэнку прадметаў і з'яў рэчаіснасці пісьменнік перадае цэлай сістэмай вобразных сродкаў, сярод якіх значнае месца займаюць вобразныя значэнні – эпітэты. А. А. Патэбня разглядаў эпітэт ?? паняцце стылістычнае, адзначаючы, што эпітэт шырока ўжываецца не толькі ў мастацкай літаратуры, а і распаўсюджваецца на ўсе спосабы выкарыстання нацыянальнай мовы, што ў самой сістэме падбору эпітэтаў заўсёды адлюстроўваецца той сацыяльны свет, з якім мастак слова больш ці менш цесна звязаны, адкуль вынікае, што эпітэт суб'ектыўны.

Даследчыкі эпітэта сучаснай мовы называюць вобразныя значэнні, створаныя тым ці іншым мастаком слова, індывідуальна-аўтарскімі, ці індывідуальна-стылістычнымі, аказіянальнымі. Індывідуальна-стылістычныя эпітэты вызначаюцца арыгінальнасцю, самабытнасцю аўтарскага ўжывання. Яны адлюстроўваюць светапогляд пісьменніка, яго асаблівасці асэнсавання рэчаіснасці. Такія эпітэты надзвычай рэдка спалучаюцца з аднымі і тымі словамі; яны адзінкавыя, неўзнаўляльныя. Ступень устойлівасці сувязі кампанентаў такога атрыбутыўнага словазлучэння, у якім паясальнае слова – аўтарскі эпітэт, невялікая. Умова ўзнікнення аказіянальных эпітэтаў – незвычайнасць, нестандартнасць спалучэння слоў, якая адлюстроўвае своеасаблівасць аўтарскіх асацыяцый, непаўторнасць бачання свету мастаком слова. Тыя ці іншыя якасці, уласцівасці па сваёй сутнасці не належаць прадмету ўнутрана, не вынікаюць з яго зместу, аўтар бярэ іх з нейкай іншай сферы на аснове знешняга ці ўнутранага падабенства. У выніку ствараюцца непаўторныя зрокавыя, слыхавыя і абаняльныя вобразы. Такія значэнні неасацыяваныя.

Найбольш пашыраныя ў мастацкіх творах зрокавыя неасацыяваныя значэнні. Гэта пераважна так званыя колеравыя эпітэты. Паясальнае слова ў такім атрыбутыўным словазлучэнні – прыметнік са значэннем колеру – спалучаецца з паяснёным назоўнікам, якому па самой яго прыродзе не ўласціва колеравая характарыстыка. У такім выпадку значэнне колеру пераасэнсоўваецца, набывае ?ншае гучанне: *зялёны, серабрыста-шэры дождж, бурытынавыя словы, зялёны, сіні, румяны вецер. Зямля Беларусі! Ты ў граях-вяснянках, Ты ў звоне вясёлак, ты ў гусях вятроў; Ты песня сама ад крыніц да заранкі, Ад зорак паўночных*

да сіняга ранку, Ты наша паэма з *бурыштынавых* слоў (П. Броўка). Дажджы *зялёныя шумяць* (П. Панчанка). Над соснамі, асінамі Гуляюць па бары *Зялёныя і сінія Залётныя вятры* (Г. Бураўкін).

Сэнсавая мэтазгоднасць індывідуальна-аўтарскіх эпітэтаў, пры дапамозе якіх ствараюцца слыхавыя вобразы, раскрываецца пераважна ў мікракантэксте – у атрыбутыўным словазлучэнні: *звонкая ціша, аціхлая зямля, звонкі, гутарлівы вечар, безгалосая кроў, шчаб?тлівая радасць, спеўныя рукі і інш. Звонкая ціша – ні спеваў птушых, ні шэлесту* (А. Звонак). *А вечар чуткі, хутарлівы Разносіць гоман, смех шчаслівы* (Я. Колас). *Сумую без сяброў Крывёю безгалосай* (У. Някляеў).

Такія вобразныя азначэнні нярэдка становяцца дамінантай у агульнай танальнасці твора: *Званамі аглухлымі падаюць бэры На попель цяпельца, любові і веры, Дзе пахне атаваю луг за ракою, Дзе мама насустрач махае рукою* (У. Някляеў). Асноўны сэнс страфы – у аказіянальным азначэнні *аглухлы*. Аўтарскі выбар эпітэта падрыхтаваны і неардынарнымі асацыяцыямі паэта, і шырокім кантэкстам, і своеасаблівым падтэкстам, якія маюць сваю сэнсавую аснову: глуха падаюць бэры (грушы, знешне падобныя да званоў) і аддаюцца ў сэрцы паэта аглухлым звонам далёкага дзяцінства. Сэнсавая напоўненасць страфы мае сваю структурна-граматычную арганізацыю: дзеянне і яго характарыстыка – прымета па дзеянні – выражаецца словазлучэннем "дзеяслоў+параўнальны зварот з дзеепрыметнікам-эпітэтам", што забяспечвае дынамічнасць слыхавога вобраза.

Слыхавыя эпітэты могуць выступаць як кампанент разгорнутай метафары. У такім выпадку на першым плане – ацэнка-характарыстыка, бо змест выказвання раскрываецца ў макратэксте. Матывам для з'яўлення гэтага вобразнага азначэння можа стаць кантэкст эпохі, кантэкст часу. Так, Янку Купалу называюць беларускім паэтам-песняром, і гэта стала асновай для стварэння цудоўнага вобраза "*спеўныя рукі*": *Устань, Купала! Звонкіх струн Краніся спеўнаю рукою* (К. Буйло).

Разнастайныя і змястоўныя абаняльныя эпітэты. У пераважнай большасці яны суб'ектыўныя: *азонная зямля, духмяная цішыня, пахучая зорка, прэсны вецер: З цёплай зямлі, пахучай, азоннай, Кліча нас уладарна След касмічных ракет* (П. Панчанка). *І жнівеньскія зоры пахучыя, як дыні, Сінія, нібыта верасы* (Г. Бураўкін). *Здаецца шчасцем гэтым напоўнены не толькі Васілёвы грудзі, а ўся ноч, уся цёмная, духмяная цішыня* (І. Мележ).

З дапамогай аказіянальных эпітэтаў пісьменнікі с'вараюць незвычайныя малюнкi роднага краю, раскрываюць перад чытачом дзівосны свет чалавечай душы, перадаюць найтанчэйшыя пачуцці героя. Мастацкія прыём? адухаўлення і персаніфікацыі як неад'емныя ў слоўным жывапісе патрабуюць адпаведнага выражэння, што ў значнай ступені забяспечваюць індывідуальна-стылістычныя эпітэты, эстэтычная функцыя якіх высвятляецца, як правіла, з макракантэксту: *расстрэлены лес, азяблае лісце, праставалосая краіна. бяздомная восень, нервовая, хлуслівая зорка, ахвярныя юнакі,*

мнагадумная даль, задорна-смелая сасна. Для мяне ж яшчэ доўга расстрэлены лес Захліпацца будзе дзіцячым енкам (П. Панчанка). *Злічы ахвярных юнакоў, мая праставалосая краіна* (В. Жуковіч). *Начныя хлуслівыя зоры. Вялікі ўстрывожаны свет...* (П. Панчанка). *Там задорана-смелыя сосны параслі, Там бярозы белыя нікнуць да зямлі* (П. Глебка).

Для вобразнай характарыстыкі аўтар і сам стварае новыя словы-характарыстыкі, якія слоўнікам не зафіксаван?. Гэта аўтарскія наватворы: *раскрылая ноч, ажывелья вочы, развяснелы сад, санцавейная зара, распяваная краса, вятрыстае, ускалыхлівае слова. І думкі ўспываюць іншыя: ... пра гэту раскрылую на бяскрайні абсяг ноч.*

(В. Карамазаў). *Джулія зыркнула на хлопца ажывельмі вачыма.*

(В. Быкаў). *А ўсмешкі – водбліск ясны санцавейнае зары* (А. Звонак). *Ты ўсё побач і ўсё той жа – ... Як шпак у развяснелым садзе!* (Н. Мац?ш). *Над лёсам маім світалі вятрыстыя словы* (Р. Барадулін). *Шчыmlівае адчуванне блізкасці, сваяцтва з бедным украінскім хлопчыкам, які ... ідзе ў наш вялізны загадкавы свет, заслухаўшыся ў яго распяваную, зіхатліва шматфарбную ашаламляльную красу* (Я. Брыль).

Індывідуальна-аўтарскія эпітэты – выразны вобразны сродак мовы. Яны напоўнены зместам, арыгінальныя спалучальнасцю з паяснёным словам і, як правіла, кантэкстуальна матываваныя. Канструкцыі з аказіянальнымі вобразнымі азначэннямі даюць магчымасць пісьменніку стварыць багат? дакладнымі дэталямі, гарманічны і заўсёды надзелены ўнутраным святлом слоўны жывапіс.

*Анатоль Антонавіч ГІРУЦКІ—
Людтіла Аляксандра?на ГІРУЦКАЯ
(М?нск)*

Лёс беларускай мовы ў мастацкім успрыманні беларускіх паэтаў XIX–пачатку XX стагоддзя

Асаблівасці адлюстравання лёсу беларускай мовы ў мастацкіх творах паэтамі Беларусі XIX–пачатку XX стагоддзя вызначаліся перш за ўсё спецыфікай моўнай сітуацыі ў краіне і месцам у гэтай сітуацыі мовы карэннага насельніцтва – беларускай. Спецыфіка моўнай сітуацыі ў адзначаны перыяд агульнавядомая. XVIII стагоддзе і першая палова XIX былі перыядам заняпаду беларускай пісьменнасці і кніжнай літаратурнай мовы. Таму мастацкая свядомасць беларускага народа ў гэты час праяўляецца пераважна ў фальклоры. Ажыўленне ў фарміраванні беларускай літаратуры і беларускай літаратурнай мовы прыпадае на другую палову XIX–пачатак XX стагоддзя, хаця адсутнасць уласнай дзяржаўнасці, паўкаланіяльнае становішча Беларусі ў складзе Расійскай імперыі, забарона беларускага

друкаванага слова і не спрыялі гэтаму. Беларуская мова фактычна функцыянавала ва ўмовах афіцыйнага руска-польскага двухмоўя.

Адносіны беларускіх мастакоў слова да роднай мовы, яе лёсу набываюць паэтычнае ўвасабленне. Тэмы такога ўвасаблення разнастайныя. Паэтаў хвалююць пагардлівыя адносіны да беларускай мовы, яе цяжкі стан, вузкае кола грамадскіх функцый. Эпітэты *мужыцкая, сялянская, вясковая* і нават *убогая* як адлюстраванне грамадскіх функцый беларускай мовы даволі ўстойлівыя ў беларускай паэзіі адзначанага перыяду, напрыклад: *Не будуць жа знаўцы французскае мовы Мужыцкай гаворкай засмечваць галовы* (В. Дунін-Марцінкевіч), *Хто нашай мужыцкай мовы Не брыдзіцца, так як людзі, Няхай жа будзе здаровы* (В. Каратынскі), *Хай той жыве, хто піша на сялянскай мове* (В. Дунін-Марцінкевіч), *А што было ў каханні іхняга аснове Раскажа вам дудар на іх сялянскай мове* (В. Дунін-Марцінкевіч), *Знаём з расійскай, з польскай мовай; Сваёй з гасцямі ані мру-мру, Хаця не зрокся і "вясковай" – "Папросту" з "простым" гавару* (Я. Купала), *Песні пачаў пець той мовай убогай, Якой пагарджаюць горка, нядбала, Пэўна і песняў счураюцца многа, От, ведама, ?думаў Янка Купала* (Я. Купала).

Устойлівым матывам паэзіі гэтага часу ў дачыненні да беларускай мовы з'яўляецца не толькі асуджэнне эліты, прав?чых колаў за пагардлівыя адносіны да беларускай мовы, але і падкрэсліванне таго факта, што беларуская мова – гэта мова продкаў, старажытная мова, што вернасць роднаму слову – гэта вернасць свайму роду, свайму краю. Усё багацце асацыяцый паэты ўвасабляюць у эпітэты *родная*: *А нават дочка гетмана ці кашталянка Не пагарджалі сваёй роднай мовай* (В. Дунін-Марцінкевіч), *Не мілей хіба нам наша родная мова, Дзе падкрэслена слава народу праз слова?* (В. Дунін-Марцінкевіч), *З традыцый княць і з мовы роднае спрадвечнай* (В. Дунін-Марцінкевіч), *Дзякуй табе, браце, і за твая словы, Што ўспомнілі звыкі нашай роднай мовы* (А. Гурыновіч), *Мову родную хто Пазабыў, асмяяў, Загубіў за нішто, – Каб ён свету не знаў!* (Г. Леўчык), *Маю родну мову, край – Кажуць мне так людзі, – ?олькі выпрастайся, знай, А твой верх тут будзе!* (Я. Купала).

Нярэдка гэтыя ж ідэі, думкі абыгрываюцца ў спалучэннях *мова продкаў, мова бацькоў ці мая мова*: *Дом маленькі ды чысты і поўны спакою, Мову ўчуеш там, продкі казалі якою* (В. Дунін-Марцінкевіч), *Аб мове бацькоў ён пачаў забывацца: Баіцца, што будуць ў салонах смяцца* (В. Дунін-Марцінкевіч), *Ой, нашто ж мне дана мая мова, Як я не ўмею сказаць тое слова* (Ф. Багушэвіч).

Пачатак ХХ стагоддзя характарызуецца пад'ёмам беларускага нацыянальнага руху, развіццём нацыянальнай самасвядомасці, пашырэннем беларускага кнігадрукавання, усведамленнем дзеячамі беларускага адраджэння неабходнасці развіцця беларускай літаратурнай мовы як галоўнага сродка нацыянальнай культуры, надзеяй на адраджэнне роднай мовы. У беларускіх паэтаў пачатку ХХ стагоддзя

знаходзіць сваё развіццё тэмы, ідэі, вобразы папярэдніх аўтараў, далейшае асэнсаванне лёсу беларускай мовы ў новых гістарычных умовах. Узнікаюць новыя асацыятыўна-вербальныя рады: *мова – слова – душа – дух – свабода*. Усё часцей гучыць надзея на адраджэнне роднай мовы: *А толькі ўсё жду я, каб родная мова Хутчэй дачакала **свабоднага слова!*** (Г. ?еўчык), ***Свабоднае слова, ты, роднае слова!** Зайграй ты смялей, весялей* (Я. Купала), *Няхай **родным словам** шчасна Загаворыць наш народ* (Я. Колас), *Дзякуй тым, хто нашу мову Родную ўскрашае; Хто цямоты ў **родным слову** Нашы распрашае* (Я. Купала), *Хай звон тваёй мовы Звініць над палямі, **І словы і словы** Хай б'юць перунамі* (Я. Лучына), ***Магутнае слова, ты, роднае слова!** Са мной ты на яве і ў сне; Душу мне затрэсла пагудкаю новай, Ты песень наўчыла мяне* (Я. Купала).

Роднае слова – гэта тая крыніца, з якой чалавек п'е духоўную сілу з самага дзяцінства. Яна аддае яму неацэнныя духоўныя багаці праз калыханку, народную казку і песню, праз усё тое, што стварае першаснае моўнае асяроддзе. Таму не цяжка зразумець глыбокую павагу і закаханасць паэтаў роднай мовай, яе параўнанне з *песняй*: *Гэй, **родныя песні!**... У **песнях** жа родны край, родныя словы Жылі, і жывуць, і жыць будуць заўсёды* (Я. Купала), *Усё спаганяць людзі, покі ноч шалее, Вырвуць веру ў ічасце, веру і надзею, Ды таго не вырвуць, што **напела** маці Ночкай над калыскай роднаму дзіцяці* (Я. Купала).

Але сталася так, што і сёння актуальна гучаць словы Я. Купалы:

Чаго вам хочацца, панове?
Які вас выклікаў прымус
Забіць трывогу аб той мове,
Якой азваўся беларус?

Чаму вам дзіка яго мова?
Паверце, вашай ён не ўкраў,
Сваё ён толькі ўспомніў слова,
З якім радзіўся, падростаў...

Літаратура

Каласы роднай мовы. Мн., 1990.
Лексікалогія сучаснай літаратурнай мовы. Пад рэдакцыяй А. Я. Баханькова. Мн., 1994.
Шахун Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мн., 1984.

Attila HOLLÓS
(Budapest)

Венгерские элементы литовского словаря

Число венгерских слов, попавших в литовский язык посредством польского языка, около дюжины.

Их появление в литовских текстах произошло в разное время.

По словарю Куршата с 60-х годов XVII в. зарегистрированы литовские слова *tāboras* и *husāras*. Два слова (*katenka*, *šėtras*) фигурируют в рукописном немецко-литовском словаре XVII в.

Время появления в литовском языке остальных слов венгерского происхождения нам не удалось установить, так как они известны нам лишь по словарям XX в. Польские соответствия слов *haidūkas*, *kuñtušas*, *magerkr'* известны с XVI или XVII в. Польский источник слова *derėšis* 'чалая лошадь' известно с XVIII в., но образованный от него прилагательное *dereszowaty* зарегистрировано с XVII в.

С гусарами конца XVIII – начала XIX в. связано слово *mėntikas* ~ *meñtikas*. Кулинарные термины *guliāšas* и *pāprika*, как и название венгерского танца *čárdašas*, могли появиться в литовском языке не раньше рубежа XIX–XX вв.

Часть перечисленных литовских слов, польские источники которых заимствованы из венгерского языка, является историзмом, часть – иностранным словом.

В докладе затрагивается и вопрос о формах и семантике этнонима венгров в литовском языке.

Beáta KERTÉSZNÉ VARGA
(Szeged)

Литовско-украинское государственное сотрудничество и возникновение казачества в 15 веке

В 13 веке в Восточной Европе, на землях между Неманом и Двиной, образовалось раннефеодальное Литовское государство. Используя феодальную раздробленность Киевской Руси, литовские князья уже в 13 веке начали захватывать соседние юго-западные княжества. Великий князь Ольгерд (1345—1377) в 1350–60-ые годы захватил Чернигово-Северщину, Подолию, Киевщину и Переяславщину. Вначале захваченные Литовским княжеством украинские земли находились на положении автономных удельных княжеств, и хотя были в вассальной зависимости от великого князя литовского, все-таки они соединялись в одно литовско-украинское государственное содружество. Подобно великому князю, каждый из удельных князей для решения

важнейших вопросов общественно-политической жизни княжества созывал совет, составлявшийся из наиболее влиятельных местных феодалов – князей, крупных бояр, высшего духовенства.

В литовско–украинском обществе в конце 15 века постепенно оформлялось казачество, о существовании которого документальные свидетельства встречаются лишь в 1492 году, в грамоте великого князя литовского Александра. Часть казаков составляли иррегулярное войско в Литве и они организованы были по мысли правительства для защиты границ Литвы от набегов татар и состояли в ведении управителей областей, городов и замков государства. А бегством крестьян и городской бедноты в "дикое поле" возникло и свободное казачество, члены которого считали себя "вольными людьми", занимались земледелием, "уходничеством", но в первую очередь вели борьбу против турецко–татарских нападений на Украину.

*Геза Кочыш (Kocsis Géza) — Валянціна МАРОЗ
(Будапэшт — Берасьце)*

**Аспекты перакладу на сучасныя мовы
сярэднявечнае лацінамоўнае паэмы Міколы Гусоўскага
"Carmen de statura feritate ac venatione bisontis"**

Асэнсаванне духоўнае спадчыны паэта-гуманіста Міколы Гусоўскага, чья эстэтычная праграма была ўспрынятая і засвоеная культурамі некалькіх народаў адначасна, паклікала пераклады слыннае паэмы "Песня пра зубра" на шмат якія сучасныя мовы.¹

У артыкуле зроблена спроба параўнальнага аналізу лацінамоўнага арыгіналу² з тэкстамі трох перакладаў.³

Аналіз адэкватнасці сучасных моўных формаў сістэме гісторыка-эстэтычных паняццяў, выснаваных Міколам Гусоўскім, ёсць сэнс запачаткаваць з лірычнага адступлення, прысвечанага тагачаснаму вялікаму князю і каралю Сігізмунду I (Старому) — Жыгімонту Старому — (1506—1548). Услаўляючы асобу дзяржаўцы, Мікола Гусоўскі выбірае адпаведныя высокаму стылю моўныя сродкі: форму клічнага склону ўласнага назоўніка *Sigismunde* ды перыфразу *patriae pater*:

Compressi calamos; qui me retinente feruntur
Inque tuas laudes, *Sigismunde*, ruunt.
Da veniam, quaeso, *patriae pater*, ardua res est
Virtutes aliqua parte referre tuas.
(М. Гусоўскі. С. 27)

Паколькі ў сучаснай беларускай мове назіраецца сталае ўтрыманне парадэгмы клічнага склону ўласных назоўнікаў мужчынскага роду, то ў перакладзе Язэпа Семяжона і Уладзіміра Шатона захоўваецца *Сігізмундзе*:

Хіліць пяро маё ўбок, каб табе, *Сігізмундзе*,
Бацька *Кароны і ўдзелаў Літоўскага княства*,
Славу прапець і ўхваліць твае поспехі ў справе
Дома вялікай, за межамі краю не меншай.
(Я. Семяжон. С. 85)

Сціснуў рукою пяро, што імкнецца ў нястрымным парыве
Пець, *Сігізмундзе*, табе славу на векі вякоў.
Бацька айчыннай зямлі, даруй, бо нялёгка праца
Добрыя дзеі твае хоць бы крыху апісаць.
(Ул. Шатон. С. 28)

Ладу ж расейскае мовы адпавядае назоўны склон зваротка -- *Сігізмунд*:

Чувствую: непроизвольно перо мое вновь отклонилось,
Чтобы тебе, *Сігізмунд, властелин двуетидный*,
Славу воздать и воспеть твои подвиги в деле,
Дома великом и столь же великом вне дома.
(Я. Семяжон, Я. Парэцкі. С. 146—147)

Паводле лацінамоўнае паэтычнае традыцыі ў паэме для прызнання выключных дзяржаўніцкіх заслугаў Сігізмунда I скарыстаны выраз *patriae pater*, які ад часоў Юлія Цэзара лічыўся за найганаровейшую адзнаку ў пераліку званняў тытулаваных асобаў. Натуральна, перакладчыкі сутыкнуліся з праблемаю альбо захавання ў тэксе іншамоўнага ўкраплення *patriae pater*, альбо падбору ўласнабеларускага адпаведніка. Уладзімір Шатон, арыентуючыся на граматычны лад сучаснае беларускае літаратурнае мовы, стварыў семантычна і стылістычна дакладную перыфразу-кальку: *бацька айчыннай зямлі*. Язэп Семяжон таксама спыніўся на разгорнутым апісальным звароце: *бацька Кароны і ўдзелаў Літоўскага княства*. Наяўнасць у ягоным перакладзе ўласных назваў *Карона і Літоўскае княства* засяроджвае ўвагу на гістарычнай канкрэтыцы. Як трапна сказана, Сігізмунд I быў "*властелин двуетидный*": стаўшы вялікім князем Вялікага княства Літоўскага Рускага і Жамойцкага ён пасля таго быў яшчэ і абраны на караля Каралеўства Польскага, "...каб захаваць х о ц ь б ы п е р с а н а л ь н у ю (разбіўка наша -- К. Г., М. В.) унію паміж дзвюма дзяржавамі." (Гісторыя Беларусі. Энциклапедыя. -- Мн.: БелЭН. Т. 1, 1993. С. 392) Таму сучасныя беларускія крыніцы ў ягоным тытуле слова *князь* звычайна ставяць паперадзе слова *кароль*: *князь і кароль Жыгімонт Стары*. Але дзеля дакладнасці мала было б у згаданым выразе памяняць месцамі ўласныя назоўнікі: *бацька ўдзелаў Літоўскага княства й Кароны*. Ёсць

неабходнасць скарэктаваць на пэўны гістарычны перыяд і самі ўласныя назвы. Як вынікае з даведнікаў, спалучэнне тэрмінаў *Карона і ВКЛ* (двух членаў вайскова-палітычнага хаўрусу — Рэчы Паспалітае) пачало ўжывацца толькі паводле дакументаў тае самае Люблінскае вуніі — праз 47 гадоў пасля напісання паэмы: "...дэпутатамі польскага сейма і сойма ВКЛ пад прысягаю быў прыняты акт аб уніі..., паводле якога ўрачыста абвяшчалася аб'яднанне на аснове роўнасці Польшчы (Кароны) і ВКЛ (Літвы, або Княства) ў федэратыўную дзяржаву — Рэч Паспалітую" (Гісторыя Беларусі. Энцыклапедыя. — Мн.: БелЭН. Т. 1. 1993. С. 393.). Узнікае лагічны прэцэдэнт: перыфраза *бацька Кароны і ўдзелаў Літоўскага княства* паводле аналогіі мае права быць успрынятая і такім чынам: *бацька Рэчы Паспалітае*, што аніяк не стасуецца ні з асобаю Сігізмунда I, ні з фактычным зместам паэмы.

Дадамо, што не толькі з гістарыяграфічных падыходаў выраз заслугоўвае крытычнае ацэнкі. І паводле мовазнаўчых меркаў гэтае аказіянальнае аўтарскае ўтварэнне не ёсць бездакорная перыфраза. Разгледзім структуру выразу: "назоўнік у назоўным склоне (*бацька*) + уласны назоўнік у родным склоне (*Кароны*) + назоўнікавае словазлучэнне (*удзелаў Літоўскага княства*). Няроўнаватаснасць спалучаных граматычных формаў (уласны назоўнік *Карона* і назоўнікавае словазлучэнне з апорным агульным назоўнікам *удзелы*, які дапасуе да сябе тэрміналагічны выраз *Літоўскае княства*) праяўляе і адначасна замацоўвае на падсвядомым узроўні інфармацыю пра быццам бы неаднолькавую вартаснасць саміх спалучаных паняццяў. За словазлучэннем *удзелы Літоўскага княства* бачыцца стэрэатып успрыняцця гэтага дзяржаўнага ўтварэння як чагосьці другаснага, несамадастатковага ў параўнанні з Польшчаю (Каронаю). Усё тое звязана з беспадстаўна пашыраным паглядам на вуніі 1385 (Крэўскую) і 1569 (Люблінскую) не як на роўны вайскова-палітычны хаўрус дзвюх дзяржаваў, а як на далучэнне ВКЛ да Польшчы. Кіруючыся недакладнымі фактамі, перакладчык гістарычны стэрэатып замацаваў і ў перыфразе. З паказаных прычынаў у Язэпа Семяжона вынікла яшчэ адна фактычная памылка:

Як ты ні кінь, а з маленства мне добра вядомы
Ловы і праца, і хлеб мой, зароблены потам.
Край мой (цяпер ужо ўласнасць Кароны)
Я перамераў уздоўж і упоперак пешшу калісьці.
(Я. Семяжон, с. 63.)

Зазначым, што ў гэтай частцы перакладчык даволі значна адхіліўся ад ладу аўтарскае думкі, праігнараваўшы дакладнасць зместу. Мікола Гусоўскі ў 1522 годзе не мог так напісаць, і таму ў арыгінале чытаем:

Quicquid erit; longus venandi proferet usus
Et labor ac vitae tempora dura meae.

In nemus arctoum, quamvis scriptoribus impar
Romanis, certe hac arte, Polonus eo.

(М. Гусоўскі, с. 14)

Каб разабрацца, ці былі аб'ектыўныя прычыны для такога з'ячвання тэксту, варта звярнуцца да падрэдкаўніка: "Пра доўгую працу і турботлівыя часы майго жыцця будзе расказваць (расказа) вопыт маіх паляванняў, таму ў паўночны лясок, хоць і не магу раўняцца з рымскімі паэтамі, я, палякам (паляк), іду".

З гісторыі вядома, што беларускія землі ніколі (хіба толькі за часам знаходжання Заходняе Беларусі ў складзе Польшчы з 1919 да 1939 гг.) не былі "ўласнасцю" Кароны. Таму патрэбную меру сэнсава-стылістычнае дакладнасці, ідучы следам за аўтарам, удалося вытрымаць толькі Уладзіміру Шатону:

Тое, што я раскажу, гэта ўсё шматгадовы мой вопыт,
Праца мая і жыццё многіх турботлівых дзён.
Хоць я зусім не раўня пісьменнікам даўняга Рыма,
Нетры ж паўночных лясоў ведаю, быццам паляк.

(У. Шатон, с. 14)

З расейскамоўнага перакладу гэтае мясціны — "Край свой лесной я, писателям древним не равный, *подданный Польши*, шагами своими измерил..." вынікае праблема с а м а і д э н т ы ф і к а ц ы і Міколы Гусоўскага. Бачым, што слова *Polonus*, якое можа быць перададзенае і назоўным склонам *паляк*, і творным *палякам* (форма выконвае функцыю ўскоснага параўнання, а не сродку намінацыі асобы паводле нацыянальнасці) у перакладах набыло неадназначную інтэрпрэтацыю: *быццам паляк* (Н. Шатон) і *подданный Польши* (Я. Парэцкі, Я. Семяжон). Між тым, як ужо адзначалася ў літаратуры, паэт нідзе не называе сябе ні палякам, ні літоўцам, ні ліцвінам. Даследчыкі ж зважаюць на тое, што прозвішча *Гусоўскі* адтапанімічнага паходжання, а на Беларусі вельмі многа паселішчаў з назвамі Гусаў, Вуса, Усава. Нельга абмінаць і напісанне ў паэме па-лацінску прозвішча *Hussoviani* праз літару *h*, а не *g*, што адпавядае ладу беларускае мовы. Ды і сама лацінская мова паэмы, "перасыпаная залатымі зернямі" беларускіх устойлівых выслоўяў, наводзіць на думку, што Гусоўскі пісаў на латыні, а думаў па-беларуску. Доказамі ж таго, што паэт — выхадзец з земляў ВКЛ, могуць служыць не толькі вобразы зубра, князя Вітаўта ды згадка пра раку Днепр; рэпрэзентантамі паэтавае радзімы выступае ў паэме таксама назоўнік *Litphana* і словазлучэнні *Litphanis silvis*, *Litphanis passus*. Назіранні паказваюць, што перакладчыкі належным чынам аднесліся да згаданых словаў, захавалішы ўсе выпадкі іх ужывання. Разам з тым заўважана, што назоўнік *Літва* ды вытворныя ад яго *літоўскі*, *ліцвін* нашмат часцейшыя ў тэкстах перакладу, чым у арыгінале. Можна сказаць, што ва Уладзіміра Шатона этнонім *ліцвін* набывае сэнсава адметную ролю: за высокаю частотнасцю ўжывання слова ў сувязі

з асобаю вялікага князя Вітаўта бачыцца арыентацыя перакладчыка на паняцце *гістарычнае Літвы* і жаданне дыстантавацца ад тэрміналогіі, звязанай з сучаснаю Літваю.

Аналізаваныя фрагменты перакладаў выяўляюць розную ступень дакладнасці ўвасаблення ладу чужых думак ў іншай мове. Падаецца, найлепей тое ўдалося Уладзіміру Шатону, у каго сэнсавая набліжанасць да зместу паэмы пацверджаная і неабходнымі фармальнымі паказчыкамі — роўнаю колькасцю дыстыхаў і складоў у радку ды вытрыманасцю цэзураў. На ўсё гэта варта звяжаць, бо "Гусоўскі стаў першаадкрывальнікам жанру ліра-эпічнай паэмы ў літаратуры Усходняй Еўропы, стваральнікам мастацкага стылю ў літаратуры Беларусі і адным з заснавальнікаў яе эстэтычнае навукі".⁴

Заўвагі

¹ Створаная паводле просьбы папы Льва X Медзічы ў 1522 годзе ў Рыме і выдрукаваная ў 1523 годзе ў Кракаве, паэма "Песня пра зубра" ў канцы XIX ст. загучала па-польску, а ў XX ст. — па-летувіску, па-беларуску і па-расейску. На беларускую мову твор перакладаўся Наталляй Арсенневай, Язэпам Семяжонам, Уладзімірам Шатоном.

² Nikolai Hussoviani. Carmen de statura feritate ac venatione bisontis. //Мікола Гусоўскі. Песня пра зубра. — Мн.: Маст. л-ра, 1980. С. 5—45.

³ Мікола Гусоўскі. Песня пра зубра. //Пераклад з лацінскай мовы Язэпа Семяжона. //Тамсама. С.46—121; Николай Гусовский. Песнь о зубре. //Перевод с латинского языка Якова Парецкого, Язэпа Семяжона. //Тамсама. С. 122—167; Мікола Гусоўскі. Песня пра зубра. //Пераклад з лацінскай Ул. Шатона. //Мн.: БГАКЦ. 1994. 48 с.

⁴ В. Дарашкевіч. Паэма жыцця. // Мікола Гусоўскі. Песня пра зубра. — Мн.: Маст. л-ра, 1980. С. 179.

Міхай Кочиш (Kocsis Mihály)
(*Ceged*)

К вопросу изучения украинских говоров

Древние грамоты представляют собой источники изучения истории языка. Естественно, что данные говоров, жалованных грамот и других деловых документов издавна используются в научных трудах, написанных об истории украинского языка.

В 1977–1978 гг. в Киеве вышел двухтомный словарь под названием *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.*, который содержит слова и словоформы письменных памятников, возникших в данный период. В этом словаре типа тезаурус приводятся не только примеры к разным значениям старых слов, но и собраны воедино встречающиеся в источниках грамматические формы, причем во всех их звуковых (отчасти, правда, лишь орфографических) обликах. Этот богатый материал может быть использован и специалистами, занимающимися вопросами возникновения и истории украинских говоров.

В докладе рассматриваются формы дат., твор. и местн. пп. мн. ч. у имен существительных, собранные по всем, доступным составителям словаря, помятникам светского характера XIV и XV вв. Мы стремимся ответить на следующие вопросы: а) в какой мере наблюдается по этому материалу та пестрота, которая характерна для украинских говоров в их современном состоянии (ср., напр. наличие разных окончаний *-ам, -ом, -ім, -ум* в дат. п. мн. ч.); б) судя по исследуемым формам, каково было диалектное членение староукраинского языка, точнее, дается ли там какая-нибудь новая информация с этой точки зрения.

Dagmāra KOKINA
(*Rīga–Budapešta*)

Миндовг – импульсация парадигмы герой и власть в латышской литературе

Эпиграф:

Марте: Никогда литовские земли еще не видели
такого тирана как ты
Миндауг: Я – король!

(Зиверст М. "Власть")

19 век в Северо-восточной Европе становится "героическим временем" нового типа, когда целый ряд народов выражает желание засвидетельствовать свое существование. Возникает необходимость манифестировать национальную–коллективную идентичность. Эта необходимость раскрывает новые перспективы развитию литературы, новые этические требования. В 19 веке новые координаты своего существования должны найти и латыши. Но для новых наций (финнов, эстонцев, латышей и т.д.) в 19 веке характерна не актуализация современности, а доисторическая ретроспектива. Младолатыши и их идейные преемники, народные романтики, стараются реконструировать "пантеон богов", "потерянный рай" доисторического времени.

Одним из направлений поисков национального самосознания для латышей становится исторический опыт Литвы. Потенции Миндовга, короля Литвы, особенно актуальны в парадигме – герой и власть. Популярным является изображение похода Миндовга на замок курского племени Эмбиоте и переплетение этого исторического эпизода с легендой об Индулисе, вожде маленького курского племени, и Арии, дочери немецкого комтура. В традициях идеалов народных романтиков, которые не предусматривают отрицательного изображения литовского героя, пишет Лаутенбахс–Юсминьш (1847–1928) свою пьесу "Индулис и Ария" (1909).

Миндовг – источник инспираций модернистских исканий латышских писателей XX века. Райнис (1865–1929) на этом же истори-

ческом материале – время событий 1243 год, когда герой Райниса, Минтовтс, любыми средствами стремится образовать Литовское государство и стать королем – показывает трагедию индивидуума и власти ("Индулис и Ария", 1912). Идее абсолютизма власти Минтовта Райнис противопоставляет этический максимализм Индулиса, идеал которого – свобода индивидуума. В бескомпромиссной апологии власти велик Минтовт но в этом поединке Райнис последовательно принимает тезис Индулиса о свободе личности.

Во время Второй мировой войны, наблюдая смену власти двух сверхдержав, в 1944 году Мартиньш Зивертс (1903–1990) обращается к историческому образцу литовского короля Миндовга и называет свою драму "Власть" (1944). В этой драме трагически созвучны идейные параллели политики власти Миндовга с стремлениями современных политических блоков, эмоциональная атмосфера времени автора, психологическая ситуация исторических событий.

Ewa KOMOROWSKA
(Szczecin)

"Парентеза" в семантико-прагматическом плане

Предметом анализа в данной статье является "парентеза" в русском и польском языках. Главное внимание будет уделено "парентезам", выступающим в постпозиции.

Материалом для анализа служат примеры "парентез", взятые не только из польской и русской современной художественной литературы, но и из разговорной речи.

Анализ материала будет проведен с учетом проявления в парентетических высказываниях прагматических функций таких как: эмотивная, языковой уловки, иронии, контрпропозиции и других. Одновременно употребленные в диалогической речи "парентезы" будут подвергаться анализу с точки зрения "Теории коммуникативных имплицатур" (conversational implicatures) Грайса, а в том соотношения их с общим Принципом Кооперации и следующими за ним Постулатами речи такими как: качества, количества, способа, релевантности.

Проведенный анализ должен показать, в какой степени новые методы рассмотрения языкового материала, семантико-прагматического характера, углубляют лингвистический подход к польской и русской речи.

**Сопоставительный анализ частотного словоупотребления в
балтийских и славянских языках**

Интенсивность взаимодействия культурных, экономических и других отношений разных народов отражается в лексике. Повседневные реалии и связанные с ними словоупотребления (в том числе и лексические заимствования) отмечаются в языках более высокими индексами частот. Менее актуальные, нетематические или эпизодические явления жизни фиксируются низкими частотами, а иногда вовсе не отмечаются в лексической системе языка.

Балто-славянская общность прослеживается, в частности, сопоставительными лексикостатистическими данными (см. 1 таблицу). Это касается разнообразной лексики, относимой к обозначениям частей тела, родства и общественного строя, животного мира, растительности, тел и явлений неживой природы, строительства, техники, быта, цвета и других свойств, разного рода абстрактных понятий, физической и психической деятельности человека.

Таблица 1
РЕЗУЛЬТАТЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ЧАСТОТНОЙ ЛЕКСИКИ
БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Слово	Латышский яз.		Литовский яз.		Польский яз.		Русский яз.	
	Частота	%	Частота	%	Частота	%	Частота	%
Ладонь	37	1,53	10	1,92	56	7,01	129	4,69
Голова	471	19,51	95	18,27	255	31,91	849	30,86
Корова	128	5,30	49	9,42	50	6,26	75	2,73
Ягода	97	4,02	30	5,77	5	0,63	11	0,40
Озеро	147	6,09	42	8,08	35	4,38	105	3,82
Вечер	409	16,94	89	17,12	132	16,52	385	13,99
Венок	53	2,20	2	0,38	21	2,63	10	0,36
Ворота	107	4,43	30	5,77	31	3,88	119	4,33
Столб	109	4,52	18	3,46	20	2,50	54	1,96
Ясный	206	8,53	84	16,15	80	10,01	146	5,31
Желтый	98	4,06	8	1,54	19	2,38	109	3,96
Кривой	20	0,83	4	0,77	7	0,88	28	1,02
Мягкий	92	3,81	4	0,77	8	1,00	91	3,31
Верх	172	7,13	11	2,12	8	1,00	43	1,56
Орех	38	1,57	11	2,12	7	0,88	22	0,80
Камень	230	9,53	33	6,35	65	8,14	575	20,90
	2414	100,00	520	100,00	799	100,00	2751	100,00
		%		%		%		%

По абсолютным и относительным числам видно, что в сравниваемых балто-славянских языках более высокими индексами

частот отмечены почти одни и те же слова (*голова, вечер, ясный, камень*). Тем не менее большинство примеров обладают весьма схожими статистически достоверными индексами частот. Можно предположить, что при наличии одинаковых по методике подготовки и объему словарей результаты сопоставительного анализа были бы еще ближе.

Низкочастотная лексика характеризуется аналогичными свойствами. слова во всех сопоставимых языках обозначены малыми абсолютными и относительными числами, а во многих случаях вовсе не отмечаются частотными словарями соответствующих языков (см. 2 табл.). Хотя лексикостатистические результаты данного исследования не следует абсолютизировать, все же определенные тенденции словоупотребления здесь явно просматриваются. Низкочастотная лексика, как правило, попадает в зону пассивного словаря, поэтому нередко ее образцы не всегда отражены в упомянутых словарях. Очевидно, на основании статистически достоверной выборки (не менее 1 млн. слов) можно было бы определить характеристики параметров лексической системы в целом. Результаты таких исследований важны как для языкознания, так и для прикладных целей – лингводидактики, психолингвистики, лингвотехники и т.д.

Таблица 2

РЕЗУЛЬТАТЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА НИЗКОЧАСТОТНОЙ ЛЕКСИКИ
БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Слово	Латышский яз.		Литовский яз.		Польский яз.		Русский яз.	
	Частота	%	Частота	%	Частота	%	Частота	%
Зять	9	21,43	-	0,00	6	23,08	9	13,85
Блоха	6	14,29	-	0,00	-	0,00	7	10,77
Олово	6	14,29	3	18,75	-	0,00	6	9,23
Кий	-	0,00	-	0,00	-	0,00	1	1,54
Плешивый	-	0,00	7	43,75	7	26,92	7	10,77
Пресный	7	16,67	-	0,00	-	0,00	7	10,77
Угорь	4	9,52	-	0,00	-	0,00	-	0,00
Теленок	4	9,52	-	0,00	-	0,00	9	13,85
Толока	-	0,00	2	12,50	-	0,00	1	1,54
Грязнуть	-	0,00	-	0,00	-	0,00	-	0,00
Лупить	-	0,00	2	12,50	-	0,00	7	10,77
Мять	2	4,76	2	12,50	8	30,77	6	9,23
Нырать	4	9,52	-	0,00	5	19,23	5	7,69
	42	100,00%	16	100,00%	26	100,00%	65	100,00%

Таким образом, методами лексической статистики можно определить аналогии, различия и преемственность словоупотреблений в контекстах, отражающих реалии исторической давности и современности государств.

(Для непосредственных контактов и проведения совместных исследований на основе компьютерного языкознания предлагается обращаться: Ass.Prof. Juozas Korsakas, University Šiauliai, Lithuania, P.

Višinskio 25, Šiauliai Lietuva. Phone: (012) 21 458520, 438801. Fax: +370 1 435459. E-mail: spi@siauliai.omnitel.net).

Литература

- Частотный словарь русского языка. Около 4000 слов. Под ред. Л.Н.Засориной. М., "Русский язык", 1977. — 936 с.
- Balkevičius J., Kabelka J. Latvių-lietuvių kalbų žodynas = Latviešu-lietuviešu valodu vārdnīca. Apie 42000 žodžių. Vilnius, "Mokslas", 1977.— 760 p.
- Grumadienė L., Žilinskienė V. Dažninis dabartinės rašomosios lietuvių kalbos žodynas: (mažėjančio dažnio tvarka), Vilnius, 1977. — XXXIV, 398 p.
- Kalėda A., Kalėdienė B., Niedzviecka M. Lietuvių-lenkų kalbų žodynas = Słownik litewsko-polski: Apie 50000 žodžių. Vilnius: Mokslas, 1991. — X, 557 p.
- Latviešu-krievu vārdnīca: Dīvos sējumos. Sastādījis autoru kolektīvs = Латышско-русский словарь, в 2-х томах. Ap 53000 vārdu. T.1: A–M, Izdevniecība "Liesma", Rīga, 1979. — 699 p.; T.2: N – Ž, Izdevniecība "Avots", Rīga, 1981. — 756 p.
- Latviešu valodas biežuma vārdnīca. Apvienotais (1–3) sējums. Izdevniecība "Zinātne", Rīga, 1973. — 1004 p.
- Lemchenas Ch. Rusų-lietuvių kalbų žodynas = Русско-литовский словарь. Apie 48000 žodžių. Vilnius, 1955.
- Sabaliauskas A. Lietuvių kalbos leksika / Lietuvos MA. Lietuvių kalbos inst.; Ats. red. K. Morkūnas. Vilnius, "Mokslas", 1990. — 335p.
- Słownik frekwencyjny polszczyzny współczesnej. PAN, Instytut Języka Polskiego. T. 1—2, Kraków, 1990.
- Žilinskienė V. Lietuvių kalbos dažninis žodynas. Publicistika. – Vilnius, "Mokslas", 1990. — 176 p.

Оксана КОВАЧ (KOVACS Oxbna)
(Будапешт)

Новизна и современные результаты акцентологии в свете последних исследований славянских языков.

Ряд важных открытий в области славянской акцентологии привели к созданию полной реконструкции праславянской акцентной системы (Хр. Станг, В. М. Иллич-Свитыч, В. А. Дыбо, А. А. Зализняк), что ознаменовало начало качественно нового этапа в сравнительном языкознании. В последние десятилетия были открыты основные законы построения праславянской акцентной системы, а также была прослежена акцентологическая эволюция каждой праславянской лексемы во всех славянских языках. Как оказалось акцентологические данные имеют первостепенное значение для решения проблемы славянского этногенеза, обнаруживая устойчивые параллели с археологическими данными.

С начала 80-х годов, когда В. А. Дыбо (1981 г.) был открыт закон порождения акцентных типов для производных в праславянском, славянская акцентология развивалась в двух основных направлениях.

Исследование акцентологических систем памятников древней славянской письменности. Локализация и хронологизация памятников письменности позволили удревнить на несколько веков данные акцентологического сравнения. Исследования в этой области имеют

большое значение для истории языков и истории культур, поскольку не только дают тщательные описания орфографических систем и писцовых школ, но и определяют важные культурные центры древнего славянского мира.

Исследования современных славянских акцентологических систем в первую очередь в языках с сохранившейся подвижностью акцента начали планомерно проводится особенно в последнее десятилетие. Во всех исследованиях такого рода, проведенных в рамках исторической акцентологии, помимо синхронного описания акцентологических и фонологических систем были использованы методы как внутренней так и внешней реконструкции, чем достигалась очень высокая точность анализа. Постоянно расширяющаяся база акцентологического материала позволяет не только внести уточнение в реконструкцию праславянской акцентной системы (напр., презенс глаголов с основой на шумный – О. Ковач), но и обнаружить акцентологические изоглоссы и сопоставить их с археологическими и лингвогеографическими картами. Богатый акцентологический материал предоставляет возможность проведения исследований, объясняющих характер и типологию новейших акцентологических инноваций.

Результаты исследований в области славянской акцентологии, проецируемые на “балто-славянский” уровень стимулировали аналогичные исследования в других индоевропейских и ностратических языках.

Юрий Андреевич ЛАБЫНЦЕВ
(Москва)

Литовская кирилловская письменность XIII – XV вв. в контексте кирилло-мефодиевской традиции Великого княжества Литовского

Многоязычие культур и общей культуры народов Великого княжества Литовского создавало на протяжении веков уникальную коммуникативную ситуацию в самом центре Европы.

В начальный период существования Великого княжества Литовского здесь доминировала кирилловская письменность, кирилловская литература, творцами которого были и многие литовцы из числа преимущественно представителей элитарных слоев. Некоторая часть литовцев тогда же принимает православие, постепенно формируется корпус собственной литовской кирилловской книжности, вопрос о необходимости выявления и детального изучения которой давно назрел.

По некоторым подсчетам до середины XV в. около 50 литовских князей исповедовало православие, среди них были и монашествующие, в том числе основатели православных монастырей, а князь Довмонт (Daumantas) оказался причисленным к лику святых с именем Тимофей

(20.V.1299). Хорошо известны и другие православные из числа литовцев, прежде всего три знаменитых мученика "родом Литвы" Иоанн, Антоний и Евстафий (1347).

В сохранении и развитии кирилловской письменности практически общей для всего Великого княжества Литовского вплоть до XVII столетия включительно, весьма значима роль самого государства, в котором эта письменность имела как формальные так и фактические признаки государственной.

Появление в этом литературном пространстве первой книги на литовском языке, "Катехизиса" М. Мажвидаса, прямо ориентированного на рецепцию в народной среде, то есть имевшего по сути народный характер, со всей очевидностью обозначило не только особый период в развитии литовской культуры, но и начало нового этапа в культурном развитии всего Великого княжества Литовского.

Аранка ЛАЦХАЗИ (LACZHÁZI Aranka)
(Будапешт)

О развитии юридической терминологии в литовском языке

1. Юридические термины встречаются уже в самых первых памятниках литовского языка XVI—XVII вв. (речь идет, в первую очередь, о текстах религиозного содержания), и также в т. н. западно-русском языке администрации Великого княжества Литовского. Однако, к нашему времени эти термины стали историзмами. Лишь некоторые из них — наименее специфичные — были включены в современную терминологию (*liudininkas* 'свидетель', *įstatymas* 'закон', *tiesa* 'правда, истина'; *byla* 'судебный процесс; дело', *bylinėtis* 'судиться').

2. Современная юридическая и административная терминология начала развиваться с середины XIX-го века, а ее основная часть была создана в первые десятилетия XX-го века.

В эту эпоху одновременно произошло создание норм литовского литературного языка и чрезмерное обогащение его словарного состава. Этим объясняются, с одной стороны, изначальные колебания при передаче новых содержаний средствами литовского языка.

С другой стороны, однако, более важно подчеркнуть основную черту создания литовской терминологии, а также современного литературного языка в целом: этот процесс протекал при активном участии лингвистов и также при использовании результатов зарубежного и литовского языкознания конца XIX — начала XX веков. Таким образом, неологизмы и термины, созданные в эту эпоху, в большинстве случаев оказались удачными образованиями, хорошо вписывающимися в систему литовского языка. Появление новых словообразовательных моделей ограничивается немногочисленными случаями в области терминологии.

3. Для настоящего доклада был использован материал терминологического словаря 1924-го года — справочника по нормам литературного языка, составленного ведущими литовскими лингвистами начала века —, а также лексика сборника современных законов Литовской Республики, выпущенного в начале 90-х годов.²⁶

В докладе делается попытка установить, насколько в литовской терминологии с лингвистической точки зрения отражается прежняя иноязычная традиция; какими средствами создаются эквиваленты иноязычных терминов; наблюдаются ли изменения в системе словообразования.

4. С точки зрения словообразования в изучаемом материале выделяются следующие типы.

4.1. Хотя и возникло требование заменить исконно литовскими лексемами "всё чужое", большинство интернационализмов в конце концов всё-таки осталось неизменным как в литовской лексике в целом, так и в изучаемой терминологии. В ходе морфологической адаптации интернационализмы снабжаются литовскими окончаниями. (*advokatas* 'адвокат' *juridinis* 'юридический' *ekspertas*, 'эксперт' *ekspertizė*, 'экспертиза' и т.д.).

4.2. В некоторых случаях снабжаются новым значением и терминологизируются устарелые или же диалектальные слова. Напр.: *viršininkas* 'начальник': это слово в восточно-аукштайтском диалекте обозначало "старшего пастуха", а в литературном языке предлагается им обозначать "человека, который имеет какое либо главенство над другим". Такой семантический перенос наблюдается, однако, лишь в некоторых случаях.

4.3. С помощью богатой системы деривационных суффиксов создан ряд удачных неологизмов, среди которых преобладают отглагольные имена существительные, напр.: *valdyti* 'управлять' > *valdininkas* 'чиновник'; *kratyti* 'трясти; разбрасывать' > *krata* (*daryti krata*) 'обыск' и т.д.

4.4. Далее, при создании сложных терминов появляются разные виды калькирования.

Благодаря лингвистически обоснованному развитию терминологии, из калек, возникших под влиянием разных языков, кодифицируются только те, которые могут быть включены в какую либо продуктивную словообразовательную группу литовского языка. Такими являются напр. тип имя существ. + имя существ. (*dienotvarkė* ср. нем. *Tagesordnung*, польск. *porządek dzienny*, русск. *порядок дня*); имя существ. + глагол (*darbdavys* ср. нем. *Arbeitsgeber*, русск. *работодатель*).

²⁶ Kalbos patarėjas. [Справочник по языку] red. A. Salys, Pr. Skardžius. Lietuvių kalbos draugijos leidinys. Kaunas, 1939.

Ávardai, arba terminai, priimti Terminologijos komisijos. [Названия или термины, принятые Терминологической комиссией.] Kaunas, 1924.

Lietuvos Respublikos Civilinio proceso kodeksas. Vilnius, 1997.

Как новый тип словообразования появилась, однако, модель сложных имен существительных и прилагательных с приставкой в качестве первого компонента. Изначально по этой модели образовывались только отглагольные имена существительные при сохранении конкретной локальной или темпоральной семантики приставки. В ряде новообразований эти же приставки (*virš-* 'над-, сверх', *ant-* 'над-, сверх' *po-* 'после-', *prieš-* 'пред-, до, против-') снабжаются новым, в частности отвлеченным значением.

5. Наиболее продуктивным методом образования терминов оказывается расширение семантики и терминологизация уже существующих слов и выражений, и дальнейшие дериваты от созданного термина – иногда под влиянием развития семантики данного слова в разных других языках. Напр.: *šalys* 'стороны (в процессе)'.
Сплетение этих категорий (семантического калькирования и деривации) проявляется напр. в расширении семантики и в дериватах от слова *galėti* 'мочь, быть в состоянии' > *galia* 1. 'сила, мощь, мощность', 2. 'действие, сила' > *galioti* 'действовать', *turėti galią* 'иметь силу', *igalioti* 'уполномочить'.

6. Интересное явление представляют собой те слова–новообразования, в употреблении которых наблюдается колебание родовой принадлежности. Хотя такие колебания наблюдаются и в связи с исконно литовскими словами (напр. в диалектах), в ряде случаев установление литературного выражения обозначает как раз замену первоначальной формы, совпадающей по роде с возможным образцом другого языка. Напр.: *antspauda* (ж.р.) > *antspaudas* (м.р.) 'печать'; *skunda* (ж.р.) > *skundas* (м.р.) 'жалоба'; *apskritys* (м.р.) > *apskritis* (ж.р.) 'округ'.

Ojārs LĀMS
(*Rīga*)

Ancient Lithuania and new Latvia: Lithuanian Mythologema in the Process of the Creation of Latvian National Ideology (Second Half of XIX Century)

Joint fights of Latvian and Lithuanian tribes against German crusaders made an end of cooperations between the two nations. They became isolated for several centuries.

The movement of New Latvia paid great attention to the culture and history of Lithuania. Natural interest, taken in the neighbouring country changes into interest in shared ethnic heritage. Lithuanian folklore, mythology, history favours the revival of Latvian nation.

National Romanticism can be characterized by mythological view upon shared ethnic heritage.

Latvian, Lithuanian and Prussian ethnic and mythological heritage had been equated. This equation resulted in

– expansion of the idea of geographical and historical living-space of Latvians;

– including the information on Prussian and Lithuanian history and mythology into conception of the past of Latvia;

– using the history of Lithuania as an argument against German nobility claims that they had brought culture to Baltic.

Алесь Ігаравіч ЛАЎРЭНАЎ
(Мінск)

Некаторыя фанетычныя асаблівасці беларускіх прозвішчаў

1. Выкарыстанне семіятычнага метаду аналізу антрапанімічнага матэрыялу заснавана на прызнанні знакавага характару анамастычных адзінак і сістэмнай іх арганізацыі не толькі ў межах антрапаніміі, але і ўсёй анамастычнай прасторы канкрэтнай мовы ў пэўны перыяд яе існавання. Наша задача заключаецца ў вызначэнні спосабаў моўнага выражэння (у гуках і складах) прозвішчаў жыхароў аднаго рэгіёна Рэспублікі Беларусь, а менавіта Ждановіцкага сельскага савета Мінскага раёна, па стане на 1946 год.

2. Зафіксаваныя намі прозвішчы паводле іх гукавой працягласці падзяляюцца на наступныя тыпы: а) 3 фанемы – 11 прозвішчаў, або 1,1% (Біч, Гуд, Ліс), б) 4 фанемы – 9 прозвішчаў (0,9%) (Бука, Гіро, Унук), в) 5 фанем – 110 прозвішчаў (11,5%) (Казёл, Ліхач, Сокал), г) 6 фанем – 135 прозвішчаў (14,1%) (Акуліч, Глухаў, Шабуня), д) 7 фанем – 170 прозвішчаў (17,8%) (Далецкі, Міронаў, Рудовіч), е) 8 фанем – 204 прозвішчы (21,3%) (Пятровіч, Сталяроў, Цыбульскі), ж) 9 фанем – 183 прозвішчы (19,1%) (Хмялеўскі, Чабатароў, Якушэнка), з) 10 фанем – 96 прозвішчаў (10,0%) (Амельчанкаў, Бузаноўскі, Дамашчанка), і) 11 фанем – 34 прозвішчы (3,5%) (Клімантовіч, Кульваноўскі, Петрашкевіч), й) 12 фанем – 2 прозвішчы (0,2%) (Галакціёнаў, Канстанцінаў), к) 13 фанем – 1 прозвішча (0,1%) (Александровіч), л) 15 фанем – 2 прозвішчы (0,2%) (Асядоўскі-Сітнік, Куклік-Невідовіч).

Такім чынам, у адпаведнасці з гукавой працягласцю сустракаюцца прозвішчы 12 тыпаў. Мінімальны колькасць фанем – 3, а максімальная – 15. Найбольш распаўсюджанымі з’яўляюцца антрапонімы з 8, 9, 7, 6 фанем, адзінкавымі – з 13, 15, 12, 4 і 13. Сярэдняя фанетычная працягласць прозвішчаў складае 7-8 гукаў. (7,6 гука).

3. Другой семіятычнай адзінкай мовы з’яўляецца склад. І таму досыць важна высветліць, якая колькасць складоў найбольш характэрная для беларускіх прозвішчаў. У даследуемым рэгіёне зафіксавана 17 аднаскладовых прозвішчаў (1,8%): Гук, Зуй, Хрол; 236 двускладовых (24,7%): Аўчар, Вольскі, Гусеў; 465 трохскладовых (48,6%): Бачыла,

Лядніцкі, Собалеў; 229 чатырохскладовых (23,9%): Літвіновіч, Панамароў, Пастушонак; 8 пяціскладовых (0,8%): Герасімовіч, Скарабагаты, Серафімовіч; 2 шасціскладовыя (0,2%): Асядоўскі-Сітнік, Куклік-Невідовіч.

Такім чынам, на даследуемай тэрыторыі найбольш пашыранымі з'яўляюцца трохскладовыя прозвішчы, якія складаюць амаль палову ад агульнай колькасці ўсіх антрапонімаў (48,6%). Таксама часта сустракаюцца двухскладовыя (24,7%) і чатырохскладовыя (23,9%). Аднаскладовыя, пяціскладовыя і шасціскладовыя прозвішчы адзначаюцца спарадычна.

4. Сярод 236 двухскладовых прозвішчаў 124 (52,5%) маюць націск на першым складзе (Бондар, Доўгань, Волкаў) і 112 (47,5%) – на другім, у тым ліку ў 24 – на флексіі (калі склад адкрыты – Дзяўга, Сінько, Халько) і ў 88 – на аснове (калі склад закрыты – Казёл, Карась, Чахлоў).

5. Трохскладовых прозвішчаў зафіксавана 465. сярод іх выдзяляюцца 3 акцэнталагічныя мадэлі: 1) з націскам на першым складзе – 21 прозвішча (4,5%): Собалеў, Кушнераў, Барынаў; 2) з націскам на другім складзе – 373 (80,2%): Шаркевіч, Цяслёнак, Врублеўскі; 3) з націскам на трэцім складзе – 71 (15,3%), у тым ліку 5 прозвішчаў з націскам на флексіі (Лазавы, Каляда, Валадзько) і 66 – з націскам на аснове (Баравік, Багачоў, Данілюк). Такім чынам, абсалютная большасць прозвішчаў трохскладовай будовы мае націск на другім складзе.

6. Сярод 229 прозвішчаў чатырохскладовай будовы ?аксама выдзяляюцца 3 акцэнталагічныя мадэлі: 1) з націскам на другім складзе – 10 прозвішчаў (4,3%): Майсеенка, Дамашчанка, Аверчанка; 2) з націскам на трэцім складзе – 215 (93,9%): Пружаноўскі, Каспяровіч, Дзевяцьяраў; 3) з націскам на чацвёртым складзе – 4 прозвішчы (1,7%): Баравінец, Панамароў, Чабатароў, Мішчылкоў. Антрапонімы дадзенай групы пераважна маюць націск на трэцім складзе і ўвогуле не маюць націску на першым.

7. Пяціскладовыя прозвішчы маюць 2 акцэнталагічныя мадэлі: 1) з націскам на трэцім складзе – 1 прозвішча (Аляксеенка); 2) з націскам на чацвёртым складзе – 7 прозвішчаў (Александровіч, Алексютовіч, Серафімовіч).

8. Шасціскладовыя прозвішчы паводле сваёй структуры з'яўляюцца падвойнымі. У сувязі з гэтым яны маюць два націскі і пры аналізе не ўлічваюцца.

9. Праведзенае вывучэнне акцэнталагічных асаблівасцей прозвішчаў дало наступныя статыстычныя вынікі: на першым складзе націск замацаваны ў 162 прозвішчах (17,0%), на другім – у 495 (51,8%), на трэцім – у 286 (29,9%), на чацвёртым – у 11 (1,2%). Такім чынам, можна зрабіць вывад, што ў большасці беларускіх антрапонімаў даследуемага рэгіёну націск пераважна знаходзіцца на перадапошнім складзе (76,5%).

10. Па выніках праведзенага семіятычнага аналізу адзначым, што на тэрыторыі Ждановіцкага с/с Мінскага раёна найбольш пашыранымі з'яўляюцца прозвішчы фанетычнай працягласцю ў 8 гукаў – 21,3% ад

агульнай колькасці, пры сярэдняй працягласці – 7,6 гука; паводле складовай будовы 48,6 антрапонамаў з’яўляюцца трохскладовымі; у 76,5% націск замацаваны за перадапошнім складам.

Валянціна МАРОЗ
(Будапэшт — Берасье)

Стылістыка аднаго твора

Класічная беларуская паэзія, традыцыйна апелюючы да лёса-вызначальных падзеяў ды найважнейшых нацыянальных чыннікаў, скіраваных на абуджэнне глыбінных пластоў гістарычнае памяці, выпрацавала сталую сістэму вобразаў-сімвалаў. Спектр паэтычнае сімволікі сягае ад нацыянальных святыняў — герба "Пагоня" і белчырвона-белага сцяга — да "цвятка радзімы васілька", ад абраза Маці Божае Вастрабрамскае — да слынных постацяў Афрасінні Полацкае, Францішка Скарыны, Янкі Купалы, Якуба Коласа, ад найменняў старадаўніх беларускіх цэнтраў — Полацак, Наваградак, Вільня, Менск - - да назваў вялікіх рэкаў і азёраў — Дняпро, Нёман, Прыпяць, Свіцязь.

Запачаткаванне нацыянальна-гістарычнае сімволікі ў сучаснай беларускай літаратуры звязваецца найперш з вершам Максіма Багдановіча "Пагоня":

Толькі ў сэрцы трывожным пачую
За краіну радзімую жаж,
?спомню Вострую Браню святую
І ваякаў на грозных канях.

? белай пене праносяцца коні,
Рвуцца, мкнуцца і дзіка хрыпяць.
Старадаўняй Літоўскай Пагоні
Не разбіць. не спыніць. не стрымаць!

У бязмерную даль вы ляціце,
А за вамі, прад вамі — гады.
Вы за кім у пагоню спяшыце?
Дзе шляхі вашы йдуць і куды?

Мо яны, Беларусь, панясліся
За тваімі дзяцьмі уздагон,
Што забылі цябе, адракліся,
Прадалі й аддалі у палон.

Біце ў сэрцы іх, біце мячамі!
Не давайце чужынцам быць!
Хай пачуюць, як сэрца начамі
Аб радзімай старонцы баліць.

Маці родная, Маці-Краіна!
Не усцішыцца гэтакі боль.
Ты прымі, ты прабач свайго сына,
За цябе яму ўмерці дазволь.

?сё лятуць і лятуць тыя коні,
Срэбнай збруяй далёка грымяць...
Старадаўняй Літоўскай Пагоні
Не разбіць, не спыніць, не стрымаць!

Зважаючы, што ліра-эпічны жанр патрабуе арганічнае спалучанасці лексіка-семантычных сродкаў, прасочым, як у вершы праз лагічную думку, акрэсленае пачуццё, дакладную эмоцыю фармуецца шматмерная паэтычная вобразнасць.

Скіраванасць мыслення ад згадкі пра *Вострую Брану святую* да *старадаўняй Літоўскай Пагоні* цалкам заканамерная і палягае на лагічна вывераным слоўна-паняццевым ланцужку. Найперш звяртае ўвагу тое, што *"жах за краіну радзімую"* выклікае ў паэтавым уяўленні абрысы не проста архітэктурнага помніка Вострае Браны, на франтоне якога выява герба "Пагоня", а *Вострае Браны святое*. Праз семантычна шматмернае азначэнне *святая* Багдановіч стварае вобраз беларускае святыні, якая спалучыла ў сабе дзве ўзаемаадпаведныя нацыянальныя рэліквіі: верніцкую і дзяржаўніцкую. Вострая Брама -- *святая*, бо яна бажніца-захавальніца высока ўслаўленага і нязменна шанаванага на роднай зямлі цудадзейнага абраза Маці Божае Вострабрамскае.(1) Адначасна Вострая Брама — *святая* і таму, што нясе праз які найгалоўнейшы гістарычны сімвал — герб "Пагоня", які паводле паэтычнае трактоўкі здатны суцішыць боль-жах, суцешыць у безвыходнай трывозе-смутку, даць надзею зняверанаму сэрцу на вяртанне забытае славы.

Нягледзячы на тое, што твор пісаўся на пачатку ХХ стагоддзя, калі з гістарычнае памяці інфармацыя пра Беларусь як спадкаемніцу летапіснае Літвы і Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага была ўжо часткова сцёртая, логіка развагаў Максіма Багдановіча не растлумачальна--апісальная, а разлічаная на пэўны ўзровень гістарычнага мыслення. Каб забяспечыць паступовае і бесперашкоднае ўнікненне ў сэнс і змест выказанага, паэт скарыстоўвае прыём увасаблення: успамін пра Вострую Брану святую адразу паклікаў згадку пра *"ваякаў на грозных канях"*. Вобраз гэты набывае надзвычайную мабільнасць, актыўнасць, што забяспечваецца шэрагам семантычна аб'яднаных дзеясловаў руху: *коні праносяцца, рвуцца, мкнуцца і дзіка хрыпяць, "сё лятуць і лятуць тыя коні", "мо яны, Беларусь панясліся..."* У рэфрэне ж *"Старадаўняй Літоўскай Пагоні Не разбіць, не спыніць, не стрымаць!"* дасягаецца гарманічнае зліццё-сінтэз рамантычнага вобраза імклівае конніцы-віхуры і нацыянальнага сімвала-чынніка. Тым самым паэт этымалагізуе само слова *пагоня*, узнёўляючы гістарычную першааснову беларускага нацыянальнага герба: як вядома, паводле даўняга вайсковага звычаю пераможанага праціўніка выганялі з роднае зямлі "паспалітым рушаннем" — пагоняю.

Адзначым, што наўпрост пра герб "Пагоня" ў вершы не згадваецца, але прысутнасць ягоная прачытваецца і ў рэфрэне, і ў такіх радках: *"ў белай пене праносяцца коні", "срэбнай збруяй далёка грымяць"* — геральдычная выява збройнага вершніка на ўздыбленым кані традыцыйна і нязменна бела-срэбная на чырвоным полі шчыта.

Відавочна, невыпадковае ў вершы і пашырэнне тэрміналагічнага словазлучэння *Літоўская Пагоня* азначэннем *старадаўняй*. Яно адбылося дзеля ўдакладнення гістарычнага паняцця, якое мусіць вынікаць з усяго выразу. Адаючы перавагу скарыстанаму прыметніку перад сінанімічнымі *старажытны, спрадвечны, адвечны* ды іншымі, паэт дбаў не проста пра значэнне 'стары', а пра слова з ускладненай семантыкай: 'даўні, які бярэ пачатак ад старажытнасці і які, такім чынам, звязаны з

тым, што было ў мінуўшчыне'. Атрымліваецца, што паводле Багдановічавага вызначэння дакладнае ўспрыняцце вобразнае асновы словазлучэння палягае на апераджальным імпульсе: *старадаўняя Літоўская Пагоня* — гэта ёсць чыннік *старадаўняе*, а не толькі ды і не столькі сучаснае Літвы.

Такім чынам, верш "Пагоня" бачыцца ўзорным паводле дакладнасці словаўжывання, што забяспечвае яснасць паняццяў і прагназаванасць асацыяцыяў.

Паслядоўнасць разгортвання тэмы радзімы і яе слоўнага ўвасаблення дае магчымасць пацвердзіць папярэднія назіранні пра лагічную суладнасць паэтычных моўных сродкаў. Напачатку — гэта "*радзімая краіна*" з яе сутнаснымі чыннікамі -- Востраю Брамаю і Літоўскаю Пагоняю; затым — гэта *Беларусь*: уласная назва прадывалася, несумненна, патрэбаю гістарычнае пэўнасці; надалей Максім Багдановіч зноў звяртаецца да перыфрастычных назваў з каранем *род* — *радзімая старонка, маці родная*; лагічным завяршэннем сінанімічнага шэрагу стаўся зваротак *Маці-Краіна*, у якім прыдатак *краіна* пашырае семантыку выразу да паняцця 'айчына, дзяржава'. Важна ўбачыць, што ўсе гэтыя найменні забяспечаны адпаведным кантэкстам: *ж а х за краіну радзімую* паэт чуе ў *сэрцы трывожным*; агульнаўжывальная назва *Беларусь* звязваецца праз прыналежны займеннік *свой* таксама са стылістычна нейтральным словам *дзеці*, але насланне дзеясловаў-сінонімаў *забылі, адракліся, прадалі, аддалі ў палон* дае паэту права на слова-характарыстыку *чужыныцы*; і заканамерна, што абуджаныя сэрцы ("*біце ў сэрцы іх, біце мячамі*") мусяць вярнуцца да *радзімае старонкі*. Усведамленне сваёй здрады і ахвярнае пакаянне ("*ты прымі, ты прабач свайго сына*") прадказваецца семантычнай адпаведнасцю назоўнікаў *маці--сын*, а таксама апраўданай неаднатыпнасцю дзеясловаў-выказнікаў: *не усцішыцца (боль), прымі, прабач, умёрці дазволь*. Такім чынам, зварот да *Маці-Краіны* быў падрыхтаваны суладнаю сістэмаю лексічных сродкаў і граматычных формаў.

Творчасць Максіма Багдановіча, прызнаная за класічную мадэль сучаснае беларускае паэзіі, узорная і паводле моўнай арганізацыі паэтычных шэдэўраў.

Заўвагі

1. Да сёння на Гарадзеншчыне, там, дзе Ліда. Слонім, іншыя беларускія мястэчкі ды вёскі, можна пачуць расповяд, як падчас велікоднага паломніцтва да Вільні беларускія вернікі за некалькі кілометраў становіліся на калені і такім спосабам пераадольвалі астатак шляху да Вострае Браны, каб пакланіцца святому абразу Маці Божае Вастрабрамскае.

Włodzimierz MIKISZEW
(Kraków)

"Русская мова" Литовского Статута 1588 года и виленских актов книг конца XVI века

По масштабам влияния на самые разные стороны жизни Великого княжества первопечатный Литовский Статут превосходит любую другую книгу, увидевшую здесь свет. Утверждение статutowого приоритета в какой-то мере применимо и к актовому языку того времени: "русская мова" кодекса "задавала тон" всей системе канцелярского письма. Сам статус свода законов, которыми следовало руководствоваться и на которые нужно было ссылаться, способствовал проникновению укрытых в нем языковых штампов и правил в повседневную практику.

Вместе с тем, тезис о нормализующей роли "русской мовы" Литовского Статута был бы преждевременным и голословным, если выдвигать его без попытки ответа на два вопроса: Насколько нормативным был язык самого статutowого образца? В чем отразилось "равнение" на кодекс в документах низших судебных инстанций?

Уже наиболее общий взгляд на "русскую мову" Статута и актовых книг выявляет очевидную разницу в степени четкости языковой организации текста.

Относительно высокая системность "мовы" Статута находит объяснение не только в самом унифицирующем характере кодекса, но и в его печатной – накладывающей определенные обязательства – форме, в многолетней и всесторонней обработке текста, выносимого на обсуждение "людей мудрых, а в правах беглых з народу нашого", а также в редакционной деятельности канцелярии Великого княжества. Последнее обстоятельство существенно уже потому, что вторым лицом этого государственного органа (подканцлером) был замечательный стилист Лев Сапега. В публицистическом таланте и безукоризненном языковом чутье "Великого Льва" не оставляет сомнения вводная часть Статута: написанные им "Посвящение Сигизмунду" и обращение "Ко всим станом...".

И этот-то Статут, будучи плодом кропотливой работы многих грамотнейших людей Великого княжества становится настольной книгой судебных чиновников, в той или иной мере преломлявших положения артикулов в своих служебных документах. Судебные определения, разного рода жалобы и заявления, донесения возных, а также так называемые "крепостные акты" – купчие, завещания, сделки – собирались в актовые книги. И хотя писались судебно-канцелярские бумаги писарем – лицом "грамоте умеетным" – их "мова" отличается от статutowой куда большей мерой свободы, системной "расбалансированностью". Конкретные проявления этого – проникновение на страницы документов региональных черт, изобилие вариантов на всех уровнях, смешение "западнорусской" и польской юридических письменных традиций.

Предметом настоящего выступления стали результаты анализа "русской мовы" Литовского Статута (а вернее, Статутов – трех

последовательных изданий на старобелорусском языке 1588, 1591, 1600 годов) на фоне "языка" актовых книг того же периода Виленских городских и земских судов. Выбор документов судебных инстанций столицы Великого княжества – города, где готовился к изданию и печатался кодекс – был сделан с расчетом на большую "чистоту" сравнения.

Фактор принадлежности анализируемых текстов – статута и актов – к белорусской разновидности "русской мовы" обретает дополнительную значимость именно к концу XVI века, когда канцелярский, да и в целом литературный язык княжества, различая белорусский и украинский варианты, стоит в преддверии перемещения языковой основы в сторону юго-западного наречия.

В ходе исследования проанализировано свыше 20 различных фонетико- и морфолого-графических явлений, считающихся отличительными особенностями "русской мовы". Среди них: следы отвердения шипящих, Р и Ц; перехода Е в О, Я в Е; изменения в группах согласных; развитие плавных; позиционное разграничение **а** и **я**, **ь** и **Ь**; некоторые специфические именные и глагольные формы.

Сопоставление "мовы" Статута и виленских актов обнаруживает следующую разницу:

Стилистически однородный, лишенный индивидуальных и региональных черт материал Статута выявляет в среднем 7% исключений из рассмотренных правил-характеристик "русской мовы". Актовые книги нарушают эти неписанные нормы в два-три раза чаще.

Впечатлению "абсолютной грамотности" составителей, наборщиков и справщиков Статута мешают два фактора: вариативность в написании одних и тех же слов и форм и "нарушения" канонов "простой мовы" в случаях ориентации на иноязычные лексические образцы – чаще всего старорусские или польские.

Комплекс факторов, стоящих за отклонениями от "эталонной" "русской мовы" в актовых книгах, дополнительно осложняется проявлениями фонетического принципа письма, региональными чертами и индивидуальными стилистическими особенностями переписчиков.

В отличие от Статута вариативность в каждом отдельно взятом акте проявляется весьма умеренно, но будучи сведенной из всей совокупности судебных документов, заметно превышает статутную широтой своих границ. Отличается от статутной и нормативность актовой "мовы": в судебных документах результаты действия актуальных фонетических процессов, как правило, представлены в унифицированном, опрошенном виде – без учета позиции звука в слове, зависимости от ударения и т. д.

"Пестрота" языковой картины актовых книг не дает возможности увидеть тенденций динамического развития "мовы" на таком коротком промежутке времени, как анализируемые 12 лет. (Разве что польскоязычные вкрапления ближе к концу века становятся все более частыми). Материал кодекса – сопоставление непреднамеренных ти-

пографских расхождений в изданиях 1588 и 1600 года – наглядно демонстрирует, как слабеет белорусская системность статутного языка, отклоняясь в сторону "простомовных" нормативов украинского письма.

Разница в характеристиках "русской мовы" Статута и актовых книг показывает, что кодекс, будучи сводом законов, нормализовавшим право, не смог нормализовать административного языка Великого княжества, "опоздал" с этой миссией на несколько десятилетий. Нормализации препятствовали: специфика самой тогдашней языковой нормы с ее широкой – немыслимой по меркам сегодняшнего дня – вариативностью, свободой выбора между написанием "орфографическим", "на слух" и "по традиции; а главное, динамика и интенсивность необратимых языковых процессов той поры, региональные и иноязычные воздействия, приведшие сначала к "отвратительной смеси", а потом и к закату "простой мовы".

*Павел Аляксандравіч МІХАЙЛАЎ
(Мінск)*

Некаторыя асаблівасці націску дзеясловаў у беларускіх гаворках

1. У апошнія дзесяцігоддзі даследаванні стану і развіцця розных славянскіх акцэнталагічных сістэм займаюць значнае месца ў сучаснай лінгвістычнай навуцы. Пры гэтым асабліва ўвага надаецца высвятленню шэрагу праблем славянскай гістарычнай акцэнталогіі, у прыватнасці высвятленню старажытных балта-славянскіх і індаеўрапейскіх акцэнтных сістэм (У. М. Іліч-Світыч, В. В. Колесаў, У. А. Дыбо, С. Л. Нікалаеў, А. А. Залізняк, Ю. С. Сцяпанаў, В. У. Іванаў, Е. Курыловіч, В. Р. Склярэнка, Т. Лер-Сплавінскі і інш.). Даследаванні такога характару маюць велізарнае значэнне для гісторыі моў і могуць быць выкарыстаныя пры вывучэнні розных лінгва-культуралагічных пытанняў: устанавлення культурных цэтраў славянскага Сярэдневечча (арфаграфічныя сістэмы, пісцовыя школы і г. д.), вырашэння актуальнай праблемы славянскага этнагенезу і інш.

2. Дакладнае і поўнамаштабнае вырашэнне гэтых важных лінгва-гістарычных пытанняў немагчымае без дэтальнага апісання і аналізу сучасных славянскіх акцэнтных сістэм, як літаратурных, так і, асабліва, дыялектных. Беларуская дыялектная мова, на жаль, да гэтага часу застаецца амаль недаследаванай у акцэнталагічным аспекце. Маюцца толькі асобныя публікацыі па некаторых асаблівасцях націску ў беларускіх гаворках (Я. Ф. Карскі, Ю. Ф. Мацкевіч, Я. М. Рамановіч, А. І. Чабырук і інш.).

3. У асабовых формах цяперашняга і будучага простага часу дзеясловаў I і II спражэння выдзяляецца тры тыпы націску: а) нерухом? націск на флексіі (бяру, бярэш; ляжу, ляжыш); б) нерухомы націск на аснове (стану, станеш; лажу, лажыш); в) рухомы націск:

у форме 1-ай асобы адзіночнага ліку націск на флексіі, у астатных асабовых формах – на аснове (палю, полеш; ганю, гонім).

4. Перамяшчэнне націску на флексію назіраецца таксама ў асабовых формах множнага ліку цяперашняга часу дзеясловаў з нерухомым націскам на канчатку: а) у 1-ай асобе дзеясловаў II спражэння ляжымо, сядзімо; б) у 2-ой асобе дзеясловаў I і II спражэнняў несяце (-цё), весяце (-цё).

5. Шэраг дзеясловаў ужываюцца ў беларускіх гаворках з рознамясцовым націскам, што сведчыць пра разнастайныя фанетычныя змены, якія адбыліся на працягу значнага гістарычнага перыяду. Так, паралельна ў беларускіх гаворках пашыраны форм? з націскам як на корані, так і на флексіі: краду, крадзеш – краду, крадзеш; пяю, пяеш – пею, пееш; лячу, лячыш – лечу, лечыш і інш.

6. Пры агульным пераважанні формаў з каранёвым націскам адзначаецца шэраг рэгіянальных (лакальных) асаблівасцяў: заходне-палескія гаворкі (лечу, летіш; могу, можаш); паўночны ўсход Беларусі (роблю, вішу, вісіш; беру, берыш); ва ўсходнім Палессі (гоню, гоніш) і інш.

7. Шэраг дзеясловаў з пераважаннем у беларускіх гаворках рознамясцовага націску ва ўсходнебеларускіх гаворках ужываюцца толькі з націскам на флексіі: не паймеш, паймець, вазьмець; пайдучь, вазьмуць, ён гаварыць і інш.

8. Многія дзеясловы змяняюць месца націску пры далучэнні да іх прыставак: заростае, пывырастае; прыходжу; продаю, продаеш і г. д.

Daina NĪTĪŅA
(*Rīga*)

Pārmaiņu laika atspulgi latviešu valodā (1988–1998)

1. Nacionāli patriotiska leksika, jūsmas un patosa pārpilna izteiksme, svinīgi cildenais stils ir raksturīga atmodas laika, dēvēta par dziesmoto revolūciju, iezīme, tāda laika zīmes, kad protesta un cerības vārdi “brīvība”, “neatkarība”, “Latvija”, “Latvijas Tautas fronte” (LTF), “garīgā pretošanās” radīja emocionālu eksploziju, vētras efektu: Latvija, cik skaists ir tavs vārds! (1988) Būsim vienoti Latvijai!

2. Eiforiski idilliskais noskaņojums, mesiānisma gars sasaucas ar LTF programmatisko dokumentu deklarātīvi direktīvo stilu, kurā prevalē, piemēram, tādi verbi kā “uzskata”, “atbalsta”, “pieprasa”, “prasa”, “aicina”. Tā, LTF pieprasa, lai valsts visiem republikas iedzīvotājiem nodrošina cilvēka cienīgu dzīvi.

3. Solīti pa solītim politika 80. gadu beigās realizējas kā piesardzība vārdu izvēlē un nominācijā, piemēram, 1988.g., kad notikums bija pati

uzdrīkstēšanās runāt, tiek diskutēts par samilzušām, sasāpējušām problēmām, par problēmu sastrēgumu, tiek nosodīti nuklusējumi, puspatiesības, baltie plankumi un pusperestroika. Ja 80. gadu beigās atmodu atbalstītāji komunisti tiek dēvēti par gaišajiem, progresēvajiem spēkiem, nacionālkomunistiem, reformkomunistiem, tad jau 90. gadu vidū aizvien uzstājīgākas kļūst balsis, kas iestājas par dekolonizāciju, dekomunizāciju un latviskas Latvijas atjaunošanu.

4. Saskaņā ar realitāti idilliski jūsmīgais noskaņojums un atbilstošs izteiksmes veids latviešu valodā pakāpeniski zūd, jo skaļo vārdu un lozungu laiks ir garāms. Taču dažas partijas un politiķi, piemēram, Latvijas Ceļš (LC), vēl līdz 1997.g. turas pie paaugstināta stila, pie virtuālās realitātes uzturēšanas: Mēs zinām ceļu. Ar paceltu galvu un latvisku stāju iesim kopā Latvijas ceļu! (LC, 1993) Esam pierādījuši, ka protam strādāt! (LC, 1997)

Realitāte un tautas noskaņojums liek mainīt nostāju, un arī LC nākas atteikties no pašslavināšanās, no ekonomiskās augšupējas vīzijas cildināšanas un izvēlēties citus vārdus un saukļus: Mē piesakām karu trūkumam (LC kongress, 1997). Ekonomikas un saimnieciskās dzīves prasības liek LC izvēlēties par galvenajiem vārdus: pieredze un profesionalitāte. Tām atbilst un līdz ar to gūst panākumus vēlēšanās demokrātiskā partijā ar nosaukumu "Saimnieks" un sauklis: Esi saimnieks savā sētā, novadā, valstī! (1995)

5. Pretstatā pozitīvajam uzlādējumam pastāv negatīvā valodiskā izlādēšanās, kas politikā un propagandā ir kontrasta metodes un bipolārā paņēmiena realizēšana nikniem, nosodījuma pilniem epitetiem. Tā, tautas dusmas atmodas laikā apveltī PSRS šādiem vārdiem: bezkaunīga kundzība, laupītājiideoloģija, urbanizācijas gigantomānija, nedabiskā, baigā industrializācija.

90. gados nopelnums un sašutums pakāpeniski vēršas pret pašu valsts negācijām, neizdarībām, piem., rodas apzīmējums "elkoņu brīvība". Situāciju un depresīvu noskaņojumu sabiedrībā raksturo šādu vārdu izmantošana: skandāls, nelikumības, haoss, nejēdzība, blēdības, rekets, jezga, izsaimniekošana, piesavināšanās, krāpšana. Gan turīgo augstprātību, gan Latvijas sabiedrības daļas bēdīgo stāvokli apliecina apzīmējumi: mazais cilvēks, reņģu ēdāji, maznodrošinātie, trūkcietēji, trūcīgie, mazaizsargātie, mazturīgie, humpalas.

Latvijā parādās politiķi, politiskie spēki, kuru galvenais cīņas paņēmiens ir terors un agresija vārdos, politisko pretinieku nomelošana, apvainošana, noķengāšana, piemēram, J. Zīgerista paziņojums, ka 80% Latvijas politiķu ir bandīti.

Vispārējā noskaņā iederas A. Šķēles, bijušā premjera, stingrā, atmaskojošā nostāja un raupjais, negatīvi kāpinātais izteiksmes veids: nabadzība un zagšana, nekompetence, korupcija un izvirtuši morāle, viltus

reformas, graužoša šoka terapija, iekšēji satrunējusī politiskā elite, tās patroni un minhauzeni, nejdzības, augstprātīga pašapmierinātība.

6. Pārmaiņu laiks Latvijā izpaužas kā jēdzienu “politika” un “politiķi” izpratnes dinamika, to vērtējuma maiņas atspoguļošanās latviešu valodā. Atmosferas laika, proti, 80. gadu beigu politiķi, LTF ideologi tiek uztverti un izteikti valodā kā tautas varoņi, īsti valstsvīri, piemēram, nosaukti vārdos: gaišie prāti, gaišo domu generatori.

90. gadu beigās attieksme pret politiķiem gluži pretēji ir negatīva. To apliecina šādu vārdu izvēle: tagadējie nobarotie politikāniskie nacionālradikāļi (1996), augstākās klases demagogs, parlamenta darboņi, politiskie nelieši, politiskie vājinieki, krēslu politiķi, politiskais tirgus, politiskais cirks, politisko spēļu nams, negodīgums, lielkulība.

7. Attieksmes paušana realizējas nominācijā vai nosaukuma maiņā, to dažādošanā un izraudzītajos epitetos: sarkanie baroni, ekssovjeti, ekskomunisti, politiskie darboņi, lokomotīvu un haizivju vilktās partijas. Piemēram, ES pretinieki pretēji Eiropiekritējiem tiek dēvēti par provinciāliem, tuvredzīgiem un atpalikušiem.

8. Sarežģītā nacionālā situācija Latvijā, nacionālās un valodiskās attiecības ir novads, ko atšķirīgi, pat diametriāli pretēji vērtē, uzlādē un apzīmē dažādi politiskie spēki, dažādi politiskie ideologi, sal. piem.: pamatturība, pamatnācija, citnacionālie (nelatviskie) iedzīvotāji, krievu valodā runājošie, krievvalodīgie, nelatviešu tautības iedzīvotāji, atbraucēji, nelegālie imigranti, migranti, kolonisti, civilokupanti. Par to liecina vārdi un apgalvojumi, kas nonāk konkurencē vai pat pretrunā: Latvija ir mūsu kopējās mājās (Latvijas tautu forums), Latviju latviešiem (TB/LNNK).

9. Gan dzīves skarbums, gan realitāte, gan demokratizācijas procesi veicina sarunvalodas un vienkāršrunas vārdu izplatīšanos politikas un propagandas valodā. 90. gadu otrajā pusē pastiprinās humoristiskā, ironiskā un satīriskā stila iezīmes masu mediju valodā, kas saistās kā ar vārdu aktualizāciju pretējā–antonīmiskā nozīmē (mūsu valsts varenie, nācijas glābēji), tā ar vārda tēla vai frazeoloģizmu deformāciju, poētismu un folklorismu lietošanu ironiskā nozīmē: Mēs rejam, Būtiņģes karavāna iet tālāk; latvju valstsvīri, nerentāblie pensionāri.

Мікола НОВІК
(Брэст)

Прафесійна-вытворчая лексіка ў Статуце Вялікага княства Літоўскага 1588 года

Пытанне пра фарміраванне старажытнабеларускай лексічнай сістэмы з'яўляецца адным з найбольш важных у беларускім мовазнаўстве. Таму заканамерна вынікае зацікаўленасць даследчыкаў шматлікімі помнікамі канцылярска-юрыдычнага пісьменства, у першую чаргу XVI ст. Статут ВКЛ 1588 г. дае багаты матэрыял для вывучэння гістарычнай лексікі беларускай мовы, яе разнастайных прадметна-тэматычных разрадаў. У ім адлюстравана не толькі юрыдычная лексіка, але і ваенная, канцылярская, лексіка, звязаная з лічэннем і вымярэннем, рэлігійным жыццём, навукай і мастацтвам.

Надзвычай багатым лексічным матэрыялам вызначаецца прадметна-тэматычны разрад, які характарызуе разнастайныя эканамічныя, вытворчыя і прафесійныя ўзаемадачынненні. Найбольш разнастайна прадстаўлена лексіка-семантычная група, што адлюстроўвае шматлікія бакі сельскагаспадарчага жыцця: паляводства, жывёлагадоўлі, садоўніцтва і агародніцтва.

З агульным значэннем 'зямля, грунт' ужываюцца лексемы **земля** < праслав. *zem-ja* (ЭСБМ, III, 359) і **грунт?** < польск. *grunt* '??' < ням. *Grund* (ЭСБМ, III, 108). Спалучэнні **земля лесная** 'лясная зямля', **земля дворная** 'зямля дваровая', **земля погною** 'угноеная зямля', **земля пашная** 'ворыва', **земля пустовская** 'пустэча, пустка', **земля суместная** 'цераспалосная зямля' канкрэтызуюць віды зямельных надзелаў паводле іх уробленасці і тэхналогіі апрацоўкі. Сюды ж адносяцца намінацыі **волока** 'невялікае поле' < праслав. *volk?* (ЭСБМ, II, 42); **нива** 'участак зямлі, ралля' < праслав. *niva* (ЭСБМ, VIII, 24); **новина** 'новае поле' < новы < праслав. *nov?-j?* (ЭСБМ, VIII, 39); **пашня** 'ворыва' < усходнеслав., праслав. *пахати+ ?n'a* (ЭСБМ, VIII, 261); **поле** 'поле' < праслав. *pel-* 'шэры, светлы' (Ф, III, 308); **пустов???? (пустов?ы??)** 'неапрацаваны кавалак зямлі' < праслав. *pust?* (Ф, III, 411).

Для абазначэння разнастайных спосабаў падзелу зямельных уладанняў ужываюцца лексемы **граница** 'мяжа' < праслав. *granica*, вытворнае ад *gran?* 'вугал, насечка, грань'. Апошняя паходзіць з праформы *ghrō-n-* (ЭСБМ, III, 106); **знамя** 'знак' < знаць < праслав. *z?n-* (Ф, II, 100); **копець** 'насып са слупам як межавы знак' < праслав. *kop?c?* 'насып, куча, узгорак' – памяншальнае ад *kop?* < *kopati* 'капаць' (ЭСБМ, IV, 249); **межа** 'вузкая палоска зямлі паміж двума палеткамі' < праслав. *medja* (ЭСБМ, VII, 133).

Шырока адлюстраваныя лексемы, што называюць разнастайныя сельска-гаспадарчыя культуры: **гречиха** 'грэчка' < усх.-слав. утварэнне

ад праслав. *gr?k?* (ЭСБМ, III, 110); **жыто** 'жыта' < праслав. *zito* 'злакавая разліна; збожжа; ежа з зерня' (ЭСБМ, III, 266); **збож?е** 'хлебныя расліны; зерне' < праслав. дыял. *s?boz??e* адцягнены назоўнік ад прыметніка *s?bog?* (ЭСБМ, III, 315); **колос?** 'суквецце злакаў, суквецце з пладамі, насеннем гэтых раслін' < праслав. *kols?* (ЭСБМ, V, 92); **конопли** 'расліна *Cannabis sativa* L., каноплі' < праслав. *konopja, konop(j)?* (ЭСБМ, IV, 239); **лен?** 'валакніста-алейная расліна *Linum usitatissimum* L.' < праслав. *l?n?* (ЭСБМ, V, 300); **овес?** 'авёс' < праслав., магчыма з *avigsna* (Ф, III, 417); **оркиш?** 'полба – адзін з відаў пшаніцы' < звычайна тлумачыцца з тат. *urkuš* '??' (Ф, III, 153); **пшеница** 'пшаніца' < пшано < праслав. *p?šen?* 'растоўчаны' ад *p?xati* 'таўчы' (Ф, III, 417; **семя** 'семя' < праслав. *seme* (Ф, III, 600); **ярына (ярица)** 'яравы хлеб' < яра 'вясна' < праслав. *jar?* (Ф, IV, 560); **ячмень** 'ячмень' < праслав. *jes?tu*, род. скл. *jes?mene* (Ф, IV, 571).

Знаходзяць сваё адлюстраванне ў Статуце дзеясловы і аддзеяслоўныя ўтварэнны, што характарызуюць асноўныя віды земляробчай працы: **жать (пожать, жатый)** 'жаць (пажаць, зжаты)' < праслав. *zeti, z?na* 'тс' (ЭСБМ, III, 223); **косить (кошенье, кошоный)** 'касіць (касьба, кошаны)' < праслав. *kositi* вытворанае ад *kosa* (ЭСБМ, IV, 294); **орать (заорать, переорать, подорывать, переоранье)** 'араць (заараць, пераараць, падорваць, пераворванне)' < праслав. *ar(?)* 'араць' ці *er?* 'раздзяляць' (першасна 'раздзяляць землю') (ЭСБМ, I, 144); **сеять (посеять, засеяный, засеянье, сеянье)** 'сеяць (пасеяць, засеяны, засяванне, сяўба)' < праслав. *seti, sejo* (Ф, III, 615).

Разнастайна прадстаўлены намінацыі, звязаныя з садоўніцтвам і агародніцтвам. З агульным значэннем 'садавіна; гародніна' ўжываюцца лексемы **овоц?, ово??**. Адна з іх, мяркуючы па наяўнасці '-?', запазычана з цслав. (Ф, III, 115), другая – з польск. *owoc*.

Да гэтай прадметна-тэматычнай групы адносяцца найменні **загорода** 'агарод' < гарадзіць < праслав. *gorditi* 'будаваць, гарадзіць, ствараць і да т. п.' ад *gord?* 'горад і да т. п.' (Ф, III, 54); **насенье** 'насенне' < польск. *nasenie* (ЭСБМ, VII, 252); **сад?** 'сад' < праслав. *sad?* 'пасадка' ад садзіць, сядзець, сесці (Ф, III, 544); **???? (дерево при?епеное)** 'прышчэпленая расліна' < праслав. *šcep-* (Ф, IV, 503).

Надзвычай разнастайная лексіка, што канкрэтызуе назвы агародных культур: **боб?** 'боб' < праслав. *bob?* (ЭСБМ, I, 366); **горох?** 'гарох' < праслав. *gorx?* '??' да і.-е. *ghorso* (ЭСБМ, III, 64); **капуста** 'агародная расліна *Brassica oleracea* L.' < с.-лац. *compos(i)ta* '(змешаная, складзеная) кансервавая, кіслая капуста' (ЭСБМ, IV, 256); **мак?** 'мак, *Rapaver* L.' < праслав. *tak?* (ЭСБМ, VI, 169); **морква** 'агародная культура *Daucus sativus* Poel.' < праслав. *m?rky* (родю скл. *m?rk?ve*) (ЭСБМ, VII, 70); **огурок?** 'агурок' < ст.-грэч. *ἀγούρος* (ЭСБМ, I, 77); **редка** 'рэдка' < праслав. *r?d?ky* (Ф, III, 460); **репа** 'рэпа' < магчыма, старажытны блукаючы культурны тэрмін невядомага паходжання (Ф, III, 417); **свекла** 'бурак' < грэч. *σευχλον* (Ф, III, 517); **сочивица** 'сачавіца' < праслав.

socevica (Ф, IV, 355); **пастернак?** 'пастэрнак' < чераз польск. з ням. *Pasternak* ад лац. *pastināca* (Ф, III, 213); **просо** 'проса' < магчыма, проса, першапач. 'плямістае, стракатае', звязана з грэч. *περχνος* 'стракаты' (Ф, III, 378); **хмель?** 'хмель' < праслав. *x?mel?* (Ф, IV, 249); **чеснок?** 'часнок' < праслав. *cesn?*, збліжаецца з *cesati* (Ф, IV, 350).

Не саступае ў колькасных адносінах вышэйразгледжанаму разраду лексіка, звязаная з жывёлагадоўляй. Усяго толькі чатырнаццаць лексем маюць агульнае значэнне: **быдло** 'быдла' < польск. *bydlo* '??' (ЭСБМ, I, 431); **живность** 'дробная свойская жывёла' < жыць; **???????** 'аднагадовая свойская жывёла' < праслав. *oln?šcak?* 'жывёла, якая нарадзілася ў мінулым годзе' (ЭСБМ, V, 228); **?????** 'непрывучаны да вупражы (пра каня і пад.)' < вучыць, праслав. *-uk* 'вучыцца, навука' (ЭСБМ, VII, 300); **паша** 'паша' < пасу, пасвіць, першапач. *pāsiā* (Ф, III, 223); **??????** 'пяцігадовая жывёла' < пяты, праслав. *pet?* (Ф, III, 426); **?????** 'птушка' < праслав. *p?ta* '??' (Ф, III, 398); **сено** 'сена' < этымалогія спрэчная (Ф, IV, 601); **сеножать** 'сенажаць' < сена і жаць < праслав. *zeti, z?na* (ЭСБМ, III, 223); **скопец?** 'кастрыраваная жывёла' < разам з *skap-* існуе форма *skabh-*, а таксама *skaph-* (ЭСБМ, III, 650); **стадо** 'статак' < праслав. *sta-* 'стаяць' (Ф, III, 743); **травить** 'таптаць (лугі, палі), з'ядаць пасевы; рабіць патраву' < этымалогія спрэчная (Ф, IV, 92); **третяк?** (**третьачка**) 'трохгадовая жывёла' < трэці, праслав. *tret?j?* (Ф, IV, 101); **четвертак?** 'чатырохгадовая жывёла' < чацверты, праслав. *cetv?rt?* (Ф, IV, 352).

Велмі шырока прадстаўлены лексемы, якія канкрэтызуюць назвы разнастайных свойскіх жывёл: **баран?** 'баран' < праслав. форма няясная (*boran?*, *beran?*, *baran??*) (ЭСБМ, I, 308); **бык?** 'бык' < праслав. *byk?* (ЭСБМ, I, 431); **вепр?** 'кабан' < праслав. *vepr?* 'вяпрук' (ЭСБМ, II, 83); **вол?** 'вол' < *vol?* (ЭСБМ, II, 186); **жеребя** 'жарабя' < праслав. *zerbe* (ЭСБМ, III, 211); **жеребец?** 'жарабец' < гл. жарабя; **каплун?** 'пакладаны певень' < ст.-польск. *kaplun* '??' (і *kaplon*), якое пры пасярэдніцтве ст.-чэш. *kapun* – з с.-в.-ням. *kappun* '??' < нар.-лац. *cappōne(m)* < *capo* '??', 'малады пеўнік; малакасос' (ЭСБМ, IV, 252); **кляча** 'худы заезджаны конь' < праслав. *klekja*, якое ад *klekati* 'згінацца' (ЭСБМ, V, 80); **кнороз?** 'самец свінні, кныр' < праслав. *k?rnorz?* ад *k?rn?* 'абрэзаны' і *orz?* 'ядро' (ЭСБМ, V, 85); **кур?** 'певень' < праслав. *kur?* (ЭСБМ, V, 164); **курыца** (**курица**) 'свойская птушка; самка пеўня' < *кур?*; **коза** 'самка казла' < праслав. *koza* (ЭСБМ, IV, 46); **кобыла** 'самка каня' < праслав. *kobyła* '??' (ЭСБМ, IV, 12); **козел?** 'жывёла, самец казы' < праслав. *koz?l?* < *koza* (ЭСБМ, IV, 72); **козень** 'дзіцяня казы' < каза; **конь** 'буйная свойская аднакапытная жывёла' < праслав. *kon?* (ЭСБМ, V, 96); **корова** 'карова' < праслав. *korva* (ЭСБМ, IV, 274); **котка** 'кошка' < кот < культурнае запазычанне з лац. *cattus* '??' (ЭСБМ, V, 103); **овца** 'авечка' < праслав. *ov?ca* з *ov?kā* (ЭСБМ, I, 209); **петух?** 'певень', першапачаткова 'спявак' < пець (Ф, III, 253); **подсвинок?** 'падсвінак' < свіння; **поросся** 'дзіцяня свінні' < праслав. *porse, -ete* (ЭСБМ, VIII, 162); **сверепа** 'кабыла' < польск. *swierzepa* '??' (Ф, III, 580); **свинья** 'свіння' < першапачаткова,

магчыма, *svini* – утварэнне ж. роду ад *svin?* (Ф, III, 579); **телица** 'цялушка; маладая карова' < цяля; **теля** 'цяля' < праслав. *tele*, род. скл. *telete* (Ф, IV, 38); **ягне** 'ягня' < праслав. *agne, agn?c?* (Ф, IV, 544); **яловица** 'карова, якая не целіцца' < этымалогія спрэчная (Ф, IV, 554).

Як бачым, большасць намінацый разгледжанай прадметна-тэматычнай групы – лексемы агульнаславянскага паходжання (напр., **земля, копец?, вепр?, кур?**). Толькі невялікую колькасць складаюць запазычанні (напр., **мысливство, овоц?, оркиш?**).

Скарачэнні

Ф. – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I-IV. М., 1964-1973.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы, т. I-VIII. Мн., 1978-1993.

Kazimiera PASTUSIAK
(*Warszawa*)

Nazwy głównych świąt cyklu wiosennego i zimowego na Białostocczyźnie

Przedmiotem moich rozważań są używane na Białostocczyźnie nazwy głównych świąt cyklu wiosennego, to znaczy Niedzieli Palmowej i Wielkanocy oraz zimowego czyli Bożego Narodzenia, a także zwyczajów z nimi związanych: farbowaniem jaj na Wielkanoc, chodzeniem po domach grupy osób ze śpiewem w drugi dzień świąt Wielkiej Nocy i spożywania wieczerzy wigilijnej rozpoczynającej świętowanie Bożego Narodzenia.

Bazą materiałową mojego artykułu jest kartoteka do "Atlasu gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny", która znajduje się w Pracowni Języka Białoruskiego w Instytucie Sławiistyki PAN w Warszawie.

Białostocczyzna – obszar w północno-wschodniej Polsce, leżący między Kanałem Augustowskim na północy a rzeką Bug na południu przy granicy państwowej z Białorusią. Jest to teren zróżnicowany pod względem językowym, etnicznym, religijnym i kulturowym, dlatego też stanowi interesujące pole badań. Obok Polaków mieszkają tu Białorusini, a ludność często jest dwujęzyczna.

Poprzez analizę materiału chcę pokazać zróżnicowanie leksykalne, fonetyczne i słowotwórcze leksemów, określić częstość ich występowania, wyznaczyć granice ich zasięgów oraz zwrócić uwagę na liczne nawiązania do sąsiednich gwar białoruskich, ukraińskich czy polskich.

Zwyczaje związane z obchodem Świąt Wielkiej Nocy rozpoczynają się od Niedzieli Palmowej. Najczęściej notowaną nazwą, używaną jako określenie tego święta jest *v'erbńica* (i jej warianty fonetyczne i leksykalne *v'erbńica, v'erbna, v'erbna, i'erbna*). Występuje ona na całym opisywanym terenie. Pozostałe określenia *v'erbna níz''ela* (*v'erb'abna níz''ela, i'erbna níz''ela*), *palm'ova níz''ela, kv'etna níz''ela* (*kv'etnaia*) wstępują rzadko i

w rozproszeniu. W kilku miejscowościach człon *niz''ela* został pominięty, a używana jest tylko forma określająca *v'erbna, kv'etna*.

Tydzień po Niedzieli Palmowej następuje Wielkanoc, święto nazywane na Białostocczyźnie *vel'igzeń (vel'ihdeń, vel'ikz'eń, vel'ikodńe), velk'anoc (valk'anoc)* i *p'asxa (p'aska)*. Nazwa *vel'igzeń* nawiązująca do literackiej formy białoruskiej i ukraińskiej występuje najczęściej, *velkanoc* notowana jest na mniejszym terytorium, natomiast trzecia z nazw *p'asxa (p'aska)* wywodząca się z hebr. *pesach*, zaledwie w trzech miejscowościach, obocznie z innymi nazwami.

Ważną rolę w obrzędach wielkanocnych odgrywają pisanki. Zwyczaj malowania jaj znany jest w wielu krajach Europy i poza nią, tutaj łączy się on głównie z Wielkanocą. Na Białostocczyźnie występuje kilka odmian barwionych jaj o różnych nazwach. Najczęściej spotyka się *valač'onno, voloč'ebne*. Nazwa znana jest na całym obszarze i pochodzi od dosyć powszechnego na tym terenie zwyczaju chodzenia podczas świąt po domach grupy osób ze śpiewem i życzeniami, a ze strony gospodarzy obdarowywania ich datkami w postaci jaj lub innych produktów spożywczych. Powyższą formę w znaczeniu 'pisanki' poświadczają nieliczne zapisy z gwar białoruskich z Grodzieńszczyzny i polskich z Mazowsza. Pozostałe nazwy *p'is'ank'i (p''iski), malov'anki, i'aika kr'ašeny* związane są ze sposobem ozdabiania jaj i pochodzą od czynności *писаць, malować, krasić*. Są powszechne w gwarach polskich, natomiast na Białostocczyźnie występują rzadko i w rozproszeniu, a zarazem obocznie z innymi nazwami.

W drugi dzień Wielkiej Nocy występuje jedynie w tej części Polski popularny zwyczaj "chodzenia po domach ze śpiewem" (wspomniany wcześniej przy omawianiu nazw pisanek). Ci, którzy *x'oz'ac' (x'od'at), voł'kaiut, śp'ev'aiuc'* nazywani są *valak'al'niki, voloč'ebnik'i, s'p'evak''e* a na czynność, którą wykonują mówi się tutaj po prostu *vał'okac', hał'okac', s'p''evac'*. W innych regionach Polski owo chodzenie "po domach" łączyło się głównie z oblewaniem wodą i zbieraniem datków.

W zakresie nazw świąt należących do zimowego cyklu uwidacznia się podział na trzy obszary językowe o bardzo wyraźnych zasięgach geograficznych. Obchody świąt Bożego Narodzenia, zwanych *k'olady, b'oże naroz'eńe, ruzdv'o*, zapoczątkowuje zwyczaj spożywania wierzcherzy wigilijnej. Wśród nazw określających wieczerzę wigilijną największy obszar zajmuje nazwa *v'il'eia*. Pozostałe leksemy *kol'ada* i *kuc''a* tworzą mniejsze skupiska. *Kol'ada* notowana jest głównie w południowej i nielicznie środkowej części zaś *kuc''a* znana jest na niewielkim terytorium, wzdłuż granicy z Białorusią i występuje obocznie z formą *v'il'eia*.

Omówiona grupa nazw stanowi bardzo interesujące pole badań, dlatego też zasługuje na uwagę językoznawców i bardziej szczegółowy opis.

PÁTROVICS Péter
(*Budapest*)

**Итеративность и выражение повторяемости в прошлом
в русском, украинском и польском языках**

- а, итеративность как категория
б, итеративность на славянском плане (формальные средства выражения)
в, итеративные глаголы в русском, украинском и польском языках. Их функционирование.
г, способы выражения повторяемости в прошлом. Сходства и различия.

Ryszard RADZIK
(*Lublin*)

**Языки Бiałorusi в XIX-XX wieku (белоруски, польски, росыјски) —
эволюция их функций и изменчивость отношений**

Предметом анализа будут в реферате три основные проблемы. По pierwsze, вопросы связанные с появлением в Европе Средне-Восточной народности в опоре на критерии этноязыковые и результаты этого для развития процессов национальных (в их измерении языковом) на территории Бiałorusи. По второе, эволюция функций, которые выполнял язык белорусский в последние столетия. По третье, изменчивость отношений в этом периоде между языком белорусским, польским и росыјским; ликвидация польщины на rzecz языка росыјского.

1/ Фактором конституирующим народы в Европе Средне-Восточной был главным образом язык, в противоположность к ценности политических создающих общности национальные на западе континента. Причиной этого состояния вещей было несколько. Среди них упомянуть следует: а/ раскол двух великих организмов государственных в нашей части континента, Венгрии и Польши (в которых формировались - по западному образцу - народы политические); б/ невозможность распространения на этой территории идеологии демократической, свободной, создающей с жителями этих земель равных себе граждан; в/ отсрочка образования классов плебейских. В периоде, в котором польщичьяны крестьяне не могли быть подвержены массовым процессам образования - чего основным условием было их обладание - возникли отсылающиеся к их этноязыковой самобытности движения национальные, сформировались национальные идеологии опирающиеся на легко уловимые самобытности языковые. Словацкий (литовский) крестьянин мадяризируя (полонизируя) себя должен был отойти от своего языка на rzecz венгерского (польского), при этом в процессе осознания им, что сутью нации является именно язык. Отходя от своего выполнял роль культуры в измерении национальном. Сдерживало это полонизацию и мадяризацию (а также росыјфикацию и германизацию) народных масс этноязыковых. Проблема эта не выступала при исключительно

politycznym rozumieniu narodu. Szereg przyczyn złożyło się na to, że na Białorusi proces narodowej emancypacji języka białoruskiego przebiegał bardzo wolno.

2/ W wieku XIX język białoruski był mową ludowych mas, głównie mieszkańców wsi i małych miasteczek. Elity mówiły po polsku, z czasem coraz częściej po rosyjsku. Miasta były żydowsko-polsko-rosyjskie. Lud białoruski swój język odbierał raczej w kategoriach użytkowych, a nie ideologicznych. Traktował go jako język “prosty”, chłopski, nie nadający się do wyrażania wzniosłych uczuć, posługiwania się nim w towarzystwie ludzi kulturalnych, niegodny druku. Uważał białoruszczyznę za środek porozumiewania się, element kultury etnicznej, a nie za wartość samą w sobie, narodową, o wyraźnie ideologicznym charakterze, angażującą silne emocje. Przywiązanie chłopca do języka wynikało z odbierania go w kategorii swojskości — jako jednego ze ściśle powiązanych ze sobą elementów bliskiego mu świata, w którym żył na co dzień. W tym języku myślał, oceniał otaczający go świat, nazywał go, ale jak pokazała przyszłość — gotów był bez zbyt silnych nacisków z zewnątrz zrezygnować z niego w procesie awansu społecznego, za który uważano również przejście do miasta.

Taki stosunek do własnej mowy został w znacznym stopniu przeniesiony w wiek XX. Przyczyną tego było niedopuszczenie przez władze carskie a następnie sowieckie (pomijając krótki okres tzw. *białorusinizacji* w latach 20-tych) do trwałego wykształcenia się licznych białoruskich elit narodowych, atrakcyjnej dla mas białoruskiej kultury elitarniej. Władze sowieckie utożsamiały białoruskość z chłopskością, zachowały ją w formie fragmentarycznej, głównie folklorystyczno-etnograficznej. Na uniwersytetach język białoruski ograniczono głównie do badań dialektologicznych, ludoznawczych, białoruskiego literaturoznawstwa. Tak rozumiana białoruskość nie mogła być atrakcyjna dla awansujących przedstawicieli ludu. Mimo, iż język białoruski jest dzisiaj praktycznie wyłącznie mową mieszkańców wsi i bardzo nielicznych grup inteligencji, to co dziś jest najbardziej twórcze, oryginalne, najwartościowsze w tutejszej kulturze, literaturze — powstaje głównie w tym języku. Białoruski, jako język narodowych elit odbierany jest przez nie jako język twórczego nonkonformizmu, nośnik emocji wiążących dzisiejszą Białoruś z przeszłością, czego nie jest w stanie zapewnić panujący powszechnie w miastach rosyjski.

3/ Język polski powszechnie obecny na Białorusi na poziomie elit do I wojny światowej (a także w II RP), był na tyle silnie zakorzeniony w tamtejszym społeczeństwie, że powstała w nim na tym obszarze nie tylko bogata literatura polska, ale twórcami XIX—wiecznej literatury białoruskiej byli prawie wyłącznie przedstawiciele polskojęzycznej (katolickiej) szlachty. Rosyjski jest językiem obecnym na Białorusi od dwustu lat, ale przyjętym powszechnie przez żyjących w miastach Białorusinów właściwie dopiero w ZSRS. Na Białorusi sowieckiej przejście od języka białoruskiego do rosyjskiego odbywało się na płaszczyźnie pozanarodowej. Zarówno białoruszczyzna miejscowych chłopów, jak i rosyjski przyswajany przez mieszkańców rozrastających się szybko miast nie były odbierane jako nośniki

ideologii narodowej. Rosyjski, podobnie jak niegdyś białoruski był traktowany użytkowo, acz nie na zasadzie etnicznej swojskości. Nie stał się wartością samą w sobie w sensie narodowym — jak było to w Rosji. Był cenny dzięki temu, że wprowadzał Białorusinów w szerszy świat wielkiego imperium bogata kulturę, literaturę rosyjską. Jednakże wartości, jakie niósł ze sobą, często odbierano bardziej powierzchownie, niż działo się to w społeczeństwie rosyjskim. Pozbawione były wymiaru narodowego, silnej sfery emocji ułatwiającej ich głębokie uwewnętrznienie. Rosyjski odcinał Białorusinów od ich wielowiekowej historii w ramach Wielkiego Księstwa Litewskiego i Rzeczypospolitej, wzmacniał pojmowanie Białorusi w kategorii regionalizmu, prowincjonalizmu. Rosyjski nie stał się nigdy - wzorem angielszczyzny Irlandczyków - nośnikiem miejscowej ideologii narodowej. Jest językiem miast, sfery publicznej, natomiast białoruski sfery prywatnej, domowej, rzadko w dużych miastach (w Mińsku ok. 2% ludności), częściej w małych miasteczkach, z reguły natomiast na wsi — z wyraźnymi naleciałościami (zwłaszcza leksykalnymi) rosyjskimi, a na zachodzie kraju niekiedy i polskimi (tzw. *trasianka*). Najnowsze badania socjologiczne wskazują na to, że osoby białoruskojęzyczne różnią się od ludności rosyjskojęzycznej bardziej prozachodnią orientacją.

Zsuzanna RADULY
(Budapeszt)

Kalki niemieckie w języku polskim, białoruskim, ukraińskim i rosyjskim

Jednym z najważniejszych zagadnień językoznawstwa jest problem rozwoju słownictwa. Stałe zmiany zachodzące w zasobie leksykalnym języka oraz różne sposoby jego wzbogacania nigdy nie były obojętne dla językoznawców. Jednym z głównych źródeł wzbogacania słownictwa jest słowotwórstwo, dokonujące się na podstawie przyjętych w danym języku wzorów. Innym źródłem w tej materii jest przejmowanie wyrazów z innych języków. Kontakty w różnych sferach życia politycznego, gospodarczego i kulturalnego między narodami powodują wzajemne oddziaływanie, przejmowanie wzorów, wartości, norm itp. Dzięki temu pojawiają się w różnych językach nowe pojęcia, często w nich dotąd nieznanne, nie mające ekwiwalentów, a będące nazwami różnych produktów pochodzących ze sfery umysłowej i fizycznej. Ustalenie zasobu wyrazów obcego pochodzenia w danym języku jest istotne nie tylko dla niego samego, jego historii i dalszego rozwoju, ale również i dla interakcji kulturowej, należącego do danego kręgu cywilizacyjnego i kulturowego języków w ogóle. Pożyczenia językowe mogą mieć różny charakter, np. przejmowanie i adaptacja wyrazów obcych, kalki leksykalne itp. O kalkach leksykalnych mówimy wtedy, jeżeli dany język na określenie nowego pojęcia lub rzeczy "przejmuje" wyraz obcy za pomocą własnych środków. Tworzenie kalk językowych w historii różnych języków jest zjawiskiem powszechnym. Jednak ich ilość w różnych językach może być różna. Zgodnie z ogólnie

przyjętym poglądem takie języki słowiańskie jak serbski, chorwacki, słoweński i czeski przodują w zakresie kalk, natomiast pozostałe, a wśród nich polski, rosyjski, ukraiński i białoruski wzbogacają swoje słownictwo raczej poprzez pożyczki. Są również na ten temat poglądy odmienne, które wskazują na to, że liczba kalk niemieckich w języku polskim i rosyjskim jest dość znaczna i nie może być ignorowana. Wpływ języka polskiego i rosyjskiego na język ukraiński i białoruski spowodował pośrednio przejęcie przez te języki wielu wyrazów niemieckiego pochodzenia.

Сяргей САЛЕЙ
(Гародня-Будапэшт)

Царскі тытул у дыпламатычных крыніцах Вялікага княства Літоўскага і суседніх дзяржаў да сярэдзіны XVI ст.

У 1547 годзе вялікі князь маскоўскі Іван IV вянчаўся на царства. З гэтага моманту і на працягу амаль стагоддзя праблема прызнання царскага тытулу за маскоўскімі гаспадарамі з боку суседніх дзяржаў становіцца адной з галоўных задачаў маскоўскай знешняй палітыкі. Лепшыя ідэолагі Усходняй Русі распрацоўвалі аргументы, накіраваныя на перакананне Еўрапейкіх манархаў у законнасці прыняцця царскага тытулу маскоўскім дзяржаўцам. У гэтым сэнсе, асноўным іх праціўнікам было Вялікае княства Літоўскае, якое саступіла пазіцыю толькі ў 1634 годзе пасля няўдалай вайны. Дзевяць дзесяцігоддзяў былі дастатковым перыядам для абодвух бакоў, каб выпрацаваць і абгрунтаваць аргументы за і супраць прызнання царскага тытулу за маскоўскім гаспадаром, аднак найбольш вострая палеміка праходзіла ў першыя 15 гадоў пасля вянчання на царства Івана IV, калі шукаліся і прадстаўляліся супроцьлегламу боку найважнейшыя аргументы. Асноўнаю крыніцаю да вывучэння маскоўска-літоўскай палемікі па царскім тытуле з'яўляюцца дыпламатычная перапіска паміж дзяржавамі і іншыя пасольскія дакуманты (1). Той факт, што прерапіска вялася на роднасных мовах (адпаведна, старарускай і старабеларускай), дазваляе найбольш поўна высветліць сэнсавую нагрузку, якая надавалася тэрміну **црь** (цар) у Вялікім княстве Літоўскім і Маскоўскаў дзяржаве.

Перад тым, як перайсці да вывучэння значэння тэрміну **црь**, неабходна адзначыць спецыфічную ролю, якую адыгрываў тытул манарха ў міжнародных адносінах таго часу.

Міжнародныя адносіны ў Сярэднявеччы рэгуляваліся звычайным правам. Гэта значыла, што права валодання дзяржавы пэўнымі тэрыторыямі грунтавалася на звычаі валодання гэтымі землямі гаспадаром. Пры гэтым усе дзяржаўныя землі лічыліся асабістай уласнасцю манарха, які, як правіла, уключаў іх ў свой тытул. Тымчасовая рэчаіснасць, пры якой тэрыторыі дзяржаваў не былі статычныя і вельмі

часта змяняліся, прывозіла да таго, што найбольшая ўвага ў тытуле надавалася ці нядаўна ўведзеным, ці спрэчным землям. Калі адзін манарх, афіцыйна звяртаючыся да свайго суперніка, называў у складзе яго тытулу свае спадчыныя землі, то ён цалкам адмаўляўся ад сваіх прэтэнзіяў на іх. Звычайна гэта адбывалася пасля прайграных войнаў пры значнай перавазе пераможцы. Аднак у некаторых выпадках асобныя манархі дабіваліся пераходу пэўных тэрыторыяў пад свой кантроль мірным шляхам -- сродкамі дыпламатыі. У гэтым працэсе вялікую ролю адыгрывала пераканаўчасць аргументаў на валоданне гэтымі землямі. Як правіла, гэтыя аргументы базаваліся на колішнім факце валодання гэтымі землямі продкаў манарха-прэтэндэнта (дзеля гэтага ствараліся легенды, якія маглі наогул не мець нічога агульнага з рэчаіснасцю). Калі мірныя сродкі не давалі чаканага выніку, то ім на змену прыходзілі сродкі ваенныя. Пры гэтым непрызнанне правоў на аспрэчаную тэрыторыю становілася повадам для ваенных дзеянняў. Такая схема была агульнапрынятай у міждзяржаўных адносінах у межах адной сістэмы дзяржаў (імперыі). Падобна, але больш складана, будаваліся адносіны паміж рознымі імперыямі.

Да пачатку XVI стагоддзя ў Еўропе склаліся тры вядучыя сістэмы дзяржаў: (а) пераважна каталіцкія дзяржавы Заходняй і Цэнтральнай Еўропы, якія проста ці ўскосна знаходзіліся ў сферы ўплыву Свяшчэннай Рымскай Імперыі; (б) сістэма мангола-татарскіх гаспадарстваў і іх васалаў; (в) Асманская Імперыя, што падпарадкавала большасць былых земляў Візантыі. У гэтай сувязі неабходна вызначыць месца Маскоўскай дзяржавы і Вялікага княства Літоўскага ў гэтых сістэмах.

Усе старажытныя рускія княствы прынялі хрысціянства з Усходу, і, натуральна, увайшлі ў сферу ўплыву Візантыі. Аднак у XIII стагоддзі землі Паўднёвай і Ўсходняй Русі, у тым ліку і Маскоўскае княства, былі ўключаны ў склад Залатой Арды і трапілі ў мангольскую сістэму дзяржаў, дзе нават рэлігійны ўплыў Візантыі быў зведзены да мінімуму. У склазе мангола-татарскай імперыі Маскоўская дзяржава займала асобае месца – з пачатку XIV стагоддзя яно пастаянна атрымлівала ярлык на Вялікае Ўладзімірскае княжанне, які даваў ім права збору даніны з іншых заваяваных манголамі земляў Усходняй Русі. Гэта дазволіла Маскоўскаму княству ўзняцца над іншымі рускімі княствамі і падпарадкаваць іх сабе да пачатку XVI стагоддзя. Гэты факт паставіў Маскоўскую дзяржаву ў адзін шэраг з іншымі спадкаемцамі Залатой Арды ў якасці раўнапраўнага суб'екта імперыі, толькі правіла ў ім не мусульманская мангольская, а праваслаўная руская дынастыя (2). Да таго ж, у другім дзесяцігоддзі XVI стагоддзя была выпрацавана тэорыя «Масква – Трэці Рым», згодна з якой абгрунтавалася трансляцыя імперыі з тэрыторыі Візантыі на тэрыторыю Маскоўскай дзяржавы (3).

У той час, калі землі Ўсходняй Русі былі заваяваны манголамі, заходнерускія княствы разам з балцкімі плямёнамі ўтварылі сумесную дзяржаву – Вялікае княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае. Большасць насельніцтва ВкЛ складалі праваслаўныя славяне, а балцкае

насельніцтва, з якога паходзіла княская дынастыя, было паганскае. Стваралася сітуацыя, паводле якой Вялікае княства Літоўскае не ўваходзіла ні ў адну з трох імперыяў і знаходзілася на сутыку сістэмы каталіцкіх дзяржаў на захадзе і мангольскай імперыі на ўсходзе. Пры гэтым праваслаўнае насельніцтва ВкЛ прызнавала эклезыястычную ўладу Візантыі. Але такое становішча доўжылася толькі да канца XIV стагоддзя, калі суседняе каталіцкае Польшкае Каралеўства ўсвядоміла важнасць стратэгічнага становішча ВкЛ і прапанавала персанальную вунію манархаў, паводле якой гаспадарская дынастыя Вялікага княства Літоўскага была хрышчана па заходнім звычці, а краіна, адпаведна, на доўгі час увайшла ў склад заходняй сістэмы дзяржаў.

Такім быў расклад сіл у Еўропе да 1547 года – даты вячання на царства Івана IV. Гэты ўступ быў неабходны для поўнага разумення значэння тэрміна 'цар' і тых зменаў, якія ў ім адбыліся да сярэдзіны XVI стагоддзя.

Тэрмін **црь** з'яўляецца адным з найдаўнейшых у славянскіх мовах. Ён з'яўляецца кантрактыўнай формай ад **цсрь** (цэсар). Як паказаў Д. Мараўчык, фанетычна тэрмін **црь** паходзіць ад лацінскага *Caesar* (г. зн. імператар) і датуецца VI ці VII стагоддзямі (4). Гэты тэрмін з'яўляецца ўжо ў першых пісьмовых творах на стараславянскай мове «Жыццё Канстантына» і «Жыццё Мефодыя». У гэтых творах тэрмін 'цар' меў тры асноўных значэнні: 1. *Бог*; 2. *Біблейскі манарх*; 3. *Васілеўс*, ці імператар Візантыі (5).

Першыя два значэнні тэрміну 'цар' ужываліся выключна ў рэлігійным сэнсе, палітычны ж сэнс мела толькі трэцяе значэнне. Менавіта палітычнае значэнне адыгрывала ролю ў міжнародных адносінах і ўжывалася ў афіцыйных дыпламатычных дакументах. У гэтым сэнсе тэрмін **црь/цсрь** спачатку ўжываўся толькі для азначэння *васілеўса* і *кайзера*, імператараў Візантыі і Свяшчэннай Рымскай імперыі (6). З мангольскім заваяваннем тэрмін **црь**, нават 'вялікі цар', пачаў ужывацца ў палітычным сэнсе ў адносінах да Чынгіс-Хана і яго спадкаемцаў, а па атрыманні незалежнасці Джучыева ўлуса пры Менгу-Цімуры – да ханаў Залатой Арды. Пасля таго, як Залатая Арда падзялілася на незалежныя дзяржавы, тыя з іх уладароў, што па сваім паходжанні атрымалі ханскі (міні-імператарскі) тытул, пачалі называцца царамі ў славянскіх крыніцах (7). У той самы час, калі туркі канчаткова падпарадкавалі Візантыю ў 1453 годзе, а султан зрабіў сваёю сталіцаю Канстантынопаль (у славянскіх мовах – **Цьргрд**, ці Царскі град), царскі тытул пачаў стала ўжывацца для азначэння Асманскага імператара (8).

Да сярэдзіны XVI стагоддзя ў дыпламатычных крыніцах на старабеларускай мове, якія сыходзілі з канцылярыі Вялікага княства Літоўскага, царскі тытул ужываўся выключна для азначэння імператара і быў роўным тытулам базілеўса, кайзера, ханаў Залатой Арды і яе спадкаемцаў, ды імператара Асманскай імперыі. У 1549 годзе, пратэстуючы супраць прыняцця царскага тытулу Іванам IV, вялікі князь

літоўскі Жыгімонт-Аўгуст заявіў маскоўскім паслам: "Господари Христианские и он сам [Иван IV], естли ся за Господара Христианьского маеть, не мел бы писати Царем, одно одного цесара Христианьского; а хотя тое имя Царское Цару Перекопському и иньшым Татарским а поганьским Господарем на тот час его Королевская милость и он самъ Великий Князь въ листехъ своихъ пишеть, ино то ся дееть языком словенскимъ, же ихъ так зъ давныхъ часовъ почали прозывать, чимъ ся они сами своимъ языком не пишутъ; и яко его Королевьска милость ихъ тытулы засталъ, так его милость водле звыклого обычаю рачить казати листы свои писати" (9).

Чаму ж намаганні Маскоўскай дзяржавы па прызнанні царскага тытулу яе гаспадара выклікалі такое моцнае супраціўленне ў ВкЛ? Зразумела, што ва ўсвядамленні жыхароў Вялікага княства Літоўскага, якое ўваходзіла ў заходнюю сістэму дзяржаў, прыняцце царскага тытулу Іванам IV сведчыла пра з'яўленне новай імперыі, якая з аднаго боку (асабліва пасля заваявання Казанскага і Астраханскага ханстваў), успрымалася як спадкаемніца імперыі Залатой Арды, а з, іншага боку, прэтэндавала на ролю «Трэцяга Рыму», ці хрысціянскай праваслаўнай імперыі. З'яўленне новай імперыі азначала, прынамсі, перадзел тэрыторыяў існуючых сістэмаў дзяржаў, і найбліжэйшы сусед Маскоўскай дзяржавы -- Вялікае княства Літоўскае, большасць насельніцтва якога было праваслаўнае, -- прызнаўшы гэтую імперыю, становілася б першым прэтэндэнтам на ўключэнне ў яе склад.

Спасылкі

- (1) Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским.-Т.2: 1533-1560 г.г./Под ред. Г.Ф. Карпова // Сб. Императорского рус. историч. о-ва.-СПб., 1887.-Т.59; Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда-Августа с 1545 по 1572 год/Под ред. М. Оболенского и М. Даниловича.-М., 1843.
- (2) Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие // На стыке континентов и цивилизаций... / Сост. И.Б. Муслимов.-М.: Исан, 1996.-С 273.
- (3) Малинин В. Старец Елизарова монастыря Филофей и его послания.-Киев, 1901.-С. 45.
- (4) Moravcsik Gy. Zur Geschichte Des Herrschertitels 'Caesar > Царь' // Сборник Радова Византолошког Института.-1963.-Кн. 8.-С. 235.
- (5) Vavřínek V. *Ugьrskьjъ korolъ* dans la vieux-slave de Méthode // Bizantinoslavica.-1964.-V. XXV.-S. 267.
- (6) Vodoff W. Remarques sur la valeur du terme 'tsar' appliqué aux princes russes avant le milieu du XV^e siècle // Oxford Slavonic Papers. New Series.-1978.-V. XI.-S. 6.
- (7) Насонов А.Н. Монголы и Русь.-М.-Л., 1940.-С. 30.
- (8) Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда-Августа с 1545 по 1572 год/Под ред. М. Оболенского и М. Даниловича.-М., 1843.-С. 22, 268, 271.
- (9) Там сама.-С. 51-52.

Лариса Л. ЩАВИНСКАЯ

(Москва)

**Языковой феномен человека польско–восточнославяно–литовского
пограничья XVII в.:
Вильнюсский воевода Я. Радзивилл – читатель кириллических
рукописей**

Одним из самых замечательных государственных, общественных культурных и религиозных деятелей Великого княжества Литовского является Януш (Jonušas) Радзивилл, проживший недолгую (1612 – 1655), но чрезвычайно богатую на события жизнь, многие важные моменты которой практически неизвестны, хотя они необычайно значимы для понимания не только его собственной судьбы, но общекультурной и литературной ситуации в государстве в целом.

Воспитанник европейских университетов, он многое сделал для развития литовского языка, письменности и образования, незадолго до своей смерти основал в Кедайняй типографию, где печатались книги на литовском языке.

Унаследовав от своего отца в 1640 г. огромные имения в самой западной части Великого княжества Литовского, на Подляшье, Я. Радзивилл становится владельцем многих местностей в окрестностях знаменитого Супральского монастыря, а также владельцем Заблудова, который он превращает в один из кальвинистских центров Европы. Именно здесь, на Подляшье, как свидетельствуют документы, в частности собственноручные расписки самого Я. Радзивилла, происходит его активное знакомство с рядом памятников церковнославянской литературы, а также литовскими летописями.

С. А. СКАМАРОХАВА
(Мінск)

**Аб адэкватнасці мастцкага перакладу
(На аснове супастаўлення беларускіх перакладаў апавядання
Э. По "Забойства на вуліцы Морг")**

Працэсы ўзаемадзеяння і дачынення моваў – як блізка, так і далёкародных – асабліва ярка назіраюцца пры супастаўленні пераклада з арыгінальным тэкстам. Тэкст – гэта суб'ект культуры, спараджэнне чужой перакладчыку свядомасці, якая ўступае ў "дыялог" з яго "я". У выніку гэтага дыялагічнага ўзаемадзеяння сэнс тэксту можа быць раскрыты інакш, змяніцца і загучаць па-іншаму ў новым гістарычным кантэксце. Перакладчык пры гэтым з'яўляецца носбітам дзвюх культур і моваў: мовы арыгіналу (МА) і мовы перакладу (МП).

Пераклад прозы з гэтага пункту гледжання ўяўляе сабой цікавае поле для назіранняў. Менавіта пры перакладзе праявіліся творы існуе большая магчымасць для перадачы і захавання фактуальнай і канцэптуальнай інфармацыі (І. П. Гальперын) арыгіналу. Асабліва гэта датычыцца тых жанраў, якія належаць да т. зв. інтэркультуры, у першую чаргу – жанру дэтэктыву.

Узаемаабмен духоўнымі каштоўнасцямі – адзін з чыннікаў развіцця нацыянальнай літаратуры. Абмен літаратурным вопытам з іншымі краінамі і нацыянальнай літаратурны працэс знаходзяцца на гэтым этапе ў прамой залежнасці. У першую чаргу гэта справядліва для перакладу мастацкіх тэкстаў і стварэння своеасаблівых эквівалентаў гэтых тэкстаў у роднай літаратуры. Гэта, разам з нежаданнем успрымаць лепшыя ўзоры сусветнай літаратуры на беларускай мове, звычайка чытаць іх на рускай, мусіць, адзін з фактараў сумнай непапулярнасці "беларускасці" у сярэдняга чытача. І пераклады дэтэктываў ў дадзеным выпадку іграюць ролю папулярызатара нацыянальнай культуры і мовы.

Але, нягледзячы на ўжо багатую сусветную напрацоўку дэтэктыўнай літаратуры, на Беларусі гэты жанр распрацаваны слаба. Яшчэ менш выдадзена перакладаў амерыканскіх і англійскіх аўтараў дэтэктываў на беларускую мову. Іх літаральна адзінкі: з 1991 года выйшла толькі тры зборнікі.

Мэта дадзенай працы – разгледзець ролю перакладчыка ў стварэнні адэкватнага перакладу на прыкладзе супастаўлення перакладаў апавядання Э. По "Забойства на вуліцы Морг", зробленых У. Шчасным (зб. "Амерыканскае дэтэктыўнае апавяданне": Мн., 1993) і Я. Масарноўскім і У. Сіўчыкавым (зб. "Кінжал з крыламі": Мн., 1994).

Перш за ўсё трэба адзначыць, што перакладаемы тэкст – апавяданне – жанр, які патрабуе пільнай увагі да слова, адзін з малых эпічных жанраў. Ужо толькі з гэтай прычыны пераклад апавядання з'яўляецца праблемным: малы аб'ём тэксту акцэнтуюе кожную фразу,

кожны выраз. Тым больш у дэтэктыўным апавяданні, дзе галоўную ролю адыгрывае сюжэт, напружанасць у яго развіцці. Гэта вымагае выкарыстанне перакладу на ўзроўні слова, што характэрна У. Шчаснаму. Пераклад на ўзроўні словазлучэнняў, тыповы для Я. Масарноўскага і У. Сіўчыкава, нельга лічыць ў дадзеным выпадку паспяховай вынаходкай, хоць пры такім перакладзе існуе большая магчымасць праяўлення індывідуалнасці перакладчыка і набліжэння тэксту да рэцыпіента.

Адэкватны пераклад таксама вымагае захаванне аўтарскай рэчаіснасці, яго эмацыянальнай ацэнкі. Таму, на нашу думку, бліжэйшым да тэксту Э. По з'яўляецца менавіта пераклад У. Шчаснага, эмацыянальна больш стрыманы, асабліва пры адлюстраванні жудасных сцэн. Так, пры апісанні нанесеных калецтваў перакладчык не нагнае дэталі. Эстэтыка У. Шчаснага звязана з тым, што пры ўсім скрупулёзным захаванні падрабязнасцяў арыгінала, ён не імкнецца іх падкрэсліць, каб узмацніць уражанне жаху. Псіхалагізм яго строгі, вытрыманы.

Пераклад Я. Масарноўскага і У. Сіўчыкава выкананы ў сучаснай манеры напісання дэтэктыву, калі чытача прывабліваюць менавіта знешнія дэталі і згушчэнне фарбаў. Перакладчыкамі дадаюцца тыя азначэнні, якія адсутнічаюць ў арыгінальным тэксце і і для ўжывання іх не маецца ніякіх падстаў. Словы, на якіх перакладчыкі робяць сэнсавы акцэнт, у арыгінале часта адсутнічаюць. Такую з'яву характарызуюць як уплыў т. зв. "чорнага рамана". Яшчэ больш свабодна падыходзяць яны да словаў, выдзеленых курсівам у аўтарскім тэксце як тых, што нясуць большую сэнсавую нагрузку, акцэнтаваных. Часцей за ўсё гэтым словам проста не надаецца патрэбная ўвага, а часам не перакладаюцца нават цэлыя сказы з гэтымі словамі.

Аднак небяспечная і іншая крайнасць: у сваім імкненні У. Шчасны даходзіць да таго, што нават часам апускае "крывавыя" эпітэты, якія маюцца ў арыгінале.

Нельга не падкрэсліць таксама і важнасць "культурнага падтэксту" у працы перакладчыка, яго знаёмства з рэаліямі жыцця краіны аўтара, агульнавядомымі жыхарам гэтай краіны рэчамі – фонавымі ведамі. Пры несумненным выдатным валоданні гэтымі дэталямі У. Шчасным, у перакладзе ўзнікае недакладнасць у нумарацыі паверхаў. Так, жыхар Велікабрытаніі лічыць паверхі, пачынаючы не з першага, а з "ground floor"; амерыканец, між тым, падлік вядзе менавіта з першага. Апошняя акалічнасць, на жаль, не была ўзята пад ўвагу У. Шчасным. Да таго ж, у адзінкавых выпадках перакладчык змяняе аўтарскую эмацыянальна-экспрэсіўную ацэнку.

Аднак у параўнанні з ягоным пераклад Я. Масарноўскага і У. Сіўчыкава грашыць значна большай колькасцю хібаў, пачынаючы з недакладнага напісання лацінскага тэрміна і заканчваючы змяненнем сэнсу сказа на супрацьлеглы. Імкненне зрабіць тэкст больш дынамічным, наблізіць да сучаснага чытача патрабуе ад перакладчыкаў вельмі вольнага абыходжання з сінтаксічнымі канструкцыямі. Яны або спалучаюць два сказы ў адзін, або, наогул, апускаюць аўтарскія фразы. Часам здаецца,

што пераклад у асобных частках зроблены проста нядбайна, бо ігнаруюцца істотныя дэталі. Гэта прасочваецца пры іх перадачы ў тых выпадках, калі важную ролю адыгрывае адценне словаў. Усе гэтыя недарэчнасці аддаляюць пераклад ад арыгіналу. Да таго ж, на нашу думку, класік амерыканскай літаратуры не мае патрэбу ў штучным "ажыўленні" і наданні сучаснага гучання. Аднак трэба заўважыць, што і такі папулярызатарскі падыход мае свае дадатныя бакі.

У цэлым жа пераклад У. Шчаснага падаецца нам больш удалым. У ім добра адлюстраваны каларыт эпохі Э. По, лёгкі, вытанчаны стыль аўтара. Перакладчык паважліва, прадумана і вельмі ўзважана ставіцца да аўтарскага слова, імкнецца перадаць усе яго сэнсавыя адценні, не ўпадаючы, аднак, у сухі літаралізм.

Такім чынам, адэкватны мастацкі пераклад вымагае ад перакладчыка не толькі непасрэдных лінгвістычных ведаў, але і валодання рэаліямі жыцця, фонавымі ведамі і ўсім комплексам культурных традыцый як англійскай, так і беларускай літаратуры.

Eszter SZMOLINKA
(Budapest)

Полісемія ў фразеалагічных даведніках беларускай, украінскай ды расейскай моваў

1. Пры даследаванні фразеалагічнага фонду беларускай, украінскай і расейскай моваў у першую чаргу звяртаюць на сябе ўвагу фраземы, тоесныя па сваёй лексіка-граматычнай структуры.

???????? за тоеснасцю формы не заўсёды схаваная адэкватнасць значэння ФА, ?? ў такіх выпадках узнікае пытанне пра тое, як суадносіцца іх змест.

???большую актуальнасць ?ае план паралельнага разгляду ў беларускай, украінскай ды расейскай мовах фразеалагічных адзінак, *суадносных і паводле семантыкі, і паводле кампанентнага складу ды структуры* – так званых *фразеалагічных эквівалентаў*.

Сярод фразеалагізмаў даследаванай групы досыць шматлікія адзінкі, адэкватныя паводле формы і зместу. Такім чынам, можна гаварыць пра іх *поўную фразеалагічную тоеснасць*. Поўнымі эквівалентамі з'яўляюцца звычайна адназначныя ФА (**насіць ваду рэшатам, ганяць сабак**). Але адпаведна з тымі задачамі, якія пастаўленыя ў гэтай працы, асноўная ўвага акцэнтуюцца на полісемантычныя ФА (**пераліваць з пустога ў парожняе**).

Выбарка матэрыялу праводзілася паводле *аспектнай* суаднесенасці – бралася пад увагу *тоеснасць слоў-кампанентаў і сінтаксічнай структуры*. На аснове створанай такім чынам картатэкі (больш за 430 адзінак) выявіліся сэнсавыя і функцыянальныя межы ФА ў трох мовах.

Неабходна адзначыць свядомае звужэнне аб'екту даследавання да сучаснай літаратурнай фразеалогіі ўсходнеславянскіх моваў – за аснову ўзяты матэрыял толькі трох фразеалагічных даведнікаў (ЛЕПЕШАЎ, 1993; ПАЛАМАРЧУК, 1993; МОЛОТКОВ, 1994). (Пры разглядзе асобных пытанняў выкарыстоўваўся матэрыял яшчэ трох слоўнікаў.) (УДОВИЧЕНКО, 1984; ЖУКОВ, 1989; ФЕДОРОВ, 1995) Па-за ўвагаю засталіся слоўнікі народна-дыялектнай фразеалогіі ды інш.

2. Суаднесенасць трохмоўных фразеалагічных эквівалентаў паводле семантычнага аб'ёму

Даводзіцца канстатаваць, што тыповая з'ява сярод параўнаных полісемантычных фраземаў (украінскіх, беларускіх ды расейскіх) – колькасная перавага функцыянальна-сэнсавых адпаведнікаў з *неаднолькавым семантычным аб'ёмам*. Прынамсі, у навуковай літаратуры неаднойчы выказвалася меркаванне, што поўных фразеалагічных эквівалентаў, наогул, існуе вельмі мала. У вызначаных для гэтага даследавання фразеаграфічных працах удалося выявіць толькі адзінкавыя прыклады поўных мнагазначных фразеалагічных эквівалентаў, якія існуюць адначасна ў трох мовах, а ?а так?х ФА, якія маюць як мінімум тры значэнні, так і не знайшлося поўных эквівалентаў.

Прычына малаколькаснасці нават у адносна блізкіх мовах поўных эквівалентаў – у самой прыродзе фразеалагізма, у адметнасці самога працэсу фразеалагізацыі. Абстрагаванне звычайнага словазлучэння, набыццё ім цэласнага значэння, як выяўляецца, нярэдка – толькі першы этап, за якім ідзе паўторнае перасэнсаванне ФА на аснове абагульнення аднаго вобраза для розных паняццяў ці адбываецца паўторная метафарызацыя свабоднага словазлучэння. Натуральна, што згаданыя працэсы па-рознаму праяўляліся ў трох мовах, што і прывяло да фармавання неаднолькавага семантычнага аб'ёму ў шмат якіх фраземах (**малоць языком**).

Факты мнагазначнасці фразеалагізмаў, даследавання параўнальна-супастаўляльным метадам, дазваляюць раскрыць спецыфіку фармавання нацыянальнай фразеалогіі.

3. Лексікаграфічныя аспекты адлюстравання полісеміі

Варта падкрэсліць, што калі гаворка ідзе пра тоеснасць сэнсавую (поўную або частковую), маецца на ўвазе больш шырокая тоеснасць – суаднесенасць фразеалагізмаў паводле адметнай спалучальнасці, паводле кантэкстных сувязяў, паводле спосабу функцыянавання ў мове наогул. Хацелася б, каб у фразеаграфіі шукаліся спосабы як найпаўнейшага адлюстравання ўсяго спектру інфармацыі пра фразеалагізм.

Супастаўленне сэнсавай структуры фразеалагізмаў трох моваў можа даць аб'ектыўныя вынікі пры ўмове дакладнай акрэсленасці значэння ФА ў кожнай асобнай ўзятай мове. Выкарыстоўваючы факты лексікаграфіі пры разглядзе значэння фразеалагізмаў, сутыкнуліся з пэўнымі цяжкасцямі, бо пры наяўнасці даволі значнага набору крытэрыяў вызначэння семантыкі фразеалагізмаў (асабліва мнагазначных) агульнапрынятыя падыходы пакуль яшчэ не выпрацаваны. Гэта

найперш і адбіваецца на лексікаграфічнай апрацоўцы ўстойлівых словазлучэнняў. Па-рознаму тлумачыцца ў слоўніках семантыка некаторых выразаў, не заўсёды дастаткова дакладна вызначаюцца і размяжоўваюцца асобныя значэнні, несвоечасова фіксуюцца новыя.

Паколькі пытанне пра полісемію ФА ў розных фразеалагаў і лексікаграфічна вырашаецца па-рознаму, у адных той ці іншы фразеалагізм мае чатыры або пяць значэнняў, у іншых – пяць або шэсць. Аб'ектыўна такія лексікаграфічны разнабой – ёсць паказчык разыходжання паміж значэннямі фразеалагізма, паступовага распаду полісеміі.

Сярод фактараў, якія ўплываюць на семантыку фраземаў, адначым наяўнасць *варыянтнасці*. Паводле інфармацыі слоўнікаў назіраецца пашыраная варыянтнасць дзеяслоўнага кампанента, якая, натуральна, неаднолькавая ў трохмоўных адпаведніках (**пады-маць/падняць на ногі; разяўляць/разявіць рот**). Даведнікі трох моваў зафіксавалі факты распаду варыянтнасці і пераход фраземаў у сінонімы, а то і амонімы.

Такім чынам, выяўляецца, што агульнасць паходжання, аднолькавая (ці вельмі блізкая) варыянтнасць кампанентаў, падобнае ў трох мовах кола сінанімічных адносінаў не з'яўляюцца гарантам тоеснасці семнага складу фраземаў у сучасных усходнеславянскіх мовах.

Наяўнасць спецыфічных рысаў у фразеалагічнай полісеміі паказвае на неабходнасць іх належнага адлюстравання пры фразеаграфічнай інтэрпрэтацыі, а таксама спосабаў фразеаграфічнай інвентарызацыі кожнага значэння з улікам лексічнай і граматычнай спалучальнасці ФА, рознапланавасці прадметнай суаднесенасці ў межах адной полісеманты.

Крыніцы

- Лепешаў І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1-2. – Мн.: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі. 1993
- Удовиченко Г. М. Фразеологічний словник української мови. Т. 1-2. – Київ: Вища школа. 1984
- Фразеологічний словник української мови /під ред. Паламарчука Л. С./ Т. 1-2. – Київ: Наукова думка. 1993
- Жуков В. П. (Жуков А. В.) Школьный фразеологический словарь русского языка. – М.: Просвещение. 1980 (Изд. 2-е, переработанное. – М.: Просвещение. 1989)
- Фразеологический словарь русского языка /под ред. Молоткова А. И./ – М.: 1967 (Изд. 5-е, стереотипное. – Санкт-Петербург: Вариант. 1994)
- Фразеологический словарь русского литературного языка /составитель Фёдоров А. И./ Т. 1-2. – Новосибирск: Во "Наука". 1995

А. П. СТАРАВОЙТ
(Мінск)

Асаблівасці фарміравання беларускіх прозвішчаў з фармантам *-скі (-цкі)*

1. Да канца X ст. усходнія славяне выкарыстоўвалі для наймення людзей толькі іменны, у якіх своеасабліва выяўлялася асоба чалавека, яе сутнасць і індывідуальнасць. Фарміраванне ж прозвішчаў было абумоўлена звычаямі, традыцыямі, гістарычнымі працэсамі, развіццём вытворчасці, а таксама недастатковай колькасцю саміх імёнаў. Таму кожнае іменаванне чалавека нясе ў сабе адбітак гісторыі, характэрныя рысы пэўнай эпохі.

2. Матэрыялам для даследавання з'явіліся прозвішчы жыхароў паўднёва-ўсходняй тэрыторыі Беларусі, а менавіта Гомельшчыны, сабраныя ў 1996 годзе з пагаспадарчых кніг Гомельскага абласнога, Мазырскага і Рэчыскага занальных архіваў. Аб'ектам даследавання з'яўляюцца антрапонімы з фармантам *-скі (-цкі)*, якія складаюць прыкладна 12% (754 адзінкі) ад агульнай колькасці зафіксаваных вытворных антрапонімаў. Большасць прозвішчаў з разгляданым фармантам на ўсходнеславянскіх землях, на думку шэрагу навукоўцаў, узнікла пад уплывам польскай мовы, які адчуваўся ў XVIII ст. у перыяд актыўнага фарміравання прозвішчаў. Аднак, як мяркуе М. В. Бірыла, беларускія прозвішчы з гэтым фармантам айканімічнага ўтварэння па паходжанні ўласнабеларускія. На тэрыторыі Гомельшчыны дадзены тып найбольш прадуктыўны ў паўднёвых і паўднёва-ўсходніх раёнах. Дарэчы, частка гэтай тэрыторыі яшчэ ў другой палове XVII ст. уваходзіла ў склад Каралеўства Польскага.

3. Характэрнай асаблівасцю фарміравання прозвішчаў жыхароў Гомельшчыны з фармантам *-скі (-цкі)* з'яўляецца значная разнастайнасць крыніц утварэння: ад тапонімаў, антрапонімаў і апелятываў.

4. Невялікую групу з фармантам *-скі (-цкі)* складаюць прозвішчы адтапанімічнага паходжання. Усяго зафіксавана 31 прозвішча, або 4,11% (*Кармянскі, Камянецкі, Ляўкоўскі, Макавецкі, Македонскі, Белаастоцкі, Белацаркоўскі, Віленскі, Наўгародскі, Палачанскі, Пінскі, Полацкі, Столінскі, Саратаўскі, Тураўскі, Слуцкі* і інш.)

5. Значна часцей сустракаюцца на Гомельшчыне прозвішчы на *-скі (-цкі)* адантрапанімічнага ўтварэння. Ад уласных імёнаў утворана 66 прозвішчаў, або 8,75%: *Марціноўскі, Міхайлоўскі, Міцкоўскі, Пашкоўскі, Пятроўскі, Адаманскі, Багушэўскі, Андрыеўскі, Давыдоўскі, Іваноўскі, Ермалінскі, Карлоўскі, Лазараўскі, Якубоўскі, Янкоўскі* і інш.

6. Самым прадуктыўным прозвішчаўтваральным тыпам на *-скі (-цкі)* з'яўляюцца прозвішчы, утвораныя ад апелятываў. У залежнасці ад семантыкі ўтваральнай асновы выразна выдзяляюцца наступныя прадметна-тэматычныя групы антрапонімаў, суадносных з назвамі:

6.1. асоб па становішчы ў грамадстве: *Багачэўскі, Рабскі;*

- 6.2. асоб па знешнім выглядзе, фізічных якасцях: *Гарбатыўскі, Велікоўскі, Бяляўскі, Бялецкі, Крывіцкі, Лысоўскі* і інш.;
- 6.3. асоб па роднаснасваяцкіх і ўнутрысямейных адносінах: *Браткоўскі, Сіроцкі, Дзедаўскі, Траяноўскі*;
- 6.4. асоб па разумовых якасцях, асаблівасцях характару: *Неслухоўскі, Балдоўскі, Дураўскі, Зуеўскі, Хамоўскі, Шабуноўскі*;
- 6.5. асоб па прафесіі ці занятку: *Будніцкі, Баярскі, Дабравольскі, Піваварскі, Касарэўскі, Кавалеўскі* і інш.;
- 6.6. частак цела чалавека і жывёл: *Жылінскі, Брухацкі, Скуратоўскі, Пузырэўскі, Рыльскі, Кулакоўскі, Лабкоўскі, Турбецкі*;
- 6.7. жывёл: *Мышкоўскі, Мядзведскі, Валкоўскі, Краткоўскі, Быкоўскі, Баброўскі, Сабалеўскі* і інш.;
- 6.8. насякомых, ракападобных: *Гізіцкі, Рачынскі* і інш.;
- 6.9. птушак: *Лебядзінскі, Качуроўскі, Шпакоўскі, Чайкоўскі, Чыжэўскі, Драздоўскі, Кулікоўскі* і інш.;
- 6.10. раслін: *Сасноўскі, Арабінскі, Кіяхоўскі, Ліпскі, Лазоўскі, Яблонскі, Яворскі, Дубоўскі, Арахоўскі, Грушэўскі* і інш.;
- 6.11. асаблівасцей рэльефу: *Астроўскі, Гарыцкі, Глыбоўскі, Глінскі, Мяжэўскі, Пяскоўскі, Курганскі* і інш.;
- 6.12. прылад працы, прадметаў бытавога ўжытку: *Кацубінскі, Ступінскі, Дрыноўскі, Дубінскі, Сакоўскі, Булавецкі, Хамутоўскі, Уздоўскі, Лаханьскі* і інш.;
- 6.13. адзення, абутку, галаўных убораў і іх частак: *Пасталоўскі, Каптурэўскі, Галынскі, Карmanoўскі, Брыжэўскі* і інш.;
- 6.14. прадуктаў харчавання: *Баршчэўскі, Аладзінскі, Крупскі, Маслоўскі, Скібінскі* і інш.;
- 6.15. пабудовы: *Саборскі, Асецкі, Кельніцкі* і інш.;
- 6.16. грашовых адзінак, адзінак вымярэння: *Паўтарацкі, Рублеўскі*;
- 6.17. музычных інструментаў і іх частак: *Сарнацкі, Смыкоўскі*;
- 6.18. экіпажаў: *Вазоўскі*;
- 6.19. з'яў прыроды: *Перуноўскі, Мяцельскі, Туманскі, Зімоўскі* і інш.

7. Неабходна звярнуць увагу на складанасць пры аналізе прозвішчаў адапелятыўнага і тапанімічнага ўтварэння, якая заключаецца ў праблематычнасці вызначэння ўтваральнай базы. Напрыклад, прозвішча *Бараноўскі*, на думку Ніканава, утварыліся пры дапамозе фарманта *-скі* ад асновы *Баранаў*, якое паходзіць ад тапоніма *Баранаў* і дакументальна засведчана ў польскіх пісмовых крыніцах з 1391 года. Пазней яно з'явілася на беларускіх і ўкраінскіх землях (Ніканаў, 16), і яго паходжанне пачало суадносіцца з апелятывам, а не з тапонімам.

8. Такім чынам, прозвішчы хыхароў Гомельшчыны з фармантам *-скі (-цкі)* складаюць 12% ад агульнай колькасці вытворных антрапонімаў, што значна вышэй за агульнабеларускі паказчык (10,5%; Бірыла, 34).

Елена СВЕДЕНЦОВА
(Санкт-Петербург)

**Вопрос о вершине предикативной синтаксической конструкции
в случаях реального отсутствия глагола**

(на материале старославянского, литовского, русского текста
гл. I—V Евангелия от Матфея)

На сегодняшний день в лингвистике сосуществуют несколько концепций рассмотрения структуры предложения. Убедительнее других, на наш взгляд, вербоцентрическая концепция. (См.: А. А. Холодович. К вопросу о доминанте предложения (1961) // А. А. Холодович. Проблемы грамматической теории. Л., 1979; В. Б. Касевич. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988, с. 103.) Однако в случае реальной непредставленности глагола возникает вопрос о вершине синтаксической конструкции. Предлагается его возможное решение.

Ясно, что сами по себе (структурно) “темные места” допускают несколько интерпретаций. Возможны две ситуации: 1) глагола реально нет, но может быть; 2) глагола реально нет и не может быть. В первом случае мы имеем дело с эллипсисом. Во втором глагола не может быть по разным причинам. Известны две: а) глагола не может быть в сочетании слов, которое не является предикативной конструкцией; б) глагола не может быть, если это грамматически значимо для данного языка, то есть если “постоянное” отсутствие глагола является нулевым знаком, или знаком с нулевым экспонентом (последний, более точный вариант термина был предложен В. Б. Касевичем в докладе “Нуль и немаркированность”, прочитанном 13 февраля 1997 года на Якобсоновских чтениях в С.-Петербурге).

Каждая данная цепочка словоформ, в которой “не видно” глагола, имеет только одну синтаксическую структуру.

Э. Бенвенист, опираясь на материал двух древнегреческих произведений — “Пифийские эпипикии” Пиндара и “Историю” Геродота — предложил семантический критерий для установления наличия / отсутствия в предложении глагола εἶπαί ‘быть’. И в том, и в другом случае имеет место предложение: в первом случае — глагольное, во втором — именное. Именное предложение не является “просто окказиональной формой высказывания, которое с таким же успехом могло содержать и эксплицитно выраженный глагол” (с. 177), так как каждое именное предложение есть “**типичная** форма некоторого содержания”, а именно: “общей истины” и/или речи (самой по себе или в диалоге) (Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974, с. 178).

Для Бенвениста вопрос о наличии / отсутствии в предложении глагола εἶπαί ‘быть’ приравнивается к вопросу о типе предложения (глагольном или именном). Критерием при решении его служит, по существу, тип коммуникативной ситуации: монолог / диалог. С нашей

точки зрения, **каждое** предложение может быть релятивизировано относительно акта коммуникации. При такой релятивизации глагол может эллиптироваться. Однако в результате получаются не разные типы предложения (ср. обнаруженный нами случай употребления глагола εἶναι ‘быть’ в прямой речи: καὶ ἰδοὺ φωνὴ ἐκ τῶν οὐρανῶν, λέγουσα, Ὁρτός ἐστὶν ὁ υἱός μου ὁ ἀγαπητός, ἐν ᾧ εὐδόκησα. — **И СЕ ГЛАСЪ СЪ НЕБЕС ГЛА. СЪ ЕСТЬ СЫНЪ МОИЪ ВОЗЛЮБЛЕННЫИ О НЕМЪ ЖЕ БЛАГОВОЛИХЪ.** (Зогр.) — “И се, глас с небес глаголющий: Сей *есть* Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение” — Мф., 3, 17), а высказывания, которые соотносятся как варианты и могут различаться формально наличием/отсутствием глагольной формы.

Об отсутствии глагола, не порождающем проблем синтаксической интерпретации, можно говорить, если в тексте представлена номинация “без предикации”, в том числе само по себе название ситуации. Например: **кЪНИГЪ РО(Ж)ДЪСТВА И ХЪВА СНА Д(ВА. СНА) АВРААМЛИА** (Мар.) — Jėzaus Kristaus, Dovydo Sūnaus, Abraomo sūnaus, kilmės knyga — “Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова” — Мф. 1, 1. Данная синтаксическая конструкция не является предикативной, это номинативное сочетание, функционально эквивалентное слову. Дана тема ситуации, являющаяся элементом коммуникативной организации семантики текста. (Ремой в данном случае выступает вся первая глава Евангелия).

Однако по семантике контекста не всегда можно “опознать” номинативное сочетание. Отрывки старославянского текста, трудные для понимания, могут проясняться за счет разночтений: если в разных списках одного и того же текста есть разночтения, то конструкции разных списков одного текста можно считать вариантными.

Наличие разночтения может свидетельствовать и в пользу присутствия в конструкции (представленной в разных списках текста в виде вариантов) глагола, и в пользу его отсутствия. Пример:

¹⁴ **ДА СЪБЪДЕТЬ СЯ РЕНОЕ ИСА(ИЕМЪ) ПРРОКОМЪ ГЛЪЩЫМЪ.**

¹⁵ **ЗЕМЛІА ЗАУЛО(НІА) ЗЕМЛІА НЕОУФАЛИМЛІА. ПЖТЬ МОРЮ (ОБ ОНЪ) ПОЛЪ ИОРДАНА. ГАЛИЛЕА ГЪЗЫКЪ.** 16

людиє сѣдации въ тмѣ видѣша свѣтъ (вел)ии и сѣдации въ странѣ и сѣни смъртънѣи. свѣтъ въсиа имъ. (Мар.) — “...¹⁴Да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит: ¹⁵земля Завулонова и земля Неффалимова, на пути приморском, за Иорданом, Галилея языческая, ¹⁶народ сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет” — Мф. 4, 14—16. Из возможных семантических интерпретаций выбирается та, которая предполагает отсутствие глагола как такового. Выбор определяется разночтением: словоформам сочетаний

ЗЕМЛІА ЗАУЛО(НІА), ЗЕМЛІА НЕОУФАЛИМЛІА, ГАЛИЛЕА ГЪЗЫКЪ

Мариинского Евангелия, по-видимому, совпадающим с формами

именительного падежа, в Зографском Евангелии соответствуют словоформы звательного (или звательные формы) *ЗЕМЛѢ ЗАВОУЛОУѢ, ЗЕМЛѢ НЕВЪФ'ТАЛИМЛѢ, ГАЛИЛЕѢ ꙗзыкомъ*. Внутри назывного (=номинативного) сочетания не может быть глагола, значит, нет его и в соответствующей строке Мариинского Евангелия.

Свидетельство разночтения в пользу наличия в старославянском тексте глагола тривиально: если в одном из списков текста есть глагол, то он действителен и для данной конструкции вообще, соответствующий же текст без реально представленного глагола является эллиптированным вариантом конструкции.

Разночтение может решить вопрос о наличии / отсутствии глагола в отдельном конкретном старославянском отрывке. Однако его нельзя использовать в качестве критерия при решении этого вопроса, так как не каждый неясный случай фиксируется списками старославянского текста с разночтениями, и потому отсутствие разночтения в таком случае не дает никакой информации ни для понимания, ни для исследования языка.

В дополнение к семантическому распознаванию в тексте номинации и (предикативной) конструкции следует назвать процедуру восстановления опущенного глагола по его реализованным валентностям — актантам (Ср.: D. Weiss. Die Faszination der Leere // Zeitschrift für slavische Philologie. Heidelberg, 1993. Bd. LIII, Hf. 1, S. 53). Например, по морфологическим характеристикам членов конструкции *ѡмоужѣ лопата въ рѣкоу ѡго* (Мар., Зогр.), — “Лопата Его в руке Его (букв.: ‘в руках’)” — Мф., 3, 12; Лк., 3, 17, зафиксированной без разночтений, можно предположить синтаксические валентности эллиптированного глагола, модель его управления, по лексическим значениям управляемых слов — семантические валентности глагола и сам глагол. В нашем примере, по-видимому, не выражен глагол быти ‘иметься’.

По валентностям восстанавливается и глагол-связка. Если же связочный глагол не восстанавливается в данной предикативной конструкции в данном контексте, то перед нами знак с нулевым экспонентом. Строго говоря, сделать вывод о грамматической значимости реального отсутствия глагола-связки, исходя только из текста, практически невозможно: помимо синтагматики окружения данной глагольной словоформы, ее необходимо противопоставить другим формам той же лексемы. Представление парадигматического противопоставления дает грамматика данного языка. Идеальным было бы отыскивать в тексте одну и ту же конструкцию, в вершине которой находились бы разные словоформы одной и той же глагольной лексемы. Однако это трудно выполнимо практически.

Заметим далее, что в большинстве случаев по валентностям восстанавливается несколько, сходных по семантике, глаголов.

В этом случае двусмысленность исключается речевой (=контекстной) ситуацией.

Таким образом, для различения трех конструкций: а) конструкции, вершина которого — эллиптированный глагол (в том числе глагол-связка); б) конструкции, вершина которого — знак с нулевым экспонентом (нулевая связка); в) непредикативной конструкции (номинативного сочетания), где не может быть вершины — которые из-за реального отсутствия в них глагола “выглядят”, в общем, одинаково, предлагается следующая последовательность действий. (1) Через семантику и контекст установить, является рассматриваемая цепочка слов номинативным сочетанием или (предикативной) конструкцией с эллиптированным глаголом (в том числе глаголом-связкой). Для (предикативной) конструкции: (2) при наличии разночтения или ссылки на параллельное место с той же, но полной синтаксической конструкцией найти в последних эллиптируемый глагол. (3) При отсутствии разночтения и ссылки на нужное параллельное место восстановить глагол или ряд возможных глаголов по морфологическим характеристикам и лексическим значениям актантов. (4) В случае невозможности восстановления подставить в данную конструкцию формы глагола-связки (и получить “нуль”). (5) В случае восстановления нескольких глагольных лексем использовать в качестве “фильтра” речевую (в данном случае контекстную) ситуацию и получить искомый глагол.

Если мы имеем в своем распоряжении разночтение или ссылку на параллельное место, где повторяется та же конструкция в полном виде — с глаголом, то последний восстанавливается с максимальной точностью — до словоформы эллиптированной лексемы, в других случаях о лексикографической точности при таком восстановлении, безусловно, говорить не приходится.

Krystyna SZCZEŚNIAK
(Gdańsk)

Elementy bałtyckie w toponimii współczesnego pogranicza Polski, Rosji i Litwy

Tezy referatu

1. Teren (historia obszaru, osadnictwo).
2. Państwowość (języki urzędowe).
3. Dostosowanie toponimii do języka niemieckiego i języków ludności zamieszkującej obszar (dwutorowość: bałtycki-polski-niemiecki; bałtycki-niemiecki-polski).
4. Urzędowa germanizacja nazewnictwa w latach 1934-39.
5. Stan powojenny toponimii (rusyfikacja toponimii na obszarze dziesięjszego rejonu kaliningradzkiego; polonizacja na terenie polskim).

Lajos SZÓKE
(Eger)

О языке первых печатных православных и униатских катехизисов

Самые первые документы славянской письменности уже в XI столетии свидетельствуют о том, что язык внеслужебной богословской письменности отличался от языка сугубо литургического текста. С течением времени различия только увеличивались и первоначальные стилистические разновидности все сильнее отходили от языковых норм православной литургии. По всей вероятности, первые расхождения в языке служили писцам для того, чтобы показать происхождение текста хотя бы употреблением незначительного числа маркированных восточнославянских языковых особенностей. Используя такие элементы, они не стремились этим облегчить понимание текста, но и нельзя принимать все изменения в написании как ошибки или опечатки.

К XVI и XVII столетиям языковая ситуация на восточнославянской территории значительно изменилась. Язык богословской литературы приспособился к этим измененным условиям. Служебные тексты, кодифицированные первыми печатными книгами, остались архаичными и в русском и в украинском изводах. Четыре формы канонических книг, которые предназначались для чтения, особенно в монастырях, характеризовались языком, приспособленным во многих чертах к современному им литературному языку. Третий тип представляли собой работы, удовлетворяющие проповеднические и катехизисные требования, куда входили учительные евангелия, поучения, постиллы, катехизисы. (Алексеев А. А. 1988: 124-144). Так как они были рассчитаны на верующих одной определенной территории, то долгое время бытовали только в рукописной форме, отражая, хотя и в разной мере, языковые особенности данной области.

Жанровая классификация богословской литературы, однако, не полностью совпадает с языковым размежеванием отдельных типов. Некоторые учительные евангелия XVI века могли быть в языковом смысле на уровне норм четких и даже литургических книг, (например: Пересопницкое евангелие, Возняк, 1921:16, противоположное мнение: Житецкий, 1878), а для других, наоборот, был характерен язык близкий к народному (например, учительные евангелия 1670 года – рукопись, Житецкий, 1906:10).

Прагматическая задача книг третьего типа состояла, с одной стороны, в раскрытии божественной правды литургии и канонических текстов, а с другой — в диалогической обработке основных догм православной церкви. Соответственно, если же в процессе коммуникации предполагалось только пассивное понимание со стороны адресата, уместно было использовать язык промежуточный между церковнославянским и народно-литературным (например, в толковых евангелиях, в поучениях).

По педагогической методике, примененной почти во всех учебниках и катехизисах среднего века, учебный материал дается в виде диалогов, в вопросах и ответах. Следовательно, здесь предполагалось активное участие адресата в процессе коммуникации. Активное устное владение церковнославянским языком, однако, не могло быть общим требованием. При этом, как в толковых евангелиях, так и в катехизисах язык меняется в зависимости от конкретного содержания. Для мест с цитатами библейских текстов или с установкой на важность основных догм характерно употребление почти чистого церковнославянского языка. Следовательно, если описываемые события и понятия соотносились с реальностью, с грешной жизнью земного бытия, язык удаляется от книжного стиля.

В западной церкви в печатных катехизисах XVI века — отчасти под влиянием протестантизма — в большинстве случаев был принят народно-литературный язык. В *Slavia Orthodoxa*, однако, понятие народно-литературного языка не может осмысливаться без традиций, базирующихся на церковнославянской основе.

Первый печатный катехизис Будного, вышедший в 1562 году в Несвиже, продолжал традиции рукописных катехизисов, созданных на восточнославянской территории, но в то же время руководствовался и методическими приемами западной церкви. (Ледесма, 1573).

Язык Будного в Катехизисе наиболее близок к народным стандартам, особенно в первой части, в посвящении, тематически не связанном с содержанием книги.

В диалогах самого катехизиса, кроме мест с библейскими цитатами, используется белорусский книжный язык, который в свою очередь ещё сильно связан с церковнославянским языком.

Некоторые церковнославянизмы выступают в архаичных формах, закрепившихся во время второго южнославянского влияния. Сюда можно отнести отсутствие йотации в правописании слов таких, как *другаа* (прилаг. женск. р. им. п. ед числ.) *учениа* (мн. ч. им. пад.).

Мягкие шипящие *ш, ж, ч* в XII веке уже отвердели и в украинском и в белорусских языках (Жовтобрюх, 1980:100, Янко?скі, 1983:114). Поэтому написание слов *чудо, душу, держать* в Катехизисе отражают искусственно поддерживаемую норму.

Подобная депалатализация, с написанием твердого *p*, наблюдается в памятниках белорусской письменности с XIV века. (Карский, 1955:306). У Будного формы с мягкой разновидностью преобладают над формами с твердой *p*: *берют, верю*, но: *церькви*.

Морфологические инновации белорусского языка параллельно используются с церковнославянскими, но основными являются здесь тоже церковнославянские формы. Так у глаголов настоящего времени множественного числа в первом лице встречаются окончания *-мь* (церковнославянское), *-мо* (диалектное) и *-мы* (польского заимствования).

Формы со второй палатализацией в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода часто уступают формам без палатализации: *врази* — *враги*, *грешници* — *еретики*. Параллелизм белорусского и церковнославянского начал наблюдается и в лексическом составе Катехизиса. Здесь, однако, более важную роль играют белорусские слова и выражения и уже давно привившиеся полонизмы (Жураўскі, 1994: 258—259).

Язык Будного в Катехизисе служил эталоном и для других печатных и рукописных работ подобного типа. Языковый анализ рукописи катехизисных поучений XVII века, проведенный Д. С. Іщенко, показывает, что стандартов Будного придерживались и в середине XVII века (Іщенко, 1982: 211—215).

Укрепившимися нормами в языке белорусских катехизисов объясняется и неудачная попытка ввести в употребление в конце XVI века униатские катехизисы южнославянского извода.

В 1580 году Поссевини А., посол папы римского в Польше, в процессе подготовки Унии правильно заметил, что необходимо обеспечить катехизисами православных верующих Польско-Литовской Унии. По его настоянию в скором времени появился перевод катехизиса Канизия на церковнославянский язык. (Крипякевич, 1928/30: 537). Перевод, однако, был сделан на церковнославянский язык южнославянского извода, формы которого, хотя и понятны, но чужды для белорусской традиции. Аргументы Поссевини не были приняты в Риме, где все ещё существовало мнение об общем церковнославянском языке, который может служить в такой функции, как латынь в католической церкви.

Таким образом, второе издание, появившиеся в 1594 году, опять вышло в южнославянском изводе. Неприемлемость этих двух катехизисов в Белоруссии подтверждает только тот факт, что церковнославянский язык теоретически хотя и был способен выполнять ту самую функцию, что и латынь на Западе, но в XVI веке на практике этот принцип не срабатывал.

Этим же условием объясняется судьба катехизиса М. Зизания, оригинал которого на белорусско-украинском языке (1626) остался в рукописи, потому что православное изложение содержания не соответствовало униатским тенденциям правящих кругов в Белоруссии. Вышедший в Москве в 1627 году Катехизис был переработан по традициям русского извода, хотя и сохранил некоторые особенности языка Зизания. Всё же расхождения между автором и московскими справщиками оказались слишком большими, особенно в орфографических вопросах, поэтому печатание катехизиса в России было остановлено (Прения, 1859).

Грамматика Л. Зизания была тоже переработана на основе концепций, принятых в Москве. Интересно заметить, что предисловием для этих рукописных грамматик служил сокращённый катехизис Зизания в русском изводе. В подобной переработке этот краткий катехизис

являлся предисловием и других азбуковников XVII века (Кузьминова, 1997: 141).

Запрещенный катехизис Зизания был переиздан староверами в 1783, 1787, 1788, 1871 и 1911 году. (Hauptmann, 1971: 20). На таких условиях катехизис не мог оказать большого влияния на развитие белорусского языка.

Судьба издания катехизиса киевского митрополита Петра Могилы (1596—1647) во многом похожа на судьбу катехизиса Л. Зизания. В 1645 году он был напечатан на польском, в 1649 году на церковнославянском языке русского извода (Москва), но ни разу в украинской редакции.

Политическая ситуация, сложившаяся после соединения Украины с Москвой в 1685 году, и подчинение Киевской метрополии Московской Патриархии в 1685 году привели к значительному ограничению изданий книг на украинско-белорусском церковнославянском языке. Со времен Петра Первого украинский извод церковнославянского языка был вытеснен из богословской литературы. После разделения Польши такие книги могли печататься только на территории отданной Австро-Венгрии.

Двуязычный "Краткій катихісмъ історическій", изданный в Почаеве в 1756 году, печатается традиционным в Польше способом в два столбца. Один из столбцов был на польском языке, а другой печатался на церковнославянском языке украинского извода, в котором придерживались норм четых богословских книг, местами, особенно в цитатах текст почти ничем не отличался от языка литургических книг. Таким образом, считалось излишним пользоваться сильно полонизированным книжным украинским языком Галиции, Подолии и Волхыни.

Среди маркированных признаков украинской редакции следует отметить такие явления:

1. замену и смешивание *и* и *ы* *рабы, гроби* (им.п. мн. ч.),
2. переход сочетаний *-кы, -гы, -хы* в *-ки, -ги, -хи* : *языки на земли (9) враги (36)* (Вин. п. мн. ч.),
3. отвердение шипящих: *нашымъ, хотащымъ (34)*,
4. смешивание *е* и **ѣ** : *делѣхъ, небесехъ (34)*,

В морфологии наблюдается усиленная замена архаических форм новыми, восточнославянскими:

1. распространение окончаний существительных в мн. числе с основой на *-а*: *съ оучениками (37)*, но: *чудесы (54)* (тв. п. мн.ч.),
2. появление категории одушевленности в мн. числе: *отпуститъ людей (10)*, но: *помилова люди (10)*,
3. разрушение парадигм существительных с основой на согласный: *на телѣ (5)*, но: *чудесы* (тв. п. мн. ч.) (54).

По всей вероятности издатели этого катехизиса хотели, чтобы люди могли изучать нормализованный церковнославянский язык украинского извода. Этим объясняется то, что архаические и новые формы встречаются на одной и той же странице.

В катехизисах униатской части Украины, как правило, пользовались не этим типом церковнославянского языка. Большинство катехизисов в XVIII веке были напечатаны "простымъ языкомъ русскимъ" (1722, 1732, 1745, 1756, 1768, 1778 смотри: Струминський, 1984: 32), то есть книжным языком Западной Украины.

Эта традиция редакции была "транспортирована" и на Подкарпатскую территорию к карпато-русинам. Переводчиком катехизиса Де Камелиса (1698) был Іоанъ Корницькій из Галиции, в языке которого чувствуются особенности лемковского говора украинского языка. (Удвари, 1987:158). Язык катехизисов Кутки, изданных в 1801 и 1803 годах для русинов Венгрии, на сто лет позже катехизиса Де Камелиса, является уже не просто трансплантацией украинского книжного языка. Характерно для него, с одной стороны, усиливающее влияние архаизации церковнославянского языка, но с другой стороны, уже появляются местные русинские особенности (Удвари, 1997:193).

В сербских изданиях катехизисов конца XVIII века ещё не укрепился сербский язык. В сербской письменности этого периода конкурируют славяносербский и русскословенский языки (Мокутер, 1983:377). Катехизис, изданный в Вене в 1773 году в типографии Курцбека, является переводом катехизиса Платона Левшина на словено-сербский язык, в котором, однако, преобладает русскословенский элемент. Через несколько лет, в 1776 году у Курцбека выходит катехизис Раича, язык которого уже стоит ближе к народному языку (Младенович, 1964: 14—15).

Итак, на примерах униатских и православных печатных катехизисов видно, что, начиная с Будного, утверждается тенденция проникновения элементов книжного и народного языков в катехизисы в ущерб церковнославянскому языку. Из этого следует, что невозможно было свободное, взаимное использование этих произведений в рамках православия или униатизма. Карпаторусы и сербы принимали литургические, даже и внеслужебные канонические книги из России, но отказывались от катехизисов. По принципу Западной церкви каждая епархия должна была иметь свой катехизис на языке данной области. Поэтому и униаты и православные в Австро-Венгрии стремились иметь свой национальный катехизис.

Источники

1. Катихисісъ, ... /Матѳѳей Кавѳчиньскій, Симѳнъ Будный, Лаврѳн/тѳей Кришковскій, Несвижь, 1562.
2. Краткій катихісмъ історическій... /трудомъ ... М. Нероновіча/ ... въ обители Почаевской, ... 1756. Krótki Katechizm Historyczny ... /M. Neronowicz/ ... w monasterze Poczaiewskim ... 1756.
3. Краткіј катихизис .../Платонъ Левшинъ/ Вена, 1773. /Курцбек/
4. Катихизис малый ... /J. Раји?/ Вена, 1776. /Курцбек/

Литература

1. Алексеев А. А. Кирилло-Мефодиевское переводческое наследие и исторические судьбы /Переводы св. Писания в славянской письменности/. X. Международный съезд славистов. История, этнография и фольклор славянских народов. Наука. Москва, 1988.
2. Возняк М. Історія української літератури. I. II. ч. 1. Київ. 1921.
3. Житецкий П. И. О Пересопницкой рукописи. Труды III Археологического съезда в России ... П. Киев. 1878.
4. Житецкий П. И. О переводах Евангелия на малороссийский язык. Санктпетербург, 1906.
5. Жовтобрюх М. А., Волох О. Т., Самійленко С. П., Слинко І. І. Історична граматика української мови. "Вища школа", Київ, 1980.
6. Жура?ські А. І. "Катэхізіс" А. Буднага. *Беларуская мова. Энцыклапедыя. Мінск. 1994.*
7. Іщенко Д. С. Катехізічні повчання Феодора Студита в українській рукописній збірці XVII ст. *Studia Slavica, t. XXVIII. 1982.*
8. Карский Е. Ф. Белорусы: Язык белорусского народа. Изд-во АН СССР. 1955. вып. 1. 1956. вып. 2. Москва.
9. Крипякевич І. Унійні видання і "руські" переклади А Поссевина в 1580-их рр. *Analecta O. S. V. M. 1928/30 vol. III. Львів.*
10. Кузьминова Е. А. Типы бытования грамматики Лаврентия Зизания в Московской Руси первой половины XVII века. Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология, 1997. № 2.
11. Мдаденови?А. О народном језику Јована Раји?а. Нови Сад, 1964.
12. Прения литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Ильєю и справщиком Григорием по вопросу исправления составленного Зизанием катехизиса. "Летописи русской литературы и древности" /изд. Н Тихонравовым/. Москва, 1859.
13. Янко?ські Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы. Вышэйшая школа. Мінск, 1983.
14. Hauptmann, Peter. Die Katechismen der Russisch-orthodoxen Kirche. *Kirche in Osten, Band 9. Göttingen, 1971.*
15. Ledesma, J. S. J. De modo Catehisandi. Roma, 1573.
16. Mokuter, I. Jezička obeležja srpskih izdanja Budimske Univerzitske Štamparije u periodu od 1796. do 1814. godine. in: *Király P. Typographia Universitatis Hungaricae Budaе 1777-1848. Akad. Kiad. Budapest, 1983.*
17. Strumins'kyj, B. The Language Question in the Ukrainian Lands before the Nineteenth Century. in: *Picchio, R. and H. Goldblatt /eds/, Aspects of the Slavic Language Question. vol. 1-2. Colombus, Slavica, New Haven, 1984.*
18. Udvari, I. Adalékok a kárpátukrán írásbeliség történetéhez /Megjegyzések De Camelis J. nyomtatott műveinek és körlevelének nyelvezetéről/. *Russisztika. Acta Academiae Pedagogiae Nyíregyháziensis, tom 11/Nyíregyháza, 1987.*
19. Udvari, I. Kutka János Katekizmusa. (Buda, 1801) Egy XIX. század eleji ruszin kulcsmű. in: *Ioаннъ Кутка: Катихисісь малый ... Buda, 1801. évi kiadás hasonmása. BGYTF, Nyiregyháza, 1997.*

UDVARI István
(Nyíregyháza)

A ruszin nyomtatott urbáriumról (1766-1772)*

Az 1766—1772 között Bécsben nyomtatott ruszin Urbáriumot (Урбаръ) *Alekszej Petrov* 1908-ban adta ki újra, s röviden foglalkozott annak nyelvezetével is. Alaposabban vizsgálta az Urbárium nyelvét *Dezső László* (1956 131—141) és *Vaszil Nyimcsuk* (1965). A kárpátukrán (ruszin) hangtörténetről írott monográfiájában Iván Panykevics is többször utal az Urbárium nyelvezetére (1958 77—78, 104, 113, stb.). Az Urbárium eredetileg *u*-zó máramarosi nyelvjárásban készült el. A több kéz nyomát viselő munkában azonban hucul, lemek továbbá lengyel és szlovák elemek is előfordulnak. Az Urbáriumról megjelent tanulmányok jellegükből adódóan nem foglalkoztak részletesebben az emlék nem máramarosi jellegzetességeivel, nem tettek különbséget az emlék olyan nyugati szláv eredetű jelenségei között, melyek nem fordulnak elő a ruszin nyelvjárásokban (pl. албо 1, III, якаколвекъ 7 XVIII, поневажъ 8 III, южъ 6 IV, 8 XII, зкаржити 9 VIII. stb.) és olyanok között, amelyek a lemek nyelvjárások sajátosságai közé tartoznak (гевъ 3 I, баръ 4 VI, позоръ 4 VI. stb.) Az eddigi feldolgozások csupán általában mutattak rá, hogy az emlékekben egy sor kimondottan lemek (hangtani, alaktani és szókinestani) vonás van, így nem kaphattak megfelelő értékelést a nyugati szláv elemek sem. E problémák megoldását itt én sem tekintem feladatomnak, itt csupán az általam vizsgált kéziratok egyházi-hivatali írásbeliség és az Urbárium nyelvezetének néhány összefüggésére kívánok rámutatni. Az Urbárium egyetlen nyelvezetének kapcsolatos problémák ugyanis nagyobb részben megérthetők a korabeli ruszin folyóírással egyházi-hivatalos írásbeliségből, ill. Olsavszky Manuel és Bradács János püspökök iratainak nyelvezetéből.

Biztosnak tekinthető, hogy a korabeli folyóírásból erednek a nyomtatott művet követő grafikai sajátosságai: *ѣ* – *ѣ* keveredése, *i*, *j* hangok jelölésének következtelensége, *r* = *g* graféma használata, a szókezdő betűk és az írásjelek használatának egyenlensége, az egybe ill. különírás következtelenségei (*Petrov 1908* 21-25), továbbá a *ѣ* – *и* keveredése stb. (*Petrov 1908* 28). A Bradács-kancellária termékeivel, ill. a Bradács-levelekkel ellentétben az Urbáriumban következetes a *а* – *а* grafémák pozicionális oppozíciója. Ez azonban lehet a hivatalos korrektorkézírás is.

A nyelvemlék kéziratok eredetijében, hasonlóan más kéziratokhoz, három fő nyelvi réteg különülhetett el; ruszin népnyelvi, egyházi szláv és óukrán irodalmi nyelvi. A máramarosi népnyelvi réteg mellett kancellarizmusként már az ősváltozatban is lehettek lemek sajátosságok. Grafikai-fonetikai kancellarizmus a шы, жы, цы. А шы, жы, цы hangkapcsolatok

* Az irodalmat ld.: **Udvari István**: Ruszin (kárpátukrán) hivatalos írásbeliség a XVIII. századi Magyarországon. Budapest, 1995.

olyan nagy számú lexémában vannak jelen, hogy az nem tekinthető kizárólagosan utólagos betoldásnak. Lemk eredetű kancellarizmusnak tekinthetjük a (позоръ мати = figyel, figyelemmel van) 4 VI kifejezést, valamint a nagyon gyakran jelentkező про (acc. = számára részére) előjárósztót stb. Meggyőződésem szerint a кы, гы, хы grafikai tükröztetésében is, szemben a könyvnyelvi (egyházi szláv, óukrán irodalmi nyelvi) helyesírással, közrejátszott a korabeli püspöki kancelláriai gyakorlat, amelyben általános a ruszin népnyelvi eredetű кы, гы, хы kapcsolat. További lemkizmusok lemk nyelvjárásterületről származó cenzor, korrektor kezétől kerülhettek be az Urbáriumba.

Nyimcsuk feltételezi, hogy a fontos gazdasági-jogi dokumentum kéziratát átnézték a munkácsi kolostorban is, vagy maga Olsavszky püspök ellenőrizte. Nincs kizárva, hogy a Bécsben időző Bradács János is átnézte, javította a magyarból készült urbárium fordítását. Lemk nyelvterületről származó szerkesztőre vallanak a fejezetcímek lemkizmusai. Figyelemre méltó, hogy négy fejezetcímbe is megfigyelhető lemkizmus. Feltétlenül számolnunk kell az akkori máramarosi vikárius Zsetkey András személyével, aki hivatalból átnézte, átnézhetette az elkészült fordítást. Zsetkey Ungvárott született, de egy Sáros megyei ruszin községben Geraldon, SR Geraltov nőtt fel/ Vö. *Petrov 1911 197/*; iskoláit Bradács Jánossal egyidőben Nagyszombaton vegézte /Vö. *Duliskovics 1877 233/*. Az Urbárium adatainak jelölésében, mint Petrov kiadásában, az arab szám a dokumentum főbb egységeit (пунктъ), a római szám a kisebb fejezeteket jelöli. Bradácsnál is előfordulnak a ъ>е: тогда K1; Urbár 3 III; х>г: дуговымъ K4, Urbár ся отъгати 3х; и>ы: кривыма K2, Urbár сыроты 6. I; tert > tret: во среду L1, Urbár древа 1 IV. stb. Bradács János püspök hivatalos irataiban is megfigyelhettük a következő alaktani lemkizmusokat: *gen. sing. fem.* -ей: до кождей 1. I.; изъ пустей хащи 2. VII. *100. loc. sing. adj. pronom.* -ым, -им: о кмѣцким телеку 1 (fejezetcím) оу такимъ Вендик-Фогадови 6 IV, оу панскимъ виноградъ 8 XIII stb. оу своимъ газдуствѣ 3 х, 3 XVII часъ, о котримъ 8 XIII, оу котримъ селъ 5 I, (58) stb.

instr. plur. adj. pronom. -ыма, -има: из чужима людми 7 III, готовыма грошами 7 III, межи нима 3 XI, 5 I, stb. готовыма Пинязмъ 4 VI. stb. /Vö. Jedlinszka 1961 61/.

Külön kiemelendőnek tartom bizonyos számnevek struktúrájában megmutatkozó azonosságot, Bradács püsköknél: чотыри и двацат K1, чотыри двацатма K1; Urbár: едень и двацати 8 XVI, чотыри и двацать 8 IV.

A kárpátaljai ruszin nyelvjárások első nyomtatott emlékében szemléletesen megmutatkozik, hogy a XVIII. század harmincas éveitől kialakuló lemk nyelvjárás alapú egyházi-kancelláriai írásbeliség Kelet-Kárpátalján is hatott.

Az urbárium megjelenése idején a lemkizmusok a püspöki hivatal termékein (statútumok, körlevelek stb.) keresztül, később pedig nyomtatványok útján terjedtek. Ezt meggyőzően szemlélteti 1801-ben Budán

megjelent katekizmus, melynek szerzője a Zemplén vármegyei Szukó községben született és felnevelkedett Kutka János.

Anna ZIELIŃSKA
(Warszawa)

Язык польски на Литwie Кowieńskiej

Referat będzie napisany na podstawie badań przeprowadzonych przez autorkę w ostatnich latach na Litwie Kowieńskiej, czyli na obszarze, który przed 2 wojnę światową należał do Litwy. Celem referatu jest przedstawienie zakresu funkcjonowania języka polskiego na tym terenie i opis specyficznych dla tej polszczyzny cech językowych. Mimo znacznego zainteresowania badaczy problematyką polszczyzny za wschodnią granicą kraju, ten obszar nie został jeszcze językowo rozpoznany.

Teren położony w dolinie rzeki Niewiaży wyróżniał się w balej guberni kowieńskiej. Jeszcze w 1920. r. na tym obszarze, liczącym 5 tys. km kw. ludność polska stanowiła 55% ogółu ludności.

Spis z 1989 r. wykazuje, że ten zwarty obszar języka polskiego uległ prawie kompletnej dezintegracji. W Kownie mieszka ok. 2,5 ... Polaków, stanowią 0,6 % ludności. W 4 rejonach Kowieńszczyzny Polacy stanowią mały odsetek ludności: w rejonie janowskim –1,7 %; koszedarskim – 0,8; kowieńskim i kiejdańskim – 0,9%. Do tak drastycznego zmniejszenia się liczby ludności polskiej po 2. wojnie przyczyniły się deportacje w głąb Rosji, emigracja do polski w ramach tzw. repatriacji oraz asymilacja – zanikanie polskiej świadomości narodowościowej. Charakterystyczną cechą Kowieńszczyzny jest brak językowej rusyfikacji zarówno Litwinów, jak i Polaków.

Położenie mniejszości na kowieńszczyźnie jest zupełnie inne niż na terenach Litwy, które przed wojną należały do Polski. Nie działają tu polskie szkoły, a do 1989 r. jedyną polską instytucją był założony w 1961 r. zespół folklorystyczny przy Kowieńskich Zakładach Wytwarzania Gumowych "Inkaras". Sytuacja nieco zmieniła się w 1989 r., gdy w Kownie powstało Koło Związku Polaków na Litwie.

Polacy na Kowieńszczyźnie są dwujęzyczni, posługują się językiem polskim i litewskim. Celem mojej pracy stanie się opis socjolingwistyczny, przedstawiający funkcjonowanie języków używanych przez polską społeczność w poszczególnych sferach rzeczywistości: w kręgu rodzinnym, sąsiedzkim, w szkole, kościele. Szczególny nacisk zostanie położony na opis komunikowania się w rodzinach etnicznie mieszanych.

Analizie językoznawczej zostanie poddana polszczyzna przedstawicieli starszego pokolenia Polaków. Ukazane zostaną cechy językowe będące rezultatem kontaktu językowego z językiem litewskim, oraz w mniejszym zakresie z rosyjskim. Zostanie podjęta próba wykonania kontrastywnego opisu polszczyzny kowieńskiej w stosunku do wileńskiej, przy przyjęciu za podstawę porównania polskiego dialektu północno-kresowego, a dopiero na dalszym tle polszczyzny standardowej.

András ZOLTÁN
(Budapest)

Палемон и Агтила

(Из истории языковых и культурных контактов венгров с народами ВКЛ)

Контакты венгров с народами ВКЛ начались еще в дописьменный период истории наших народов. Предки венгров вступили в контакт с предками балтов и славян еще во время их пребывания на Восточно-Европейской равнине. О древних балто-венгерских языковых контактах свидетельствуют такие заимствования как *tót* 'славянин' < балт. *tautė* и *véter* ~ *vöntör* 'рыболовная снасть из прутьев' < лит. *vėnteris*. Среди огромной массы славянских

заимствований в венгерском тоже можно выделить определенный пласт, который вошел в венгерский язык еще до прихода венгров в Карпатский бассейн из восточнославянских говоров.

Письменная история венгров сохранила память о Литве также с древних времен. Сохранилось сообщение о том, что францисканец Плато Карпини, который по поручению папы Иннокентия IV съезил к монгольскому хану, в 1247 г. на обратном пути заехал к венгерскому королю Беле IV поделиться с ним информацией о своей миссии. В отчете о своей поездке Плато Карпини упоминает и о литовцах, которые представляют опасность для путешественников между Владимиром Волынским и Киевом. Не случайно поэтому, что придворный хронист венгерского короля Владислава IV Шимон Кезай в своей хронике (ок. 1273 г.), включающей в себя и историю гуннов как предысторию венгров, помещая наместников Аттилы на четырех странах света, на севере гуннской империи называет Литву.

Непосредственное знакомство венгров с литовцами после формирования ВКЛ началось в XIV в. при Людовике Анжуйском, который в союзе с Казимиром III вел несколько походов против Литвы. Детальное описание этих походов сохранилось в составе Дубницкой хроники, в которой, хотя и в сильно искаженном виде, передается и текст языческой клятвы Кестутя. В 1398 г. поселился в Венгрии один из внуков Гедимины — прогнанный Витовтом из Подолии Федор Корьятович, который стал здесь одним из крупнейших землевладельцев.

Венгерская версия гуннской истории стала популярной в Польше и Литве при Стефане Батории вследствие перевода на польский язык латиноязычного сочинения венгерского гуманиста М. Олаха *Athila*. Польский перевод Ц. Базылика (Краков, 1574) послужил источником для старобелорусского рукописного перевода ок. 1580 г., а также для М. Стрыйковского, который в своей истории (1582 г.), широко использовал перевод Ц. Базылика, дает интересную версию легенды о происхождении литовцев от римлян, согласно которой Палемон с другими знатными римлянами покинул Рим из-за вторжения Аттилы и гуннов в Италию.

Dorota Żyłko
(*Gdańsk*)

Kodeks Przemyski jako XV-wieczna cerkiewnosłowiańska ruska redakcja adaptacji białorusko-ukraińskiej Słów Izaaka Syryjczyka (biskupa Niniwy)

1. Kodeks Przemyski (własność Biblioteki Narodowej w Warszawie, Akcesja nr 2711) – specyficzny typ cerkiewnosłowiańskiej ruskiej redakcji, charakterystycznej dla ziem etnicznie ruskich dawnej Rzeczypospolitej, uformowanej w warunkach ożywionych kontaktów językowych i kulturowych białorusko-ukraińskich w granicach jednego organizmu państwowego.
2. Białoruskie cechy językowe Kodeksu Przemyskiego: fonetyczne utożsamienie głosek [e] i [e], ślady białoruskiego akania, stwardnienie spółgłoski [c], protetyczna spółgłoska [v].
3. Ukraińskie cechy językowe zabytku: utożsamienie fonetyczne głosek [e] i [i], wokalizacja jerów w przyimkach ??⇒??, ??⇒??, końcówka rzeczowników^{*} o-tematowych w Dat. sg.: -y|???
4. Białorusko-polsko-ukraińskie konsekwencje kontaktów językowych, odzwierciedlonych w języku Kodeksu Przemyskiego: końcówka rzeczowników^{*} o-tematowych w Loc. pl.: -???, stwardnienie pozycyjne [l] przed [n].
5. Orientacja Kodeksu Przemyskiego na południowosłowiańską normę językową, stanowiącą swoisty transfer, dzięki któremu język zabytku zorientowany jest na przestrzeganie normy języka staro-cerkiewno-słowiańskiego na wszystkich poziomach tekstu (archaizacja i hellenizacja języka Kodeksu Przemyskiego).
6. Zabieg bałkanizacji języka Kodeksu Przemyskiego jako próba kontynuacji bizantyńskiej tradycji piśmienniczej i kulturowej oraz prawa do jej reprezentowania w kulturze polskiego

prawosławia na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej.

Сведения об авторах

Алексей АНДРОНОВ

Санкт-Петербургский государственный университет
Кафедра общего языкознания
Россия 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 11
E-mail: aleksey.andronov@pobox.spbu.ru

prof. zw. dr hab. Albert BARTOSZEWICZ

Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Olsztynie
Katedra Językoznawstwa Słowiańskiego
Polska, 10-007, Olsztyn, ul. Szrajbera 11
Tel.: (0-89) 527-36-73, (0-89) 527-79-67 w.2694, Fax.: (0-89) 527-58-47
Adres prywatny: Polska, 10-650, Olsztyn, ul. Ciecchocinska 4; Tel.: (0-89) 534-61-37

Андрій БОРУЦЬКИЙ

Дніпропетровський державний університет
Кафедра української мови
домашня адреса: вул. КІМа 18/6, Дніпродзержинськ, 322622, Україна
fax: (380-562) 78-23-68

Prof. Giovanna BROGI BERCOFF

Università di Milano
Instituto di Lingue e Letterature dell' Europa Orientale
Piazza S. Alessandro 1, 20123 Milano
Tel.: 02-86339301 (307), Fax: 02-86339312, Tel. (athome): 02-26826499
E-mail: illeo@imiucca.csi.unimi.it

Ірына Леанідаўна БУРАК

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка
Кафедра беларускага мовазнаўства
хатні адрас: 220039 г. Мінск, вул. Варанянскага 3–40
Tel.: (017) 268-79-27

DUFALA Krisztina

Eötvös Loránd Tudományegyetem
Keleti Szlav és Balti Filológiai Tanszék
H-1052 Budapest, Piarista köz 1.
Tel. (at home): (36-1) 410-3310

Святлана Іванаўна ФАЦЕЕВА

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка
Кафедра беларускага мовазнаўства
хатні адрас: 220056 г. Мінск, вул. Уруцкая 3–53
Tel.: (017) 268-79-27

Dr. FERINCZ István

József Attila Tudományegyetem
6722 Szeged, Egyetem u. 2.

FÖLDVÁRI Sándor

Kossuth Lajos Tudományegyetem, Debrecen — Eötvös Loránd Tudományegyetem Budapest
H-3301, EGER-1, Pf. 422.
E-mail: alex@isis.elte.hu

Bozena FRANKOWSKA-KOZAK

Uniwersytet Szczeciński, Instytut Filologii Polskiej
al. Piastów 40, budynek nr 4 p. 315, Szczecin, Polska
Fax: (48-91) 224888

Ewa GOLACHOWSKA*Institut Slawistyki PAN*

Al. Ujazdowskie 18 m. 16, 00-478, Warszawa, Polska

Tel./fax: 48 22 629-00-75

Ніна Васілеўна ГАЎРОШ*Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка**Кафедра беларускага мовазнаўства*

Рэспубліка Беларусь, 220809, г. Мінск, вул. Савецкая, 18

Tel.: (017) 2-68-79-27

хатні адрас: Беларусь, 220013, г. Мінск, вул. Сурганава, 40, кв. 59

Tel.: (017) 2-32-96-85

Анатоль АНТОНАВІЧ Гіруцкі*Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка**Кафедра тэорыі і гісторыі мовы*

Рэспубліка Беларусь, 220809, г. Мінск, вул. Савецкая, 18

Tel.: (017) 2-68-79-27

хатні адрас: Беларусь, 220002, г. Мінск, вул. Чарвякова, д.8, кв.107.

Tel.: (017) 234-54-08

Людміла Аляксандраўна ГІРУЦКАЯ*Беларуская політэхнічная акадэмія**Кафедра беларускай і рускай моў**хатні адрас:* Беларусь, 220002, г. Мінск, вул. Чарвякова, д.8, кв.107.

Tel.: (017) 234-54-08

HOLLÓS Attila*Eötvös Loránd Tudományegyetem**Keleti Szláv és Balti Filológiai Tanszék*

H-1052 Budapest, Piarista köz 1.

Tel./fax: (36-1) 266-89-81

KERTÉSZNÉ VARGA Beáta*József Attila Tudományegyetem**Új- és Legújabbkori Egyetemes Történeti Tanszék*

6722 Szeged, Egyetem u. 2.

Tel./fax: (36-62) 454464

KOCSIS Géza*Eötvös Loránd Tudományegyetem**Keleti Szláv és Balti Filológiai Tanszék*

H-1052 Budapest, Piarista köz 1.

Tel./fax: (36-1) 266-89-81

Dr. KOCSIS Mihály egyetemi docens*József Attila Tudományegyetem, Szláv Filológiai Tanszék*

6722 Szeged, Egyetem u. 2.

Tel.: (36-62) 454-000/3551

E-mail: kocsis@tiszanet.hu

Dagmāra KOKINA*Eötvös Loránd Tudományegyetem**Keleti Szláv és Balti Filológiai Tanszék*

H-1052 Budapest, Piarista köz 1.

Tel./fax: (36-1) 266-89-81

Dr Ewa KOMOROWSKA*Uniwersytet Szczeciński, Instytut Filologii Słowiańskiej*

Al. Piastów 40 b, 71-065 Szczecin Polska

Tel.: (0048) (091) 4333-162, (0048) (091) 489-162, w. 380

Ass. Prof. Juozas KORSAKAS

University Siauliai; Lithuania

P. Višinskio 25, Šiauliai, Lietuva

Tel.: (012) 21 458520; (012) 21 438801; Fax: +370 1 435459

E-mail: spi@siauliai.omnitel.net

KOVÁCS Oxána

Eötvös Loránd Tudományegyetem

Keleti Szlav és Balti Filológiai Tanszék

H-1052 Budapest, Piarista köz 1.

Tel./fax: (36-1) 266-89-81

E-mail: eastslav@isis.elte.hu

Юрий Андреевич ЛАБЫНЦЕВ

Институт славяноведения и балканистики РАН

Центр белоруссоведческих исследований

Россия, 117334, Москва, Ленинский проспект, 32–А

Tel.: (095) 938-52-31 (сл.) (395) 308-42-00 (д.) Fax: (095) 938-00-70

E-mail: labyncev@isb.msk.su, slavia@ipsun.ras.ru, slavia@ipsun.ac.msk.su,

LACZHÁZI Aranka

Eötvös Loránd Tudományegyetem

Keleti Szlav és Balti Filológiai Tanszék

H-1052 Budapest, Piarista köz 1.

Tel./fax: (36-1) 266-89-81

E-mail: alaczhazi@osiris.elte.hu

Doc. dr. philol.Ojārs LĀMS

University of Latvia, Faculty of Philology

Visvalza ģēla 4a, LV – 1058 Rīga, Latvia

Tel./fax: 371 – 721 34 05

E-mail: skaidra@fil.lu.lv

Алесь Ігаравіч ЛАУРЭНАЎ

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

Кафедра беларускага мовазнаўства

хатні адрас: 223033 Мінскі р-н, пас. Ждановічы, вул. Зялёная 1–в

Tel.: (017) 268-79-27

Валянціна МАРОЗ

Eötvös Loránd Tudományegyetem, Keleti Szlav és Balti Filológiai Tanszék — Брэсцкі дзяржаўны

універсітэт, Кафедра гісторыі беларускае мовы і дыялекталогіі

хатні адрас: Беларусь, 224030 Брэст, вул.ца Маскоўская

(б-р Пятра Машэрава) д. 66, кв. 54.

Tel: (375) (162) 20-10-41; (375) (162) 26-46-21

Włodzimierz MIKISZEW

Uniwersytet Jagielloński

Instytut Filologii Wschodniostowiańskiej

Al. Mickiewicza 9/11

PL-31-120 Kraków

Adres prywatny: ul. Halszki 1/76, 30-611, Kraków, Polska

E-mail: wmiakisz@vela.filg.uj.edu.pl

Павел Аляксандравіч МІХАЙЛАЎ

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

Кафедра беларускага мовазнаўства

хатні адрас: 220141 г. Мінск, вул. Старынаўская 4–311

Tel.: (017) 268-79-27

Daina NĪTIŅA

University of Latvia, Faculty of Philology

Valdeķu 54/9 – 36, LV – 1058 Rīga

Tel.: 371 – 76 70 893

Мікола НОВ?К

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт

Кафедра гісторыі беларускае мовы і дыялекталогіі

хатні адрас: Беларусь, 224030 Брэст, вул. Дзяржынскага 3

Tel.: (375–162) 26-46-21

Kazimiera PASTUSIAK

Instytut Slawistyki PAN

Al. Ujazdowskie 18 m. 16, 00-478, Warszawa, Polska

Tel./fax: 48 22 629-00-75

PÁTROVICS Péter

Eötvös Loránd Tudományegyetem, Lengyel Filológiai Tanszék

H–1052 Budapest, Piarista köz 1.

Tel.: (36-1) 267-0966/5250

Dr Ryszard RADZIK

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej

Wydział Filozofii i Sociologii, Lublin

Adres do korespondencji: ul. Leszetyckiego 11 m. 37,

20-861, Lublin, Polska

Tel.: (0-81) 74-10-510

E-mail: rradzik@ramzes.umcs.lublin.pl

Dr. Ráduly Zsuzsanna

Eötvös Loránd Tudományegyetem, Lengyel Filológiai Tanszék

H–1052 Budapest, Piarista köz 1.

Tel.: (36-1) 267-0966/5250

Сяргей САЛЕЙ

Central European University

H-1051 Budapest, Nádor u. 9.

Tel.: (36-1)327-31-77

Лариса Леонидовна ЩАВИНСКАЯ

Институт славяноведения и балканистики РАН

Центр белоруссоведческих исследований

Россия, 117334, Москва, Ленинский проспект, 32–А

Tel.: (095) 938-52-31, Fax: (095) 938-00-96

E-mail: slavia@ipsun.ras.ru

Святлана СКАМАРОХАВА

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт

хатні адрас: Беларусь, 2460022 г. Гомель, вул. Савецкая, д.44, кв.32

SZMOLINKA Eszter

Eötvös Loránd Tudományegyetem

Keleti Szláv és Balti Filológiai Tanszék

H–1052 Budapest, Piarista köz 1.

Tel./fax: (36-1) 266-89-81; Fax (at home): (36-1)283-01-09

E-mail: smolinka@freemail.c3.hu; eastslav@isis.elte.hu

Алена Пятроўна СТАРАВОЙТ

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

Кафедра беларускага мовазнаўства

хатні адрас: 220007 г. Мінск, зав. Вузаўскі 9–613.

Tel.: (017) 268-79-27

Anna STAROSCIAK

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
Międzychodzka 5
PL-61874 Poznań

Елена СВЕДЕНЦОВА

*Санкт-Петербургский государственный университет
Кафедра общего языкознания*

Россия 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 11.
E-mail: aleksey.andronov@pobox.spbu.ru

Dr hab. Krystyna SZCZESNIAK

Uniwersytet Gdański, Katedra Slawistyki

Polska, 80-952, Gdańsk-Oliwa, ul. Wita Stwosza 55.

E-mail: piotr@ue.eti.pg.gda.pl , <http://www.ue.eti.pg.gda.pl/~piotr>

SZŐKE Lajos

Esterházy Károly Tanárképző Főiskola

3300 Eger, Esterházy u.2.

Tel.: (36-36)410-466

Dr. UDVARI István

Bessenyei György Tanárképző Főiskola, Ukrán és Ruszin Tanszék

4401 Nyíregyháza, Pf. 166

Tel.: (36-42) 402-488; Tel./fax: (36-42) 402-605; Tel. (at home): (36-42) 316-722

Dr Anna ZIELINSKA

Instytut Slawistyki PAN

Al. Ujazdowskie 18 m. 16, 00-478, Warszawa, Polska

Tel./fax: 48 22 629-00-75

Dr. ZOLTÁN András

Eötvös Loránd Tudományegyetem

Keleti Szlav és Balti Filológiai Tanszék

H-1052 Budapest, Piarista köz 1.

Tel./fax: (36-1) 266-89-81

E-mail: zoltand@isis.elte.hu

Dr Dorota ZYLKO

Uniwersytet Gdański, Katedra Slawistyki

Polska, 80-952, Gdańsk, ul. Wita Stwosza 55

Tel.: (48-58) 552-91-98, (48-58) 548-77-27

Előszó (ZOLTÁN András)

Предисловие (Андрас ЗОЛТАН)

Алексей АНДРОНОВ: От синтаксической конструкции к аналитической форме (аналитические формы наклонений и времен в балтийских и других языках)

Albert BARTOSZEWICZ, Anna STAROŚCIAK: Zagadnienia polsko-wschodniosłowiańskiej konwergencji leksykalnej i słowotwórczej

Альберт БАРТОШЕВИЧ: Еще к вопросу о балтизмах в современных славянских языках

Андрій БОРУЦЬКИЙ: Запозичення українською мовою лексем за часів Великого князівства Литовського та Речі Посполитої

Giovanna BROGI BERCOFF: О программе изучения языков в иезуитской коллегии в Вильнюсе и о языковой ситуации в Великом княжестве Литовском

Ірына Леанідаўна БУРАК: Функцыі паратаксічных злучнікаў у сучасных усходнеславянскіх мовах

Krisztina DUFALA: Kilka uwag o właściwościach językowych kitabú Jakuba Chasieniewicza (ok. 1840 r.)

Святлана Іванаўна ФАЦЕЕВА: Вывучэнне сімвала ? лінгвістычным аспекце

Иштван ФЕРИЦ: Отражение идейной полемики (старомосковских) традиционалистов и (латинствующих) новаторов в письменности 17 века

Sándor FÖLDVÁRI: Наклонение «modus obliquus» в балтийском языковом союзе

Bożena FRANKOWSKA-KOZAK: Z badań nad zoonimią Ziemi Gorzowskiej

Ewa GOLACHOWSKA: Z badań nad polszczyzną Podlasia: Mowa ludności ze wsi włościańskich i szlacheckich

Ніна Васілеўна ГАЎРОШ: Аўтарскае вобразнае значэнне ў мастацкім тэксце

Анатоль Антонавіч ГРУЦКІ — Людміла Аляксандраўна ГРУЦКАЯ: Лёс беларускай мовы ў мастацкім успрыманні беларускіх паэтаў XIX — пачатку XX стагоддзя

Attila HOLLÓS: Венгерские элементы литовского словаря

Beáta KERTÉSZNÉ VARGA: Литовско-украинское государственное сотрудничество и возникновение казачества в 15 веке

Геза КОЧЫШ — Валянціна МАРОЗ: Аспекты перакладу на сучасныя мовы сярэднявечнае лацінамоўнае паэмы Міколы Гусоўскага "Carmen de statura feritate ac venatione bisontis"

Міхаіл КОЧИШ: К вопросу изучения украинских говоров

Dagmāra KOKINA: Миндовг – импульсация парадигмы герой и власть в латышской литературе

Ewa KOMOROWSKA: "Парентеза" в семантико-прагматическом плане

Juozas KORSAKAS: Сопоставительный анализ частотного словоупотребления в балтийских и славянских языках

Оксана КОВАЧ: Новизна и современные результаты акцентологии в свете последних исследований славянских языков

Юрій Андреевич. ЛАБЫНЦЕВ: Литовская кирилловская письменность XIII—XV вв. в контексте кирилло-мефодиевской традиции Великого княжества Литовского

Aranka LACZHÁZI: О развитии юридической терминологии в литовском языке

Ojārs LĀMS: Ancient Lithuania and new Latvia: Lithuanian Mythologema in the Process of the Creation of Latvian National Ideology (Second Half of XIX Century)

Алесь Ігаравіч ЛАЎРЭНАЎ: Некаторыя фанетычныя асаблівасці беларускіх прозвішчаў

Валянціна МАРОЗ: Стылістыка аднаго твора

Włodzimierz MIAKISZEW: "Русская мова" Литовского Статута 1588 года и виленских актов книг конца XVI века

Павел Аляксандравіч МІХАЙЛАЎ: Некаторыя асаблівасці націску дзеясловаў у беларускіх гаворках

Daina NĪTIŅA: Pārmaiņu laika atspulgi latviešu valodā (1988–1998)

- Мікола НОВИК*: Прафесійна-вытворчая лексіка ў Статуце Вялікага княства Літоўскага 1588 года
- Kazimiera PASTUSIAK*: Nazwy głównych świąt cyklu wiosennego i zimowego na Białostoczczyźnie
- Péter PÁTRÓVICS*: Итеративность и выражение повторяемости в прошлом в русском, украинском и польском языках
- Ryszard RADZIK*: Języki Białorusi w XIX—XX wieku (białoruski, polski, rosyjski) — ewolucja ich funkcji i zmienność relacji
- Zsuzanna RÁDULY*: Kalki niemieckie w języku polskim, białoruskim, ukraińskim i rosyjskim
- Сяргей САЛЕЙ*: Царскі тытул у дыпламатычных крыніцах Вялікага княства Літоўскага і суседніх дзяржаў да сярэдзіны XVI ст.
- Ларыса Л. ЩАВИНСКАЯ*: Языковой феномен человека польско-восточнославяно-литовского пограничья XVII в.: Вильнюсский воевода Я. Радзивилл — читатель кириллических рукописей
- С. А. СКАМАРОХАВА*: Аб адэкватнасці мастцкага перакладу (На аснове супастаўлення беларускіх перакладаў апавядання Э. По "Забойства на вуліцы Морг")
- Eszter SZMOLINKA*: Полісемія ў фразеалагічных даведніках беларускай, украінскай ды расейскай моваў
- А. П. СТАРАВОЙТ*: Асаблівасці фарміравання беларускіх прозвішчаў з фармантам *-скі (-цкі)*
- Елена СВЕДЕНЦОВА*: Вопрос о вершине предикативной синтаксической конструкции в случаях реального отсутствия глагола (на материале старославянского, литовского, русского текста гл. I—V Евангелия от Матфея)
- Krystyna SZCZEŚNIAK*: Elementy bałtyckie w toponimii współczesnego pogranicza Polski, Rosji i Litwy
- Lajos SZŐKE*: О языке первых печатных православных и униатских катехизисов
- UDVARI István*: A ruszin nyomtatott urbáriumról (1766—1772)
- Anna ZIELIŃSKA*: Język polski na Litwie Kowieńskiej
- András ZOLTÁN*: Палемон и Аттила (Из истории языковых и культурных контактов венгров с народами ВКЛ)
- Dorota Żyłko*: Kodeks Przemyski jako XV-wieczna cerkiewnosłowiańska ruska redakcja adaptacji białorusko-ukraińskiej Słów Izaaka Syryjczyka (biskupa Niniwy)
- Сведения об авторах